

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 101

«Под сенью дружных муз»

МАТЕРИАЛЫ
XXVII Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2024 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2024

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

М 341

Серия основана в 1996 году.

М 341 **Под сенью дружных муз** : Материалы XXVII Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (13–16 февраля 2024 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2024. — 272 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 101).

ISBN 978-5-94595-136-5

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы XXVII Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко, прошедших в Пушкинском Заповеднике 13–16 февраля 2024 года.

Прошедшие музейные чтения под названием «Под сенью дружных муз» — это разговор о современной работе и значении литературных музеев, прежде всего пушкинских, как хранителей наследия А.С. Пушкина, музеев других поэтов и писателей как хранителей традиций усадебной культуры, формирующей материальные и духовные ориентиры русской жизни, русской истории и литературы.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы и филологии, краеведения, реставрации, музейного и библиотечного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-136-5
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2024

Настоящий выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» содержит материалы очередных Февральских музейных чтений памяти Семёна Степановича Гейченко (1903–1993), проходивших в Пушкинском Заповеднике с 13 по 16 февраля 2024 года. Чтения, приуроченные к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина и 125-летию начала истории Пушкинского Заповедника, дали старт музейным научным мероприятиям 2024 года, посвященным этим ярким юбилейным событиям. Уже в 27-й раз на традиционную февральскую конференцию собрались музейные сотрудники, филологи, историки, представители культурного и научного сообщества из Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Оренбурга, Пскова, Опочки, Пушкинских Гор, Великих Лук.

Прошедшие музейные чтения по названию «Под сенью дружных муз» — это разговор о современной работе и значении литературных музеев, прежде всего пушкинских, как хранителей наследия А.С. Пушкина, музеев других поэтов и писателей как хранителей традиций усадебной культуры, формирующей материальные и духовные ориентиры русской жизни, русской истории и литературы. Прочитанные доклады содержали в себе результаты научно-исследовательской работы по изучению музейной истории, фондовых коллекций музеев и архивных материалов, обмен опытом работы музеев в современных условиях. В свете приближающегося пушкинского юбилея были представлены различные просветительские мероприятия, международные пушкинские проекты, в том числе в издательской деятельности, направленные на популяризацию русского языка и литературы, укрепление духовно-нравственных ценностей и объединение людей в России и за ее пределами вокруг имени и наследия А.С. Пушкина.

*Эдуард Узнев,
ученый секретарь Пушкинского Заповедника*

«ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ»
МАТЕРИАЛЫ
XXVII ФЕВРАЛЬСКИХ МУЗЕЙНЫХ
ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ С.С. ГЕЙЧЕНКО
(13–16 февраля 2024 года)

Любовь Козмина

**КОГДА «НЕИЗВЕСТНЫЙ» СТАНОВИТСЯ ИЗВЕСТНЫМ:
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ИКОНОГРАФИИ
А.П. ГАННИБАЛА**

Помнится, как-то в дискуссии на тему экспонируемого портрета А.П. Ганнибала — с его неподтвержденной атрибуцией — С.С. Гейченко заметил: «Просто вполне достоверные до нас не дошли, нужно искать». Разумеется, и в этом нет сомнений, портреты легендарного прадеда Пушкина существовали. Причем не только официальные — заслуженного генерала, но и зрелого, и более юного возраста. Поиск его изображений проявился с началом восстановительных работ Дома-музея Ганнибалов, вызвав в научном сообществе и в кругу музейных специалистов довольно оживленные дискуссии. И процесс этот, начавшийся в конце 1960-х, продолжается по сию пору. Это и есть предмет нашего обзора, в ходе которого мы рассмотрим иконографические атрибуты представленных портретов.

Отправной точкой исследовательских подходов стала вышедшая в 1975 году в десятом номере эстонского журнала Академии наук «Keel ja Kirjandus» («Язык и литература») статья военного историка, старшего научного сотрудника Таллинского городского архива Георга Лееца «О портрете прадеда Пушкина». В ней Леец опровергает заверение директора архива Министерства иностранных дел М.А. Оболенского в том, что на портрете, купленном им в середине XIX века у московского коллекционера и археографа, статского советника В.А. Юни, изображен

А.П. Ганнибал. Явленный портрет впервые был представлен на выставке, приуроченной к открытию в Москве памятника Пушкину работы А.М. Опекушина, впоследствии он стал принадлежностью Всесоюзного (с 1992 года Всероссийского) музея А.С. Пушкина.

Готовясь к созданию предстоящей экспозиции, С.С. Гейченко в начале 1968 года заказал Н.П. Нератовой написать с этого оригинала портрет А.П. Ганнибала¹. Содружество с замечательным художником, служившей многие годы в этом пушкинском музее, было у него давним, еще с довоенных лет. Великолепный копиист, к тому же искушенный знаток старинных вещей, Нина Петровна была неутомимым помощником Гейченко в приобретении необходимых предметов быта, картин, декора. И до сих пор эти приобретения являются опорными экспонатами в музейных экспозициях Михайловского, Тригорского и Петровского.

Поясное изображение генерала написано на оливково-коричневом фоне, фигура повернута в три четверти к зрителю левым плечом, а лицо дано в три четверти вправо. Его очень смуглый лик со спокойно-пристальным взглядом карих глаз обрамляют зачесанные назад темные волосы с концевыми завитками. На шее сияет знак воинской доблести — Георгиевский крест. Голубая муаровая лента перекинута через правое плечо поверх мундира красного цвета с черным бархатным воротником и золотым шитьем по борту, погрудное пространство которого покрывают звезды орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия II степени.

Однако этими орденами А.П. Ганнибал не обладал. Занимаясь его биографией, Леец выявил, что генерал-аншеф был награжден иными орденами — Св. Анны (1748) и Св. Александра Невского (1760). Изучив наградные документы времен царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II, он установил, что среди сорока одного награжденного орденом Св. Георгия II степени за последние двадцать шесть лет значился лишь один артиллерист. И это герой Очакова, генерал-аншеф артиллерии, барон И.И. Меллер-Закомельский. По мнению Лееца, с большой вероятностью именно Меллер-Закомельский запечатлен на этом портрете. Смуглость генерала объясняется тем, что «последние годы жизни Меллера протекали в Екатеринославской армии — на юге, в Черноморских

¹ Копия портрета А.П. Ганнибала. ПЗ-НВФ-2287 (оригинал во Всесоюзном (Всероссийском) музее А.С. Пушкина, КП-6051). Была закуплена за 300 рублей от Н.П. Нератовой (1912–2000) по заказу Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина. Холст, масло. 71 × 57 см. Протокол ФЗК № 6 от 06.06.1968. Акт ПП № 37 от 30.06.1968.

областях на «горячем солнце»... и темный цвет кожи на его вполне европейского типа лице мог возникнуть от солнечного загара»².

При этом исследователем не берется во внимание акварель М.М. Иванова «Лагерь князя Г.А. Потемкина-Таврического под Очаковым в 1788 году», где Меллер-Закомельский, стоящий рядом с главнокомандующим, изображен светлолицым. Он в таком же красном артиллерийском мундире, что и на живописном портрете. Так же через плечо переброшена Андреевская лента, тот же Георгиевский крест на шее и размещенные на генеральском мундире звезды орденов, полученных за взятие Очаковской крепости — Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия II степени. Единственное отличие состоит в том, что на живописном портрете у него естественные темные волосы, а на рисунке генерал в форменном белом парике. Правда, М.М. Иванов, прикомандированный в 1780-е годы к штабу Потемкина с поручением изображать «все местности и события чем-либо замечательные»³, написал эту картину через четыре года после гибели Меллера-Закомельского в 1790 году при взятии крепости Килии.

Отметим, что и рассматриваемый портрет написан тоже посмертно. Здесь также отсутствует орден Св. Владимира I степени, которым Меллер был награжден в 1785 году, а между тем этот орден носился при любых высших наградах. Но, несмотря на слабое место гипотезы, переатрибуцию портрета поддержали и существенно дополнили Н.К. Телетова — признанный историк фамильных связей в родословии Пушкина, кандидат филологических наук, и В.М. Глинка — авторитетный специалист в области обмундирования, вооружения и военных наград, разработавший комплексную методику атрибуции живописных изображений.

В защиту уже сложившегося к этому времени портретного образа Ганнибала выступили известные пушкинисты. Однако выдвинутые ими противовесы оказались не слишком убедительными. Предположение Н.И. Грановской о честолюбивом помысле Ганнибала или «его детей, вероятных заказчиков портрета» присвоить «хотя бы только на портрете» желаемые ордена⁴, не нашло поддержки. Главный хранитель Все-

² Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980. С. 188.

³ Это сам Потемкин: каталог выставки. К 280-летию светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. Т. 1. СПб., 2020. С. 112.

⁴ Грановская Н.И. Загадочный портрет А.П. Ганнибала // Из пушкинианы Всесоюзного музея А.С. Пушкина / отв. ред. к. и. н. С.М. Некрасов. Л, 1988. С. 99.

российского музея А.С. Пушкина Т.Г. Александрова убедительно развеяла это заблуждение, заметив, что тогда «он (Ганнибал) должен был совершенно не ценить собственные ордена, поскольку на портрете они отсутствуют». Также «нет оснований обвинять и сыновей Ганнибала в приписывании ему не присвоенных орденов. В «Воспоминаниях» Петра Абрамовича называются ордена, которыми отец в действительности был награжден»⁵.

Тем не менее защитники портрета считали, что определять личность изображенного только по наградам неверно, самое главное — облик человека. Этой твердой позиции способствовала работа академика Д.Н. Анучина «А.С. Пушкин (антропологический эскиз)». В ней был сделан вывод о принадлежности Ганнибала к абиссинцам. По мнению ученого, «живописец был, очевидно, не искусный (что доказывается и неверной постановкой плеч), а потому и не умел схватить характерных особенностей физиономии, но, во всяком случае, очевидно, что перед ним был не толстогубый и широконосый негр, а темнокожий хамит с чертами лица, подходившими более к типу белой, чем негритянской расы»⁶.

На основании данного Анучиным антропологического портрета, к тому же определившего и возможное место, где родился Ганнибал⁷, А.М. Гордин называет его то «эфиопом», то «эритрейцем». Между тем сам Пушкин, отыскивающий «всякую строку» о своем африканском предке, собиравшийся «со временем» издать «полную его биографию», нигде не называет ни места рождения своего предка, ни его национальной принадлежности. К собранному фамильным документам, надо сказать, он относился с присущей исследователю тщательностью. Ссылаясь на первоисточник, т. е. на прошение на дворянство, где Ганнибал сообщает, что он «родом из Африки», Пушкин в примечании к первой главе «Евгения Онегина» пишет: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского...» Да и позднее, в 1834 году, уже располагая «Немецкой биографией» Ганнибала, в статье «Начало автобиографии» он пишет: «История моей матери еще любопытней. Дед был ее негр». Для него

⁵ Александрова Т.Г. О портрете А.П. Ганнибала // Из пушкинианы Всесоюзного музея А.С. Пушкина. С. 86–87.

⁶ Анучин Д.Н. А.С. Пушкин (антропологический эскиз). М., 1899. С. 24.

⁷ Анучин Д.Н. Где была пушкинская Африка (родина Ибр. Ганнибала)? // Д.Н. Анучин. А.С. Пушкин (антропологический эскиз). С. 18–21.

прадед всегда и везде только африканский «негр», но не «абиссинец», не «эфиоп», не «эритреец». И тем более не «камерунец».

Камерунская версия появилась благодаря В.В. Набокову. В статье «Пушкин и Ганнибал», опубликованной в английском журнале «Encounter» («Полемика») в июле 1962 года, он тенденциозно опроверг версию Анучина. Писатель рекомендует поразмышлять, «не поймали ли его (Абрама) работорговцы совершенно в другом месте — например, в Лагоне (в области Экваториальной Африки, южнее озера Чад, населенной неграми-мусульманами)»⁸. Набоковскую заданность на исходе XX века, в преддверии 200-летия А.С. Пушкина, развил Дьедонне Гнамманку, утвердив местом рождения арапа Петра Великого столицу народа котоко Логоне-Бирни, расположенную на левом берегу реки Логон, по которой ныне проходит граница между Камеруном и Чадом.

В своем непримиримом отстаивании подлинности изображенного А.М. Гордин выразил предположение, что «портрет выполнен не с натуры, а с какого-то неизвестного нам оригинала 1750-х годов по заказу одного из родных, скорее всего, именно А.К. Роткирха — зятя А.П. Ганнибала, автора сочиненной его биографии, из которой следует, что он выходец из Абиссинии. Причем голова была скопирована, а фигура приписана произвольно»⁹. Однако эта «страшная догадка» уважаемого музейного деятеля оказалась совершенно беспочвенной.

В 1986 году портрет был исследован ведущим антропологом, кандидатом исторических наук Ильей Иосифовичем Гохманом. Исследователь в заключении, несмотря на его оговорку, что оценить антропологические черты по портрету можно лишь приблизительно, дает подробное описание черт лица изображенной персоны: «С большей вероятностью можно сказать, что волосы неизвестного прямые, лоб его имеет средний наклон, лобные бугры выражены. Надпереносье развито средне или слабо. Глаза имеют овальную форму, поставлены прямо, у века нет складки.

⁸ *Набоков В.В.* Пушкин и Ганнибал. Версия комментатора / вступ. ст. и публ. В.П. Старка, пер. с англ. Г.М. Дашевского, прим. Н.К. Телетовой // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 39.

⁹ *Гордин А.М.* Загадка старого портрета // Ленинградский рабочий. 12.09.1986. С. 13. Историк А.Г. Тартаковский резко оспорил эту статью Гордина. См.: *Тартаковский А.Г.* Еще о «Загадке старого портрета»: Письмо в редакцию // Панорама искусств. Вып. 10. М., 1987. С. 417–422. А.М. Гордин в полемической статье «А всё-таки Ганнибал» решительно опровергнул резоны Тартаковского (см.: *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 25. СПб., 1993. С. 161–169).

Удлиненный нос имеет прямую спинку, возможно немного выпуклую, и широкие крылья. Переносье широкое, кончик носа опущен, основание носа опущено. Ярко выражена крыльевая борозда. Рот ширины средней, нижняя губа немного больше средней толщины, верхняя средней толщины. Очертания верхней губы сложные. Лицо неизвестного средней ширины и небольшой высоты. Развитие скул среднее. Нижняя челюсть с явными углами, тяжелая. Подбородок выступает вперед. В совокупности все черты принадлежат человеку европеоидного типа»¹⁰.

Для решения спорного вопроса по атрибуции портрета в этом же, 1986 году портрет был исследован в Русском музее. Основной целью проведенных до этого двух экспертиз — в 1957 году в лаборатории Государственного Эрмитажа и в 1976-м во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря — было уточнение времени создания портрета. В результате технологического и стилистического анализа эксперты Эрмитажа — заведующий лабораторией (отделом) А.И. Косолапов и старший научный сотрудник, доктор искусствоведения И.В. Линник — датируют написание портрета 1920-ми годами (в это время портрет поступил в Пушкинский Дом Академии наук и подвергся реставрации).

Ведущие сотрудники центра Грабаря — заведующая сектором физико-химических методов исследования М.Г. Кононович, заведующий отделом экспертизы В.П. Титов и старший научный сотрудник И.Е. Ломизе — исследованный грунт полотна датируют 80–90-ми годами XVIII века. Автор портрета, по их мнению, типичный выученик XVIII века, лишь поверхностно использующий живописный прием начала XIX века. В приписке Титов дает пояснение, что «вмешательство реставраторов создает впечатление качественной разницы головы и фигуры»¹¹.

По результатам технико-технологического и искусствоведческого исследования портрета в Русском музее, проведенного авторитетным экспертом, заведующей отделом Светланой Викторовной Римской-Корсаковой, было выявлено: «Портрет написан по предварительному рисунку. Техника живописи непрофессиональная. Нежелающих изо-

¹⁰ *Александрова Т.Г.* О портрете А.П. Ганнибала. С. 88.

¹¹ Заключение за подписью заведующего отделом экспертизы Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени И.Э. Грабаря В.П. Титова и старшего научного сотрудника отдела экспертизы И.Е. Ломизе. Из архива автора.

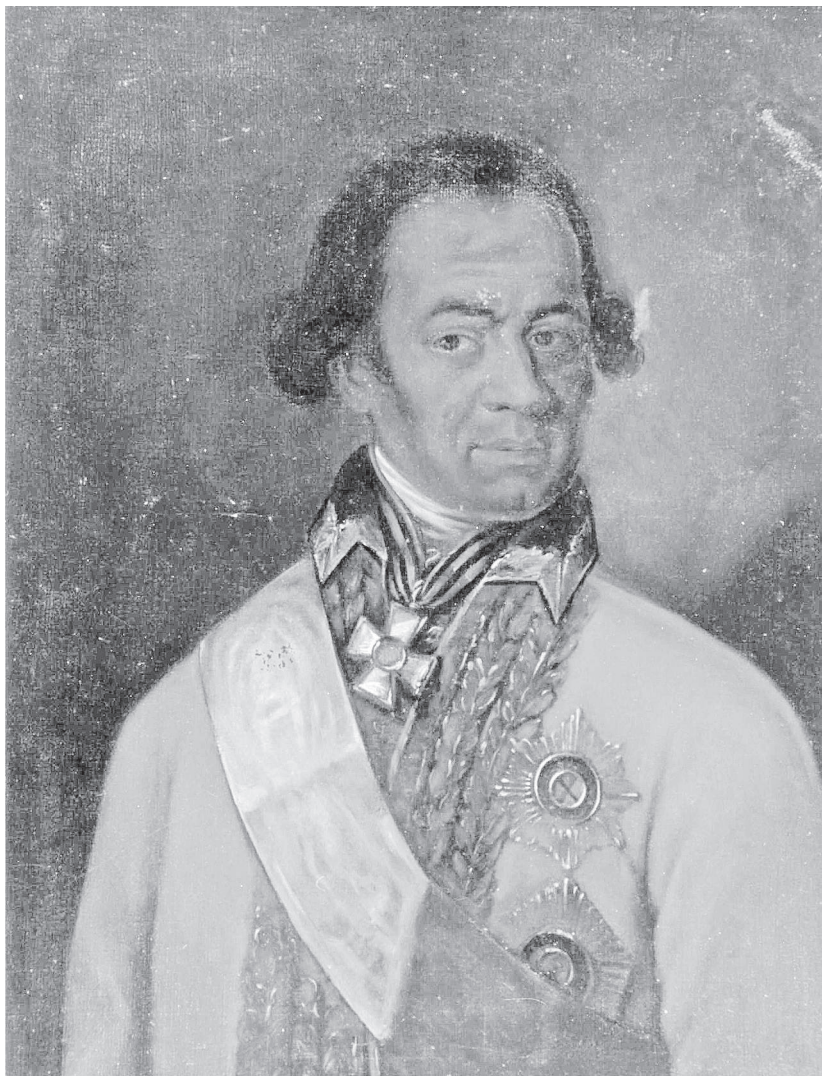

бражений или авторских переписок не обнаружено. Реставрационные записи немногочисленны, но существенно искажают цвет лица изображенного, так как нанесены краской оливо-умбристого тона на самые ответственные участки лица. Так как авторская красочная паста лица практически не имеет белил, то со временем, при увеличении прозрачности связующего, через верхний красочный слой стал просвечивать грунт. Позднейшие прописки еще более увеличили сходство изображенного с «арапом». Возраст их, вероятно, не более ста лет, так как краска записей еще не разывается кракелюрами. Позднейшими являются и описи носа и губ. Ордена Андрея Первозванного и Св. Георгия II класса написаны первоначально по предварительному рисунку, нанесенному на верхний слой грунта. Каких-либо надписей на фоне не обнаружено. Таким образом, портрет можно считать изображением неизвестного работы непрофессионального художника середины — второй половины XVIII века»¹².

Итак, экспертные заключения, все фактические аргументы — мундир, ордена, черты лица, цвет кожи — не подтвердили подлинности портрета как портрета именно А.П. Ганнибала. Немаловажными являются имеющиеся портреты двух сыновей — Меллер-Закомельского и Ганнибала. При их сравнении с портретируемым есть зримые различия. На выступающем вперед подбородке у сына Меллера — Петра Ивановича — такое же углубление, как и на оспариваемом портрете. Этой характерной черты нет на портрете у сына Ганнибала — Ивана Абрамовича: здесь, напротив, убегающий гладкий подбородок.

На проведенном 21 февраля 1986 года директором Всесоюзного музея А.С. Пушкина М.Н. Петай научном заседании с участием руководителей пушкинских музеев обсуждались результаты экспертных заключений. Общее решение было следующим: портрет желательно не экспонировать как портрет А.П. Ганнибала, так как портретируемый приобрел вторую «известность», или экспонировать как «предполагаемый». Но по мере убывания жарких дискуссий портрет с данной означенностью и переприпиской последовательно был убран из постоянных экспозиций пушкинских музеев, в том числе и из Дома-музея Ганнибалов, в экспозиции которого он находился со дня его открытия — с 4 июня 1977 и до апреля 1991 года.

¹² Заключение за подписью заведующей отделом технологических исследований Государственного Русского музея С.В. Римской-Корсаковой. 28.01.1986. Из архива автора.

Портрет Абрама Петровича Ганнибала (?) (по определению М.А. Оболенского). Портрет Ивана Ивановича Меллер-Закомельского (?) (атрибуция Г. Лееца). Копия Н.П. Нератовой с оригинала неизвестного художника. 1790-е годы (?). Холст, масло. 71 × 57. Пушкинский Заповедник

Здесь необходимо отметить, что явленный портрет в конце XIX — начале XX века при публикациях еще ставился под сомнение, а с 1937-го (памятного столетия со дня смерти Пушкина) изображенный стал хрестоматийно известен как А.П. Ганнибал. Ныне в разных изданиях и на сайтах портретируемый предстает с двойной принадлежностью — А.П. Ганнибал и И.И. Меллер-Закомельский — иногда со знаком вопроса, но чаще без него.

Альтернативой этому оспоренному портрету Георг Леец в той же журнальной публикации признает Ганнибала в портрете молодого африканца (которому, по его мнению, лет 25) в ярком экзотическом наряде. Этот портрет был представлен в опубликованной писателем и переводчиком Андре Менье в Париже в 1962 году антологии произведений А.С. Пушкина. Благодаря этому изданию портрет с сопроводительной подписью «Предполагаемый портрет прадеда Пушкина по материнской линии»¹³ стал известен российским исследователям и пушкинистам.

Однако выдаваемый за изображение арапа Петра Великого портрет вызвал обоснованные разногласия. Относительно «французского портрета» имеются три точки зрения: первая — это Абрам Ганнибал (Георг Леец, Н.И. Грановская, Дьедонне Гнамманку); вторая — это Питер Елаев (Н.К. Телетова), третья — это, возможно, придворный африканец датского короля (О.А. Байрд).

При этом следует особо отметить, что российские исследователи выдвигают свои резоны и гипотезы по цветной фотографии, не видя оригинал. Этот фотоснимок¹⁴ в 1978 году был прислан из Парижа во Всесоюзный музей А.С. Пушкина правнучкой А.П. Брюллова — Евгенией Павловной Мининой с извещением, что «портрет был продан на аукционе в г. Версаль, 13 февраля 1977 года за 48 500 франков. Картина в прекрасном состоянии. Без подписи. Реставратор Музея Лувра подтвердил, что это французская школа, XVIII век (Ван Лоо?)»¹⁵.

¹³ *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. С. 191.

¹⁴ Цветная фотография была передана в Суйду и позже использована для создания портрета А.П. Ганнибала для экспозиции музея. См.: *Грановская Н.И.* Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. СПб., 1999. С. 98.

¹⁵ *Байрд (Яценко) О.А.* Еще раз о так называемом «французском портрете А.П. Ганнибала» (уточнение атрибуции портрета) // Гатчина сквозь столетия: исторический журнал: сайт [Электронный ресурс: <http://www.history-gatchina.ru/article/firportret.htm>].

*А.П. Ганнибал (?) (атрибуция Г. Лееца).
Питер Елаев (?) (атрибуция Н.К. Телетовой).
Придворный африканец датского короля (?) (атрибуция О.А. Байрд).
Неизвестный художник (Ж.Б. ван Лоо? или Карел ван Мандера III?).
Первая четверть XVIII века (?). Холст, масло. 156 × 112.
В частном владении Бернара Мея, Париж*

Отсутствие доступа к оригиналу позволило Н.К. Телетовой создать версию о «петровской медали» на груди изображенного, на чем и базируется ее определение модели как Питера Елаева¹⁶. Музеевед О.А. Байрд (Яценко), опираясь на источники, неизвестные авторам атрибуций или не задействованные ими, считает, что на портрете — не Елаев и не Ганнибал. В своей работе она приводит описание портретируемого, сделанное английской писательницей Фрэнсис Сомерс Кокс. Совершая в начале двухтысячных путешествие «по следам Ганнибала», Фрэнсис посетила в Париже дом Бернара Мея, обладателя портрета. Вот как она обрисовала изображенного в своей книге «*The Moor of St Petersburg: In the Footsteps of a Black Russian*» («Петербургский мавр: по следам чернокожего русского»):

«Молодой мавр, написанный в три четверти, выглядит бодрым и крепким; его черная кожа сияет здоровьем; черты лица красивы — четкие и правильные... Это явно сильный мужчина и человек, знающий себе цену. И в то же время... в то же время... он одет очень странно: на нем огромный белый мягкий тюрбан, увешанный украшениями, болтающимися кистями, и кажется, что оранжевая птица приземлилась на его верхушке; в его ушах огромные жемчужины, плечи покрыты леопардовой шкурой, кругом огромное количество красной и белой драпировки, стальная позолоченная кольчуга западного типа и меч, который выглядит скорее восточным, чем африканским. Короче, на нем фантастический костюм, в какой мог бы быть одет маленький черный паж какой-нибудь герцогини или красивые черные царские лакеи в их так называемых костюмах мамелюков.

Но по какой причине военный кадет, посланный российским двором учиться, или офицер французской армии вдруг захотел быть написанным в этом смехотворном наряде? Военная униформа или формальный костюм дворянина были бы более уместны. Это даже и не портрет, а, скорее, намеренно экзотическая картина, изображающая стереотип африканца. Неужели будущий генерал Ганнибал стал бы так унижать себя?»¹⁷

Независимое мнение Фрэнсис Кокс, не принявшей в изображенном Ганнибала, безусловно, веский аргумент. Сравнивая «французский портрет» с «Портретом мавра в тюрбане и кольчуге» работы фламанд-

¹⁶ Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004.

¹⁷ Байрд (Яценко) О.А. Еще раз о так называемом «французском портрете А.П. Ганнибала» (уточнение атрибуции портрета).

ского художника Золотого века Нидерландов Карела ван Мандера III (1609–1670), который хранится в собрании Музея изобразительного искусства в Копенгагене, О.А. Байрд приходит к выводу, что эти два портрета изображают разных людей, но общая композиция и декоративные детали — большой тюрбан с яркой птицей и драгоценной цепочкой на нем, кольчуга, медаль на груди (!), восточный кинжал, жемчужные серьги — очень похожи или даже идентичны, как идентичны и позы изображенных. Размеры портретов не одинаковы, но очень близки: «французский портрет» — 156 × 112 см, датский портрет — 137 × 108 см.

Наряду с этим исследователь отмечает, что темнокожие модели Карела ван Мандера не были плодом его фантазии, т. к. «живописец имел возможность наблюдать и изучать реальных людей: в Амстердаме было немало африканцев, прибывших туда на кораблях Ост-Индской и Вест-Индской компаний. А с 1622 года двое африканцев, Кати (Cuthi) и Мари (Mari), находились и при дворе датского короля: их привез в Копенгаген датский адмирал Ове Гьедде». Отметив, что медаль на датском портрете достаточно четкая, исследовательница безошибочно определяет изображенного — «это профильный портрет молодого короля Христиана IV». Поэтому для разгадки «загадочной персоны», как сама того желает О.А. Байрд, «было бы полезно сравнить эту медаль с медалью на оригинале «французского портрета»¹⁸.

Пушкин, будто предвидя предстоящие споры, на полях черновой рукописи III главы романа о царском арапе рисует профиль Ибрагима, с подчеркнута «негроидными» чертами, который очень сходен с его автопортретами. Б.М. Козмин, уловив в этом рисунке близость к изображению юного арапа-барabanщика на гравюре Николя Лармессена (по картине Пьера Мартена-младшего) «Битва при Лесной», справедливо отметил, что «давая выразительный, утрированный, почти гротесковый образ царского арапа, Пушкин словно угадывает в своем облике фамильные ганнибаловские черты»¹⁹.

Проведенная в 1978–1979 годах хранителем музея-усадьбы Ганнибалов Б.М. Козминым научная атрибуция велась параллельно с главным хранителем отдела истории русской культуры Эрмитажа В.М. Глинкой

¹⁸ Байрд (Яценко) О.А. Еще раз о так называемом «французском портрете А.П. Ганнибала» (уточнение атрибуции портрета).

¹⁹ Козмин Б. «В деревне, где Петра питомец...» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1979. С. 167–171.

Абрам Петров (Ганнибал) — барабанищик лейб-гвардии Преображенского полка (атрибуция Б.М. Козмина). Сражение при деревне Лесной. 28 сентября 1708 года. Николас де Лармессен (1684–1756) по рисунку Мартена Пьера Дени Младшего (1663–1742). Бумага, гравюра. 53,5 × 75,5. Фрагмент. Пушкинский Заповедник

— случайное совпадение по времени двух отдельных исследований. В описании картины Глинка в опубликованной в 1985 году (посмертно) статье уточняет: «На принадлежащей Эрмитажу картине, изображающей бой при Лесной, которая приписывается кисти Пьера Дени Мартена-младшего (1663–1742) и была исполнена именно во время пребывания А.П. Ганнибала во Франции, я увидел среди генералов и офицеров, находящихся в непосредственной близости к Петру, темнокожего юношу с яркими губами, в белой чалме и зеленой куртке, щедро украшенной золотыми галунами. Интересно отметить, что цвет лица этого юноши не черный, а шоколадно-коричневый, такой же, как и на большом полотне Русского музея, а это, по утверждению авторитетных африканистов, характерно для уроженца Абиссинии»²⁰.

Однако при сравнении черно-белых и раскрашенных вариантов гравюр в образе Ганнибала явно видны возрастные различия. В эрмитажном цветном офорте крестник Петра изображен в юношеском возрасте, в коем он пребывал в годы учебы во Франции. В «нашей» гравюре он выглядит на 12–13 лет, что соответствует его возрасту на момент происходящего сражения, если считать годом его рождения 1696-й. Это возрастное несовпадение позволило усомниться устроителям выставки «Поэзия пушкинского мифа» Музея А.С. Пушкина, прошедшей в 2010 году. Поэтому изображенный арап-преображенец в белом тюрбане на цветном отпечатке с гравюры 1830-х годов интерпретирован куратором выставки В.А. Невской как мифологема²¹.

Хотя эти различия «проявлены известной вольностью гравера, отступившего от оригинала»²². Подтверждением допустимого являются публикации авторитетных специалистов, базирующихся на широком круге документальных источников. Мы об этом уже говорили, когда рассматривали семейные параллели в контексте пушкинского изучения истории Петра²³. Но всё же дополним те сведения еще одним немаловажным фактом на основании документов Российского

²⁰ Глинка В.М. Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала // Панорама искусств. № 8. М., 1985. С. 338.

²¹ Невская В.А. Поэзия пушкинского мифа. Каталог выставки. М., 2010.

²² Телетова Н.К. О мнимом и подлинном изображении А.П. Ганнибала // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 103.

²³ Козмина Л.В. «Семейные параллели»: Пушкин — царь-реформатор Петр I // Михайловская пушкиниана. Вып. 94. Сельцо Михайловское, 2023. С. 206–207.

государственного архива древних актов (РГАДА) «об исполнении парижскими мастерами заказа Петра I 1717–1727 годов», выявленных доктором исторических наук Т.А. Лаптевой²⁴. Они свидетельствуют о пребывании в Париже двух денщиков, крестников Петра, оставленных государем для обучения — Алексея Юрова гражданским и политическим наукам, и арапа Абрама Петрова (Ганнибала) — военно-инженерным.

Царские денщики совместно жили, сообща писали письма кабинет-секретарю А.В. Макарову, в которых были не только просьбы и жалобы на безденежное их существование, но и отчеты по выполнению порученных дел. Будущий казначей Академии наук, А.И. Юров периодически сообщал Макарову об исполнении гравюр Лармессеном, взявшимся вырезать для Петра четыре баталии по картонам Мартена. С искусным живописцем в ноябре 1717 года был заключен контракт, но исполнение картин растянулось на длительное время. Мартен беспрестанно запрашивал то недостающую оплату, то необходимые детали — рисунки флагов, схемы сражений и прочее. Ганнибал к этому времени, к 1722 году, уже владея знаниями искусства фортификации, да к тому же зарекомендовавший себя на поприще боевых действий в войне Франции и Испании, став капитаном Королевской армии, несомненно, мог дать пояснения о происходившей битве, участником которой, в качестве посыльного при царе, он был.

Но если с юным Ганнибалом на гравюре Лармессена явных сомнений не возникло, то с атрибуцией персонажа в мозаичном полотне Ломоносова «Бой под Полтавой», в котором Б.М. Козмин ассоциативно увидел маститого Ганнибала с гордо поднятой головой, что свойственно выправке барабанщика, возникли противоречия. В.М. Глинка в упомянутой выше статье не посчитал это возможным, мотивируя это тем, что «предположение, будто Ломоносов знал Ганнибала и захотел именно его изобразить на своей мозаике, надо хоть чем-то обосновать»²⁵.

²⁴ «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии». Документы РГАДА об исполнении парижскими мастерами заказа Петра I 1717–1727 годов / подгот. Т.А. Лаптева // Исторический архив. 2011. № 1. С. 182–197.

²⁵ *Глинка В.М.* Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала. С. 343.

*А.П. Ганнибал (крайний) (атрибуция Б.М. Козмина).
М.В. Ломоносов. Полтавская баталия. 1758–1764. Мозаика. 640 × 480.
Фрагмент. Академия наук, Санкт-Петербург*

Предположения Козмина, опубликованные в 1979 году в газете «Советская Россия»²⁶, были закреплены вышедшей в газете «Известия»²⁷ публикацией об обнаруженных в архиве Астраханской области документах. Они несли в себе подписи и Ломоносова, и Ганнибала. Этот факт свидетельствует о взаимодействии М.В. Ломоносова, назначенного в 1757 году руководить Географическим департаментом при Академии наук, и А.П. Ганнибала, руководителя канцелярий главной артиллерии и фортификации. Для создания Большого атласа Российской империи Ломоносов подготовил специальную анкету для сбора на местах сведений по экономической и физической географии, которая была разослана по всем губерниям. Ганнибал, скорректировав географические запросы, предложил изъять то, что затрагивает государственные тайны²⁸.

Вслед за этим свидетельством в 1984 году Г.А. Богуславский, исследователь истории Петербурга, обнаружил лист старинного плана Васильевского острова с указанием участка, где стоял дом, принадлежащий в 1752–1757 годах А.П. Ганнибалу. «Любопытно одно обстоятельство, — отмечает Богуславский, — в непосредственном соседстве с двором Ганнибала, между 1-й и 2-й линиями, размещался так называемый «Бонов двор», где купившая его Академия наук разбила свой ботанический сад. На этой же территории находился одноэтажный дом, в котором нашла приют первая научная лаборатория России — химическая лаборатория М.В. Ломоносова: он работал и жил здесь до того же 1757 года, что и Ганнибал... Можно ли допустить, что эти два человека не были знакомы, не общались между собой? И не только потому, разумеется, что были ближайшими соседями, но и потому, что принадлежали к одному кругу, были оба людьми очень необычных, «извилистых» биографий, многое видели и знали, оба верны были памяти Петра I, которым восторгались»²⁹.

Эти архивные источники дополнились впоследствии выявленными в конце 2000-х годов историком архитектуры Е.В. Гусаровой в том же Астраханском и петербургских архивах новыми документами, содержащими сведения о строительстве канала в Астрахани под руководством

²⁶ Козмин Б. Прадед мой арап // Советская Россия. 26.08.1979.

²⁷ Подоляко П. Подписал Михайло Ломоносов // Известия. 29.07.1981.

²⁸ Козмин Б. Запечатленные на века // Б. Козмин. Из рода Ганнибалов. М., 1997. С. 301–302.

²⁹ Богуславский Г. Дом «Арапа Петра Великого» // Неделя. 1984. № 49 (1289). С. 14.

Ганнибала и о его педагогической деятельности. В результате, как отмечает Гусарова, нововведений Ганнибала в учебную программу Инженерной школы, поддержанных П.И. Шуваловым и разработанных с участием Ломоносова, инженерное образование стало давать России высококлассных специалистов широкого профиля³⁰.

Как видим, атрибуции в создаваемой иконографии А.П. Ганнибала — вопрос тонкий и длительный, обнаруженные изображения — «мнимые» или «подлинные» — проходят испытание временем. Но благодаря тому, что личность арапа Петра Великого вызывает неослабевающий интерес, процесс изыскания архивных документов вкупе с изучением портретов иных лиц в контексте мемуарных, исторических, литературных и искусствоведческих источников продолжается. И всё это вместе либо подтверждает проведенные ранее атрибуции, либо приводит к новым исследованиям — переатрибуции «неизвестного» к известному.

³⁰ *Гусарова Е.В.* «Главный инженер Российской империи» Абрам Петрович Ганнибал и строительство канала в Астрахани // Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII веков. По документам из собраний Петербурга. СПб., 2009. С. 370–402.

К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ СТОЛОВОГО ПРИБОРА
ОТ ВРЕВСКИХ, ПОТОМКОВ ВУЛЬФОВ,
ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ ОСИПОВЫХ
И ВУЛЬФОВ В ТРИГОРСКОМ

Многие предметы из прошлого необычны, не сразу понятны для музейной аудитории — в этом сложность восприятия предмета. А музейный предмет — основной проводник смыслов в экспозиции.

Одним из таких экспонатов является столовый прибор из экспозиции Дома-музея Тригорского. Согласно Акту № 35 от 7 декабря 1963 года среди вещей, внесенных в Опись основного фонда Пушкинского Заповедника с присвоением инвентарных номеров, рассматриваемый нами предмет записан как «Прибор для подачи яиц к столу в виде металлического подноса с двумя ручками (некомплектный)» (ПЗ-КП-1311. Инв. № У-55). Акт составлен «в том, что из Государственного музея А.С. Пушкина по акту от 21 ноября 1963 года Пушкинским Заповедником приняты на постоянное хранение вещи, полученные в дар от Т.Н. Кузьминой. Примечание: Татьяна Николаевна Кузьмина — научный сотрудник Института общей и неорганической химии АН СССР является доверенным лицом по завещанию Марии Павловны Баклановой, долгое время служившей у Карповых. Борис Григорьевич Карпов¹ — родной внук Е.Н. Вульф»².

Таким образом, данный предмет поступил в Пушкинский Заповедник из семьи потомков Вульфов по линии Вревских, по Акту от 21 ноября 1963 года через Государственный музей А.С. Пушкина

¹ Борис Григорьевич Карпов — сын от дочери Евпраксии Николаевны Вревской (Вульф) — Марии Борисовны Вревской (06.06.1833 — позже 1902). Химик-аналитик, специалист по платине, имел многочисленные труды по микрохимическим методам анализа минералов и руд, получил звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР (из Большой Советской Энциклопедии. 2-е изд. Т. 2. / Аналитическая химия. С. 338 (ссылка из работы Н.В. Лукиной «Князь Александр Борисович Куракин (II) и бароны Вревские» / Московский дом национальностей. Куракинские чтения. М., 2006).

² Акт № 35 от 7 декабря 1963 года. С. Михайловское. Фонды Пушкинского Заповедника.

*Судок (винный прибор). 1840-е — 1850-е годы.
Из экспозиции дома-музея Осиповых и Вульффов в Тригорском.
Фото автора. Апрель 2020 года*

(Москва)³. И в акте из московского музея коротко сказано: «Прибор для яиц». Данную информацию по нашему запросу подтвердила в письме от 17 января 2024 года Наталья Викторовна Лукаш, хранитель коллекции декоративно-прикладного искусства Государственного музея А.С. Пушкина (ГМП). Посетив Отдел учета ГМП, Наталья Викторовна отметила: «Нашла Акт, который Вы упоминаете в письме. Там действительно сотрудниками музея написано «Прибор для яиц». К сожалению, Акт приема в дар от Кузьминой найти не удалось. Есть только карточка из Книги даров, которую составлял наш первый директор — А.З. Крейн. Сделала для Вас фото. Вероятнее всего, в Акте передачи в дар были те же формулировки».

Машинописный текст в упомянутой карточке следующего содержания: «Кузьмина Татьяна Николаевна, Москва. Мемориальные предметы и материалы I пол. XIX в. из имения Вульффов (Тригорское): 32 предмета

³ О некоторых источниках поступления вещей в Пушкинский Заповедник более подробно сказано в статье Е.А. Ступиной «Из собрания Карповых: чашка с женским портретом» (см.: Михайловская пушкиниана. Вып. 99. Сельцо Михайловское, 2023. С. 224–235).

4

КУЗЬМИНА Татьяна Николаевна,
Москва

Мемориальные предметы и материалы I-й пол. XIX в. из имения Вульфов (Тригорское):
32 предмета посуды, 4 предмета мебели красного дерева, 3 картины маслом, 10 книг, репродукции.

*Фрагмент из Книги даров
Государственного музея А.С. Пушкина (Москва).
Составитель: директор ГМП А.З. Крейн, 1963 год.
Фото Натальи Лукаш. 2024 год*

*Вензель на судке из экспозиции Дома-музея Осиповых и Вульфов в Тригорском.
Фото автора. Апрель 2020 года*

посуды, 4 предмета мебели красного дерева, 3 картины маслом, 10 книг, репродукции».

В дальнейшем в фондах Пушкинского Заповедника при составлении инвентарной карточки этому предмету дано следующее описание: «Подносик прямоугольной формы, на четырех ножках. Ножки и ручки фигурные. Край подносика волнистый, орнаментирован. Шесть выточенных полосок проходят по дну двух чаш, расположенных на подносике. Между чашами укреплены два невысоких подсвечника... введено 10.06.2011 года».

Добавим к атрибуции следующее.

Период создания: 1840-е — 1850-е годы

Материал, техника: медь, накладное серебро

Размер:

высота: 9 см

длина: 43 см

ширина: 29,5 см

диаметр чаш: 15 см по верхней кайме, внутри по дну чаш 10 см

Место создания: Россия

Фабрика накладного серебра «Дубинин и К.» (?)⁴

Однако на сегодняшний день есть основания для уточнения и редактирования атрибуции данного предмета. Об этом можно было ранее слышать как от коллег Пушкинского Заповедника, так и от коллег из других музеев или от частных коллекционеров, бывающих на экскурсиях в Тригорском. Например, среди предположений были такие: «архиерейский прибор» (для исповеди и причастия на дому), «пасхаль-

⁴ Знак вопроса ставим потому, что на предмете клеймо не просматривается (возможно, стерлось или находится под следами пайки с обратной стороны), но скорее всего это действительно производство фабрики накладного серебра «Дубинин и К.», поскольку на предмете есть вензель, схожий с тем, что расположен на других предметах, также поступивших от Вревских, потомков Вульфов, из одного источника, с похожими стилистикой и орнаментом и имеющих клеймо фабрики «Дубинин и К.» (основана в 1843 году в Санкт-Петербурге купцом 2-й гильдии В.М. Дубининым. См.: *Лобанева Т.А. Изделия накладного серебра // Труды Государственного исторического музея / Памятники культуры. Вып. XVII. М., 1956. С. 13. Т.А. Лобанева, в свою очередь, делает ссылку на следующий документ: Дело «О награждении фабрикантов по мануфактурной выставке». 1853 год // Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ) (в наши дни РГИА (Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург).*

ный прибор», «соусник», «пладеменаж», «сюрту де табль». Музейные посетители-неспециалисты тоже принимают участие в обсуждении экспоната, причем каждый день в году. Буквально во время проведения экскурсий можно услышать интересные высказывания относительно бытования данного предмета. Например, «прибор для подачи завтрака в спальню», «прибор для бритья», «поднос-передача», «предмет для гаданий» и т. д. При этом многие из посетителей затруднились с ответом.

Рассматриваемый нами предмет действительно является столовым прибором, но название и функциональное значение, на наш взгляд, другое.

Во время поиска аналогичного предмета для уточнения атрибуции мы обратились к различным источникам, среди которых Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (Госкаталог), его официальный интернет-портал. Поиск по Госкаталогу предметов под названием «прибор для яиц», схожих с нашим по композиции, материалу и способу изготовления, дал пока⁵ весьма скромные результаты, да и те не совпали по времени бытования.

К примеру, под номером Госкаталога 23543453⁶ можно найти «прибор для яиц» в форме полуовальной подставки на ножках, в центре корзиночка с крышкой. По периметру подставки расположены металлические штырьки, на двух из которых закреплены, скорее всего, солонки. С двух сторон от корзиночки стоят два стержня, соединенных арочной перегородкой, выполняющей функцию ручки для переноса. На стержнях, напоминающих фонарные столбики, есть крепления для ложек. Данный предмет из Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника датируется началом XX века. Место создания: город Варшава. Материал, техника: латунь, гальваносеребрение. Размер: 24,5 × 32,5 × 25,3 см.

Интересную «подставку под приборы для яиц» (так назван предмет на интернет-портале Госкаталога) можно отметить в Госкаталоге под номером 8799854⁷. Подставка в форме тележки на четырех колесиках. С двух сторон по периметру основания также имеются металлические штырьки для яичных рюмок, а на скобообразных ручках расположены

⁵ «Пока» — потому что на сегодняшний день пополнение музейного фонда Госкаталога продолжается.

⁶ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23685894>].

⁷ Там же.

крепления для ложек. Период создания: начало XX века. Материал, техника: чеканка, белый металл («польское серебро»), пайка, литье. Размер: 11,6 × 24,6 × 21,1 см.

Возможно, этот же самый предмет, после реставрации и в полном комплекте, в 2015 году был представлен, собственно, на выставке в Доме-музее Осиповых и Вульфов в Тригорском⁸ (выставка «Усадебные коллекции Калужского края» из фондов Калужского областного краеведческого музея (сегодня это Калужский объединенный музей-заповедник). В центре подставки видим стеклянную вазу, внутри которой судок с крышкой. По краям от вазы две стеклянные солонки, на штырьках стоят яичные рюмки, а в крепления на скобообразных ручках вставлены ложки. По атрибуции с выставки в Тригорском данный предмет назван «Прибор для яиц». Конец XIX — начало XX века. Польша, город Варшава. Светлый металл, стекло, литье, штамп. Мастерская Зиберта.

Наконец, один из предметов, близких по времени бытования, удалось найти на интернет-сайте торговой площадки «Antiqon»⁹. Называется он «Подача для яиц», или, как указано в подробной атрибуции на обозначенном сайте, «английская, серебряная подача для яиц на шесть персон XIX века. Круглое блюдо на ножках с профилированной, растительной ручкой, выполнено в рокайльном вкусе и снабжено шестью стаканчиками и четырьмя ложечками, лопатки последних имитируют раковины. Серебряных дел мастер Джон Сэмюэль Хант, Лондон, 1846 год. Вес: 1,886 кг. Диаметр: 27 см. Высота: 29 см». Местонахождение: галерея «Antiqon», ул. Бривибас, 52, Рига, Латвия.

На всех представленных предметах мы видим приспособления в виде штырьков для яичных рюмок и крепления для ложек. На предмете из Тригорского таких приспособлений нет.

Если же в поиск Госкаталога ввести слово «судок»¹⁰, то мы получим среди прочих вариант, имеющий чаши, схожие с «тригорскими чашами»,

⁸ Выставка «Усадебные коллекции Калужского края» в доме-музее Тригорского Пушкинского Заповедника [Электронный ресурс: <https://www.pushkinland.ru/museum/exh/exh15/exh342.php>].

⁹ Торговая площадка «Antiqon». Магазин: серебро и металл, европейское серебро [Электронный ресурс: <https://www.antiqon.com/ru/viewItem/shop/angliyskaya-serebryanaya-podacha-dlya-yaic-na-6-person-serediny-19-go-veka-7865/>].

¹⁰ Эту догадку ранее высказывала Елена Алексеевна Ступина, ведущий научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника.

размещенные на круглой подставке числом пять¹¹. Период создания: середина XIX века. Место создания: неизвестно. Материал, техника: медь, накладное серебро. Размер: 27 × 32,5 × 28,5 см. Номер в Госкаталоге: 18946283. Местонахождение: Государственный Эрмитаж.

Интересно отметить, что самое полное объяснение термина «судок» (как столовый прибор) дает Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля: судок — прибор столовый для укуса, масла, перцу и пр. или питейный, графинчики с кубками, поста́вчик¹². Этимологический словарь Фасмера также ссылается на Даля. При просмотре иных словарей мы уже не находим второй части пояснения, идущей после союза «или» («или питейный, графинчики с кубками, поста́вчик»). Например, если взять Словарь русского языка С.И. Ожегова под редакцией Н.Ю. Шведовой (1973), то читаем: судок — столовый прибор с небольшими сосудами для укуса, перца, горчицы и т. п. Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (1984) поясняет судок как столовый прибор с небольшими сосудами для укуса, перца, горчицы и т. п., то есть аналогично Словарю Ожегова и Шведовой. Возьмем Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С.А. Кузнецов, 1998) и прочитаем, что судок — столовый прибор с небольшими сосудами для укуса, перца, горчицы и т. п. Современный толковый словарь русского языка (В 3 т. 2006) Т.Ф. Ефремовой дает вариант: судок — столовая посуда для соусов, подливки; соусник. При этом в Словаре Ефремовой есть примечательное слово с пометой «устаревшее»: это слово поста́вец — род посуды для питья с крышкой (это второе значение по Словарю Ефремовой; первое: род невысокого шкафа с полками для хранения посуды и других хозяйственных принадлежностей; практически так же про «поста́вец» в Словаре Ожегова и Шведовой).

Вот такая эволюция термина «судок». Куда же подевалась вторая часть объяснения слова из Словаря Даля: судок питейный, графинчики с кубками, поста́вчик? Ответ простой — она вышла из употребления и осталась в текстах художественной литературы, русской классики. К примеру, в повести Алексея Феофилактовича Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (Брак по страсти)» (1851) мож-

¹¹ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19083669>].

¹² Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980 (перезд. 1882). С. 354.

но встретить слово «судок» в значении «питейный»: «По окнам стояли чашки, чайник, кофейник, судок для вин». Или (там же): «...у Ферапонта Григорьича выпросила, на свое собственное имя, совершенно новенький судок для водки». Или в романе Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (1887–1889) найдем:

«Жених подходит к судку с водкой, несколько секунд как бы раздумывает и, наконец, сряду выпивает три рюмки, приговаривая:

— Первая — колом, вторая — соколом, третья — мелкими пташками!»

Также найдем красноречивое пояснение по использованию судка (в значении «питейного») при сервировке стола — в кулинарном бестселлере XIX века, в книге Елены Ивановны Молоховец «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве»: «Посередине стола ставится красивый судок, как например, из разноцветного стекла с 2–3 сортами водки в кувшинах или графинчиках с кружечками, навешанными вокруг плетеной подставки, или ставятся просто графины с водкою, а кругом их рюмки» (22-е изд. 1901. Отдел XXXVIII: Сервировка стола и блюд. С. 772).

Собственно, отдельно от Госкаталога удалось найти музейный предмет, похожий на тригорский, под названием «столовый прибор для вина»¹³. Период создания: вторая половина XIX века. Место создания: Санкт-Петербург, Российская империя. Материал, техника: латунь, литье, чеканка, серебрение. Размер: 52 × 40 × 12,5 см. Мастер Р. Афанасьев. Местонахождение: Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Внешняя форма предмета представляет собой полуовальную подставку на четырех ножках, с двумя ручками по краям подставки, на которой закреплены две чаши с невысокими объемными бортиками для сосудов. Также на подставке присутствуют шесть круглых оснований для рюмок, по три с каждой стороны, а по центру, между «гнезд», находится невысокий стержень в виде балясинки с двумя рожками, на конце которых есть стаканчики, напоминающие розетки подсвечников.

Следующий шаг в исследовании снова возвращает нас к Госкаталогу. Если ввести в поиск Госкаталога название не «судок», а «подставка для судка», то получим другой результат. Среди прочего вариант, весьма

¹³ Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Коллекция столовой посуды и приборов [Электронный ресурс: <https://www.old.spbmuseum.ru/funds/465/50508/>].

близкий к предмету из Тригорского по композиции, размерам, материалу, времени и месту создания. Номер в Госкаталоге: 25397041¹⁴. Название «Подставка для судка» в карточке музейного предмета Госкаталога со знаком вопроса. Период создания: середина XIX века. Место создания: Россия. Материал, техника: медь, серебро накладное, выколотка, литье, чеканка, серебрение. Размер: 10 × 42,5 × 28 см. Место нахождения: Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Ярославская область). Различие в том, что вместо двух чаш перед нами так называемые «стаканы», или «гнезда», на трех узорных ножках, закрепленных на круглом основании, поддерживающих металлические кольца, внутрь которых вставляются сосуды. Соответственно, кольца выполняют функцию держателей сосудов, фиксируя их внутри «гнезда».

Похожий вариант предложила в переписке с нами всё та же Наталья Викторовна Лукаш. В одном из писем, от 14 апреля 2023 года, хранитель коллекции декоративно-прикладного искусства ГМП представила предмет под названием «пладеменаж» (от франц. plat — «блюдо, поднос» и ménage — «устройство»). Также данный предмет присутствует на интернет-портале Госкаталога под номером 44015832¹⁵. Предмет завлен как «плато с подставками для графинов и рюмок (пладеменаж)». Время создания: первая треть XIX века. Материал, техника: бронза, литье, накатка, золочение. Размер: 12 × 44,5 × 26 см. Место создания: Россия. Как указано в описании предмета, «держатели для графинов представляют собой прямоугольные рамки, декорированные орнаментом в виде виноградной лозы, помещенные на плоские ножки в виде четырех фигур с атрибутикой четырех времен года. С внешней стороны к прямоугольникам присоединены кольца — держатели для пробок с тем же орнаментом виноградной лозы».

При этом Наталья Викторовна отметила: «В собраниях других музеев я находила разные варианты названий похожих предметов». В качестве еще одного варианта она предложила фотографию с изображением похожего предмета из Каталога коллекции декоративно-прикладного искусства из музея-заповедника «Тарханы». В данном Каталоге сказа-

¹⁴ Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Ярославская область) [Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25539219>].

¹⁵ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=44257299>].

но: «Поднос-передача. Стекло бесцветное, бронза; гранение, шлифовка, золочение. Россия. 1820-е годы».

В решении поставленного вопроса о назначении столового прибора из Тригорского приняла участие и сотрудница из Всероссийского музея А.С. Пушкина (ВМП, Санкт-Петербург) — Елена Валентиновна Старинкова. Елена Валентиновна, хранитель фонда декоративно-прикладного искусства ВМП, кандидат культурологии, сообщила, что название предмета из Тригорского — «подставка для графинов и рюмок». Делая акцент на слове «подставка», Елена Валентиновна подчеркнула, что «термин поднос не соответствует назначению данного предмета, подносы чаще были без ячеек и дополнительных гнезд» (из письма автору от 5 июня 2023 года). В качестве примера специалист сделала отсылку на интернет-портал Госкаталога. Под номером Госкаталога 4890107¹⁶ можно найти предмет под названием «подставка для графинов и рюмок». Период создания: середина XIX века. Материал, техника: медь, литье, серебрение. Размер: 10 × 40 × 24,5 см. Место создания: Россия, Санкт-Петербург. Местонахождение: Государственный музей-заповедник «Петергоф». Глядя на предмет, мы отмечаем, что по сути это тот же «судок»: на подставке две чаши и четыре круглых крепления вдоль периметра, в данном случае, по одной стороне. Между чаш видим основание, маленький пьедестал, на котором, скорее всего, находились утраченные держатели для пробок от графинов.

А еще можно ввести в поиск Госкаталога название «подставка для графинов и стаканов» и получить несколько интересных вариантов прекрасных столовых приборов: сколь отличных, столь и похожих друг на друга. В частности, под номером 24103654¹⁷ мы найдем предмет, максимально похожий на «поднос-передачу (?)» из Рыбинского музея-заповедника Ярославской области (напомним его размеры: 10 × 42,5 × 28 см). В данном случае название «подставка для графинов и стаканов». Период создания: 1840-е годы. Материал, техника: медь, накладное серебро, пресс, пайка. Размер: 17 × 43 × 27 см. Место создания: Россия. Местонахождение: Государственный исторический музей. Основная разница с ярославским предметом в том, что по центру, между кольцеобразных «гнезд», находится не планка, соединяющая кольца,

¹⁶ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4945042>].

¹⁷ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24243823>].

а отдельно стоящее основание, маленький пьедестал, на котором закреплены два держателя для графинных пробок.

А вот как ответила на наш запрос по столовому прибору из Тригорского специалист из Государственного исторического музея (ГИМ, Москва) — заведующая отделом металла музея, кандидат исторических наук Людмила Ароновна Дементьева (фрагмент из письма от 29 июня 2023 года):

«Форма подставки-подноса с двумя ручками очень характерна для судков, которые изготавливали московские мастерские в 1840-х годах.

В собрании Эрмитажа хранится судок, сходный с вашим, — ГК 18946283.

Судя по композиции вашего предмета и его размерам, это, очевидно, судок для вина.

Чаши предназначались для установки хрустальных (стеклянных) графинов с крышками, для пробок которых служили специальные подставки в виде «рюмочек» (это не подсвечники!!!!), а четыре круглых основания были предназначены для рюмок».

Трудно не согласиться с Людмилой Ароновной. Можно еще сказать, что основание судка скорее выполняет функцию подставки, нежели является таковой.

Идентичный ответ мы получили из Государственного Эрмитажа, предварительно сделав официальный запрос от имени директора Пушкинского Заповедника Георгия Николаевича Василевича при ходатайстве хранителя музея-усадьбы «Тригорское» Риммы Валентиновны Бурченковой на имя генерального директора Государственного Эрмитажа Михаила Борисовича Пиотровского. Приведем ответ полностью.

«Глубокоуважаемый Георгий Николаевич,

По поводу атрибуции мемориального предмета из экспозиции музея-усадьбы «Тригорское» — подноса от Вревских (потомков Осиповых и Вульффов) сообщаем следующее: по мнению хранителей отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, это судок или винный прибор, выполненный в технике накладного серебра. Отсутствуют два хрустальных графина и четыре рюмки.

Указанное в фондовой записи производство, «Мастерская «Дубинин и К.» (?), было весьма известно и, в частности, поставляло изделия из накладного серебра для императорского двора.

С уважением,

Заместитель генерального директора,
Главный хранитель Государственного Эрмитажа
Искренне Ваша, С.Б. Адаксина».

Исходя из всего вышесказанного и подводя итоги, делаем вывод о том, что если мы в процессе музейных изысканий обращаемся к Государственному каталогу музейных фондов РФ как к эталону, как к уникальной базе данных о музейных предметах, находящихся в десятках интереснейших музеев нашей страны, или обращаемся к музейным каталогам, или к антикварным магазинам и торговым площадкам, то ответ на поставленный вопрос об уточнении атрибуции, в нашем случае — столового прибора от Вревских, потомков Вульфов из экспозиции Дома-музея в Тригорском, зависит от того, как мы изначально сформулировали запрос. От небольшой разницы в формулировке (прибор для яиц или подставка для прибора для яиц, судок или подставка для судка, подставка для графинов и рюмок или подставка для графинов и стаканов) зависит окончательный результат. Это тот случай, когда мелочи оказываются принципиально важны, когда отсутствие точности в деталях приводит к путанице и появлению и накоплению новых вопросов. Выявляется общая проблема классификации и типологии музейных предметов.

Понятно, что проблема эта объективная. Информация о предметах поступала (и поступает) в Госкаталог на основе тех данных, которые зафиксированы в первичных документах поступления предметов в тот или иной музей. Отсюда и разница в названиях. Они так пришли в какой-либо музей; так оценили предмет одни специалисты, а так другие, а так сказали коллекционеры и дарители при передаче предмета в музей (по своему пониманию и месту проживания, исходя из своего опыта и доступного в определенный момент времени материала).

Как решить проблему сегодня?

Возможно ли на примере «прибора для яиц» или «судка питейного» объединить разные названия, разные мнения, разные тексты, в которые могла закрасться и ошибка многолетней давности, и дать ответную реакцию другим музеям? Музей — Госкаталог — Музей. Чтобы название предмета, схожего по композиции, материалу, технике исполнения, времени бытования, было одинаковым, ибо очевидно. Одинаковым, в том числе и в принципиальных мелочах: не «подставка», а «в форме подставки».

Мы задали вопрос о проблеме атрибуции музейных предметов начальнику отдела ведения централизованного учета Музейного фонда Российской Федерации (проектный офис ФГБУ «Главный информационно-вычислительный центр Минкультуры России») Елене Анатольевне Фомичевой и получили весьма удовлетворительный ответ:

«Уважаемый Сергей Павлович!

В полномочия отдела ведения централизованного учета не входит работа по атрибуции (переатрибуции) музейных предметов, уточнению названий и описаний музейных предметов. Мы контролируем процесс регистрации, исправляем ошибки учета (например, ошибочно внесенный номер по книге поступлений и другие учетные ошибки).

Музейный фонд Российской Федерации составляет около 70 млн предметов, в Государственный каталог в настоящее время загружено более 45 млн.

Вы правильно отмечаете, что в Госкаталог передаются сведения из первичной учетной документации — книги поступлений основного фонда. В настоящее время поставлена задача музеям — зарегистрировать ВСЕ предметы до 31.12.2025. Внесение изменений в книгу поступлений — это длительный и трудозатратный процесс, который у большинства музеев не возможен в настоящее время.

Вопрос переатрибуции как задача музеям будет поставлен после 2025 года. К этому времени планируется разработать программу машинного зрения, использование которой поможет музеям привести описания своих предметов к единообразию» (письмо автору от 18 января 2024 года).

В заключение хочется искренне поблагодарить всех причастных к нашему исследованию и добавить, что в случае с «Судком» из Тригорского при первой возможности, несомненно, нужна докомплектация графинами и рюмками для более полного восприятия, для более точной передачи смысла, который несет в себе данный музейный предмет, весьма достойный публичного представления.

О ПРОДОЛЖЕНИИ РАБОТ ПО ВОССОЗДАНИЮ ИНТЕРЬЕРА ЦЕРКВИ СЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА НА ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ

Возрождая Пушкинский Заповедник, С.С. Гейченко воссоздал Михайловское, Тригорское, Петровское, музей в деревне Бугрово; открылся музей в Святогорском монастыре. Музейные экспозиции постоянно дополнялись и совершенствовались, осваивались заповедные территории. Понимая, что историческое прошлое этих мест оказало несомненное влияние на А.С. Пушкина, С.С. Гейченко включил в музейное пространство Савкину горку, погост в деревне Воронич, городище Воронич. В конце 1970-х годов ограды церквей и фундаменты Георгиевской церкви на городище Воронич и Воскресенской церкви в деревне Воронич силами пушкинских доброхотов были выделены валунной каменной кладкой. С.С. Гейченко думал о воссоздании обеих церквей, но в атеистическом государстве это было невозможно. Городище Воронич стало частью музея-заповедника, объектом экскурсионного показа.

Неотъемлемости истории Георгиевской церкви от истории древней Псковской земли, истории России и истории пушкинской мемориальной усадьбы Тригорское автором была посвящена статья¹.

Воссоздание усадебных объектов соответствует принятому Академией наук СССР после Великой Отечественной войны принципу «максимального приближения всех памятников к их историческому виду, максимального воссоздания в том облике, который они имели при А.С. Пушкине и в каком отразились в его произведениях»². Так, в рамках этого «максимального приближения» Тригорское нуждается в воссоздании господского усадебного дома А.М. Вындомского. К сожалению, достаточного количества данных для этого мало, работа в архивах в этом направлении должна быть продолжена.

¹ *Бурченко К.П.* Городище Воронич: текст к путеводителю // Архив Пушкинского Заповедника. Научный архив (АПЗ. Н/а). АПЗ-КП-7811/эл/н-77.

² *Гаврилова Е.А.* Пушкинский Заповедник в годы Великой Отечественной войны // ВКонтакте: социальная сеть. Публикация 9.03.2019 [Электронный ресурс: <https://vk.com/@kuv57-pushkinskii-zapovednik-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny>].

Георгиевской церкви в этом отношении повезло — сохранились церковные документы с ее описаниями, фотографии начала XX века, что позволило псковскому институту «Спецпроектреставрация» разработать полноценный проект ее воссоздания³.

В период подготовки к 200-летию А.С. Пушкина по заказу Пушкинского Заповедника институтом «Спецпроектреставрация» был разработан проект воссоздания Георгиевской церкви⁴. Используя сохранившиеся документы, реставраторы подготовили проект воссоздания церкви в том виде, в котором она была в пушкинское время.

Средств на воссоздание церкви в рамках подготовки к пушкинскому юбилею выделено не было. Необходимые средства на воссоздание Георгиевской церкви были выделены благотворительным фондом «Общество друзей Пушкиногорья», созданным в 2003 году. Решение о воссоздании храма было принято директором Пушкинского Заповедника Георгием Николаевичем Василевичем, средства были выделены Анатолием Петровичем Секериным, исполнительным директором фонда стал Константин Петрович Бурченков.

Важным этапом работ стало проведение археологических исследований городища Воронич на месте воссоздаваемого храма. Они были проведены в 2002–2004 годах силами археологической экспедиции под руководством старшего научного сотрудника Института материальной культуры РАН, доктора исторических наук, профессора С.В. Белецкого⁵. В состав экспедиции вошли доброты-студенты Санкт-Петербургского государственного университета культуры. По результатам раскопок были внесены изменения в проект воссоздания, что сделало его еще более качественным и достоверным.

Осенью 2004 года были проведены работы по устройству фундамента, полностью повторившего подлинный фундамент храма. Весной 2005 года начались работы по устройству сруба церкви. В целом работы по строительству церкви были завершены осенью 2007 года, в течение 2007–2009 годов была продолжена работа по подготовке к проведению в ней богослужений, велись переговоры с Псковской епархией о ее ис-

³ Церковь Святого Великомученика Георгия Победоносца. ТЭО — проект реставрации (воссоздания). Псков, 1999.

⁴ Там же.

⁵ *Белецкий С.В.* Георгиевская церковь на городище Воронич (по результатам раскопок 2002 года). Михайловская пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 49–50.

пользовании Русской Православной Церковью совместно с Пушкинским Заповедником.

В конце 2009 года благотворительный фонд «Общество друзей Пушкиногорья» передал церковь Пушкинскому Заповеднику. В апреле 2010 года проделанная работа была завершена заключением соглашения между Псковской епархией и Пушкинским Заповедником о совместном использовании церкви. Как музейный объект церковь вошла в состав музея-усадьбы «Тригорское».

После воссоздания церковь стала неотъемлемой частью мемориального пространства Тригорского, став третьим воссозданным музейным объектом после Дома-музея Осиповых и Вульфов и флигеля Банька. Появление очередного усадебного объекта очень значимо — особенно с учетом того, что результаты археологических исследований и архивные материалы указывают на существование на территории усадьбы в мемориальный период множества усадебных построек, определявших облик усадьбы⁶.

Использование Георгиевской церкви не только как объекта музейного показа, но и как действующего храма РПЦ было изначальным условием благотворителей и строителей церкви.

Перед началом работ по воссозданию храма было получено благословение архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия. Велась работа по созданию церковной общины.

8 апреля 2005 года наместник Святогорского Свято-Успенского монастыря игумен Макарий в присутствии жителей окрестных деревень и сотрудников Пушкинского Заповедника вблизи строящейся церкви отслужил первый молебен о благополучном свершении строительства храма. Начиная с этого времени в еще недостроенной церкви стали проводиться молебны, панихиды и литии об упокоении погребенных здесь вороничан, семьи Осиповых и Вульфов, Семена Степановича и Любови Джалаловны Гейченко, похороненных вблизи храма согласно воле С.С. Гейченко. 24 июня 2006 года состоялось освящение и подъем крестов воссоздаваемого храма. Кресты были изготовлены псковскими кузнецами по образцам крестов XVIII века. Освящение провел наместник Святогорского Свято-Успенского монастыря игумен Макарий с братией монастыря.

⁶ Бирюков Ю.Б. Итоги археологического исследования построек усадьбы Тригорское // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. Тригорский сборник. М., 1998. С. 19–24.

Московская Патриархия

ПСКОВСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КАНЦЕЛЯРИЯ

Псков, ул. Л. Поземского, 83-а
☎ 2-22-12

№ 80
"23" июня 2004 г.

Уважаемый Константин Петрович!

Настоящим сообщаем Вам резолюцию Высокопреосвященнейшего Архиепископа Псковского и Великолукского ЕВСЕВИЯ, наложенную на Ваше прошение от 02.06.2004г.

"Божие благословение на возрождение и строительство храма в честь Св. Вмч. Георгия Победоносца на городище Воронич Пушкиногорского р-на под духовным окормлением и попечением о. наместника Святогорского монастыря.

23 июня 2004г.

+ Архиепископ ЕВСЕВИЙ"

Секретарь
Псковского Епархиального управления

проф. И. В. Духанов

УТВЕРЖДЕН

Священным архиереем
[Signature]
епархии
Русской Православной Церкви

" 11 " апреля 2007 года

ПРИНЯТ

Решением собрания учредителей или
Приходским собранием местной
православной религиозной организации

Прихода храма Святого Великомученика
Георгия Победоносца на

сходнице Вороних Токмовской епархии
Русской Православной Церкви

Протокол № 1 от " 6 " июля 2007 г.

УСТАВ

местной православной религиозной организации

Прихода храма Святого Великомученика Георгия Победоносца
(название храма, его место нахождения - село или город, район, республика, край, область, округ)
на сходнице Вороних в с. Туринское Туринского р-на Токмовской

Токмовской епархии
Русской Православной Церкви

181210 Токмовае ади. Туринского р-на с. Туринское

Принят Священным Синодом
единым уставом приходов
Русской Православной Церкви
9 апреля 1998 года

8 августа 2008 года в церкви состоялось первое в современной истории храма венчание.

6 мая 2010 года, в день великомученика Георгия Победоносца, литургию в храме отслужил митрополит Псковский и Великолуцкий Евсевий. С этого времени, по договоренности между музеем-заповедником и епархией, насельниками Святогорского Свято-Успенского монастыря в церкви начали свершаться богослужения в соответствии с установлениями Русской Православной Церкви.

С 2014 года Георгиевский храм входит в состав Великолуцкой и Невельской епархии. 6 мая 2017 года епископом Великолуцким и Невельским Сергием осуществлен чин освящения храма.

Во время строительства начались работы по созданию интерьера церкви. Необходимостью стало наполнение храма богослужебными предметами, иконами, без которых проведение богослужений невозможно. Полноценного исследования данных по иконостасу и иконам церкви проведено не было.

В феврале 2007 года в храме были установлены паникадило и три хороса, изготовленные мастером Евгением Ивановичем Ивановым из города Тихвина по эскизам известного в России и за ее пределами художника Э.Х. Насибулина, одного из учредителей и члена правления Фонда. Тогда же заслуженным деятелем искусств России, академиком, известным искусствоведом-реставратором и благотворителем Савелием Васильевичем Ямщиковым в храм были переданы три иконы середины XIX века — «Божия Матерь», «Господь Вседержитель», «Иоанн Предтеча с чашей» (*см. Приложение в конце статьи*). Эти иконы были приобретены в Австрии корреспондентом «Литературной газеты» Наталией Боргин (урожденной Всеволожской) и отреставрированы С.В. Ямщиковым. По его рекомендации московским иконописцем Павлом Николаевичем Аносовым, ранее написавшим иконы для церкви Михаила Архангела в Вышегороде (Псковская область) и церкви Троицы Живоначальной в Хорошеве (Москва), были написаны шесть икон для нижнего яруса иконостаса храма. Предполагаемый проект иконостаса был разработан иконописцем по материалам института «Спецпроектреставрация».

Позже для храма были написаны иконы «Рождество Христово» и «Вознесение Христово» (иконописец Георгий Панайотов).

В память о С.В. Ямщикове его жена Валентина Михайловна Ганибалова передала в церковь шитую икону преподобного Саввы Вишерского.

В церкви находится икона святого блаженного Тимофея Вороничского, написанная специально для храма преподавательницей Свято-Тихоновского университета Марией Голегузовой.

Одной из святынь храма является икона Богородицы «Всех скорбящих радости», обретенная доброхотом музея-заповедника при купании в реке Сороти у подножия городища Воронич.

Главной ценностью церкви является икона святого великомученика Георгия XVIII века, переданная церкви Святогорским монастырем. Возможно, это «храмовый образ святого великомученика Георгия в резном выносном кивоте в окладе, поля медные...», упоминаемый в описях.

Летом 2007 года в научно-производственном коммерческом центре «Благовест» в Екатеринбурге по заказу благотворительного фонда «Общество друзей Пушкиногорья» были отлиты колокола для храма. Вес самого маленького колокола составил 14 кг, самого большого — 158 кг. Звукоряды колокольного комплекта «Благовеста» соответствуют предписаниям и нотным записям благоустроителей русского цельного звона.

К настоящему времени Георгиевская церковь располагает всем необходимым для проведения в ней богослужений. Но стоит нерешенная задача ее существования как памятника пушкинского времени, церкви тригорских друзей Пушкина. Понимание, как должно быть устроено внутреннее убранство церкви, необходимо для дальнейшего воссоздания храма. И нельзя не согласиться с мнением о том, что «проект иконостаса и внутреннего убранства требует отдельного проекта»⁷.

Большая кропотливая, достойная во всех отношениях научная работа, посвященная иконостасу и внутреннему убранству Георгиевской церкви, поискам аналогов иконостаса, была проделана Е.А. Ступиной⁸.

Проведен сравнительный анализ описей 1802 и 1827 года, результатом чего стала уточненная схема иконостаса, которую как основу можно использовать при его создании (*см. Приложение*).

Уточнено время позолоты деталей «...иконостаса столярной работы гладкой, покрытого голубою краскою, на столбиках карнизцы резные вызолощенные»: это время после 1802 года, но еще при жизни

⁷ Церковь Святого Великомученика Георгия Победоносца. ТЭО — проект реставрации (воссоздания).

⁸ *Ступина Е.А.* Александр Максимович Вындомский и иконостас Георгиевской церкви в начале XIX века // Михайловская пушкиниана. Вып. 71. Сельцо Михайловское, 2019. С. 214–235.

А.М. Вындомского. Высказано предположение, что «обтяжка стен шпалерами в алтаре и холстом с раскраской в основном объеме церкви должна была произойти также при жизни Вындомского».

Схема иконостаса дополнена изображениями на тумбах под местным рядом. Под образом Спасителя помещался сюжет «Богату человеку ему угодился нива» (Лк. 12:16–21). Под образом Божией матери — сюжет «Иаков спа и сон виде и се лествица утверждена на земли» (Быт. 28:12). Под образом Трех Святителей — сюжет «Два человека вниде в церковь помолитися фарисей и мытарь» (Лк. 18:10–14). Приведены иконографические трактовки сюжетов.

Трудно не согласиться с автором в надежде, что «когда-нибудь иконостас Георгиевской церкви хотя бы в первом приближении будет восстановлен на начало XIX века».

Предпринята попытка определения стиля иконостаса Георгиевской церкви, проведен поиск аналогичных иконостасов Опочецкого и Новоржевского уездов⁹. Наиболее интересными показались интерьеры Теребенской, Бутковской и Вехновской церквей. Церковь Воскресения в Теребнях (построена к 1757 году) и Георгиевская церковь на Ворониче (освящена в 1764 году) очень близки по времени появления.

Безусловно интересны сведения, приведенные в статье Е.А. Ступиной «Новое о Георгиевской церкви...»¹⁰

Конечно же, идеально было бы увидеть внутреннее пространство церкви глазами ее тригорских прихожан — А.М. Вындомского, его дочери Прасковьи Александровны, детей Алексея, Анны и Евпраксии Вульф, Александры, Марии и Екатерины Осиповых, когда каждая икона на своем месте и написана в соответствии с канонами того времени. А если бы иконы были подлинниками XVIII–XIX веков? Но подобрать для иконостаса старые иконы по размерам, стилю, сюжетам — невозможно. Это могло бы быть осуществимо для икон вне иконостаса, если определиться с местами их расположения, сюжетами, манерой письма. Есть еще одна проблема — проблема сохранности икон, создания условий

⁹ Ступина Е.А. Интерьеры церквей пушкинского времени Опочецкого уезда: в поисках аналогов для воссоздания иконостаса Георгиевской церкви пригорода Воронич // Михайловская пушкиниана. Вып. 76. Сельцо Михайловское, 2019. С. 179–199.

¹⁰ Ступина Е.А. Новое о Георгиевской церкви пригорода Воронич в середине XVIII века (по материалам РГАДА) // Михайловская пушкиниана. Вып. 76. Сельцо Михайловское, 2019. С. 258–278.

для их хранения в церкви. Старые иконы, конфискованные таможенной службой при попытках вывезти их с территории России и переданные музею-заповеднику для Георгиевской церкви, не могли быть в ней помещены из-за невозможности соблюдения температурно-влажностного режима в соответствии с музейными правилами. Хранителем пожертвованных икон могла бы стать церковная община, но попытка ее создания в 2004 году не увенчалась успехом.

Наиболее реалистичным способом решения вопроса воссоздания близкого к мемориальному внутреннего устройства храма является написание икон, близких по стилю иконам конца XVIII — начала XIX века. Безусловно, иконы должны быть «писаны живописным художеством». За образец можно взять иконы церкви Воскресения Словущего в деревне Терebene Опочецкого района (находящейся неподалеку ровесницы Георгиевского храма). Возможно, иконы для обеих церквей писались одними иконописцами. Как аналоги могут быть использованы иконы других церквей¹¹.

В развитие статьи Е.А. Ступиной «Александр Максимович Вындомский и иконостас Георгиевской церкви в начале XIX века» хочется уточнить расположение икон вне иконостаса на северной и южных стенах церкви. Достаточно трудно по текстам описей определить конкретное положение икон. Трудности также вызывают возможные отличия в размерах окон и дверей, их расположении от того, как было в подлинной церкви.

Помочь продвинуться в понимании текстов может их сопоставление с реалиями сохранившихся интерьеров церквей-аналогов XVIII–XIX веков.

В описи 1802 года сообщается: «На отвороте к стене (со стороны южных дверей) храмовый образ святого великомученика Георгия в резном выносном кивоте в окладе, поля медные...» В описи 1827 года: «У дольной стены близ иконостаса, на правой стороне храмовой образ Святого Великомученика Георгия в резном выносном киводе, в медном окладе». Как трактовать выражения «на отвороте к стене» и «у дольной стены близ иконостаса»? Если принять за отворот к стене примыкающую к алтарной преграде южную стену церкви, то она там не поместится из-за находящегося вблизи от преграды окна. Тем более к самой

¹¹ См.: *Ступина Е.А.* Интерьеры церквей пушкинского времени Опочецкого уезда: в поисках аналогов для воссоздания иконостаса Георгиевской церкви пригорода Воронич.

почитаемой в церкви иконе должны иметь доступ прихожане. В случае расположения иконы на южной стене доступ к ней был возможен только по солею.

В описях упоминаются «два крылоса деревянные с перилами сделаны столярной работы». Традиционные клиросы примыкают к солею. Можно предположить, что «храмовый образ» располагался за южным клиросом, отгораживая его от остального объема церкви (как в Казанской церкви в Пушкинских Горах и Воскресенской в Теребеньях) (см. *Приложение*).

На стене «за правым крылосом» могут быть размещены (помещаются) «старого иконостасу образ Воскресение Христово» и «образ Спасителя Иисуса Христа». Также возможно размещение «с правой стороны над боковыми дверьми восемь пророков в старом своем иконостасе».

Клирос у северных дверей должен располагаться симметрично рассмотренному выше. Что касается размещения иконы пророка Илии («у дольней стены близ иконостаса, с левой стороны образ святого пророка Ильи»), то, опять же, места для нее на примыкающей северной стене нет. Правда, возможен вариант, что ближние к алтарной преграде южное и северные окна в подлинной церкви находились на большем расстоянии от алтарной преграды (тогда иконы святого Георгия и пророка Илии могли быть размещены на примыкающих к алтарной преграде частях южной и северной стен).

Или можно предположить, что, как и в случае с храмовой иконой святого Георгия, икона пророка располагалась в напольном киоте, отделяющем «северный» клирос от западной части церкви.

В соответствии с описями читается следующее расположение икон на южной стене церкви: «За правым крылосом старого иконостасу образ Воскресение Христово писан на дске красками дикого цвету» и «Второй образ Спасителя Иисуса Христа»; «С правой стороны над боковыми дверьми восемь пророков в старом своем иконостасе».

На северной стене церкви «за левым крылосом образ святяги Троицы в раме», к стене «образ Божией матери старого иконостаса». «С левой стороны над боковыми дверьми образа восемь пророков в своем старом иконостасе писаны на дсках красками дикаго цвета».

Встает вопрос определения икон пророческого ряда «в старом иконостасе». Можно предположить, что на иконах были написаны четыре больших пророка: Исая, Иеремия, Иезекииль, Даниил и двенадцать малых пророков — Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум,

Аввакум, Сафония, Аггей, Захария, Малахия. Но пророческий ряд мог включать и праотеческие иконы — как включены, например, иконы Соломона и Моисея в пророческий ряд иконостаса Троицкого собора в Пскове или иконы Соломона, Моисея и Давида — в пророческий ряд иконостаса Троице-Сергиевой лавры. Очевидно, можно учитывать такие решения и «включения» при компоновке воссоздаваемого иконостаса Георгиевской церкви, опираться на схемы близких по времени — XVII–XVIII веков — иконостасов псковских церквей.

В притворе справа «образ в раме — Страшный Суд, перед ним подсвечник деревянный с жестяной накладкой», слева — «образ Пророка Илии, писан на доске красками дикого (серого) цвета» (*см. Приложение*).

1. Иконостас.
2. Клирос «южный».
3. Клирос «северный».
4. «За правым крылосом старого иконостасу образ Воскресение Христово писан на доске красками дикого цвета» и «Второй образ Спасителя Иисуса Христа».
5. «С правой стороны над боковыми дверьми восемь пророков в старом своем иконостасе».
6. «За левым крылосом образ святых Троицы в раме», к стене «образ Божией матери старого иконостаса».
7. «С левой стороны над боковыми дверьми образа восемь пророков в своем старом иконостасе писаны на досках красками дикого цвета».
8. Над дверью притвора «образ Спасителя, писан на доске», в притворе справа «образ в раме — Страшный Суд, перед ним подсвечник деревянный с жестяной накладкой», слева — образ пророка Илии, писан на доске красками дикого (серого) цвета».
9. В алтаре «старого ж иконостаса Преображение Господне», образ писан «на доске Николая Чудотворца дикого цвета», «на горнем месте образ Коронавание Божия Матери писан на холсте».

По аналогам можно предположить, как располагались «подле правого крылоса хоругв писан на холсте, с первой стороны образ Воскресение Христово, на другой стороне Великомученика Георгия... Подле левого крылоса хоругв, с первой стороны образ Богоявление Господне, на второй стороне пророка Илии».

В соответствии с описями и соотносясь с существующей планировкой церкви, упоминаемые в описях иконы располагались в части церкви между алтарем и «трапезной».

В церковных толкованиях понятия притвор, трапезная трактуются так: «Название притвор (притворять, придельвать, пристраивать) дано третьей части храма по той причине, что в определенный исторический момент к двухчастным древним храмам в России стали дополнительно пристраивать третью часть. Другое название этой части храма — трапеза, поскольку в ней в дни больших церковных праздников или поминовения усопших устраивались обеды для нищих»¹². Принимая это во внимание, можно предположить, что на северной стене трапезной располагался «образ пророка Ильи на доске красками дикого цвета», на южной стене трапезной — «образ Спасителя, писан на доске».

Обивка стен и потолка холстом представляется не целесообразной — стены и потолки мастерски исполнены из высококачественной древесины и создают ощущение чистоты и торжественности.

Безусловно, как уже упоминалось, «проект иконостаса и внутреннего убранства требует отдельного проекта», учитывающего наработки, представленные в работах Е.А. Ступиной. И этот проект должен учитывать, что в Георгиевском храме ведутся богослужения.

* * *

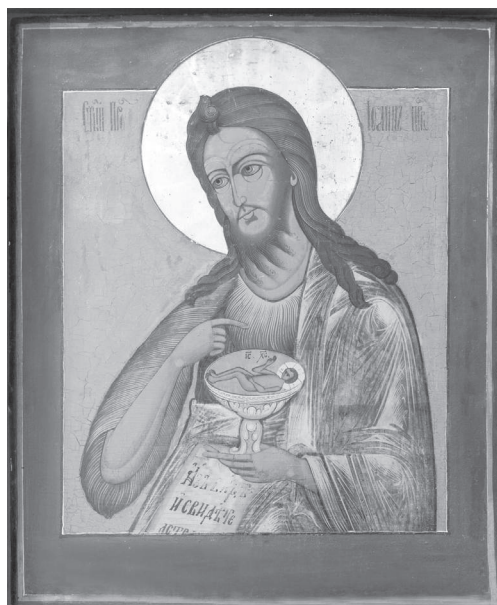
Статья может быть использована при проведении работ по воссозданию интерьера церкви в приближении к мемориальному. Работа по теме должна быть продолжена.

В развитие темы продолжения работ по воссозданию Георгиевской церкви необходимо отметить нерешенные проблемы. Во-первых, необходимо проведение работ по укреплению склонов городища Воронич. Во-вторых, на городище нет водоснабжения, отсутствует система пожаротушения Георгиевской церкви. И в-третьих, необходимо воссоздать дорогу от городища через поле до Дома-музея (утраченный участок дороги пушкинского времени из Михайловского в Тригорское).

¹² Притвор // Православная энциклопедия / Азбука веры: сайт [Электронный ресурс: <https://azbyka.ru/pritvor>].

*Иконы, переданные
С.В. Ямциковым
для Георгиевской церкви:
«Божия Матерь», «Господь
Вседержитель», «Иоанн
Предтеча с чашей».
Середина XIX века*

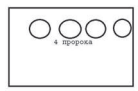
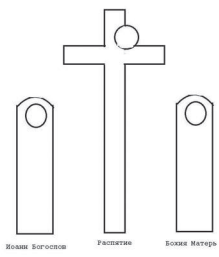

*Икона святого великомученика Георгия,
переданная Святогорским монастырем. XVIII век*

*Копия чудотворной иконы Умиление,
явленной святому блаженному Тимофею Вороничскому*

Апостолы

Праздники

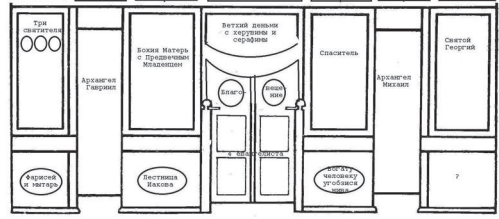
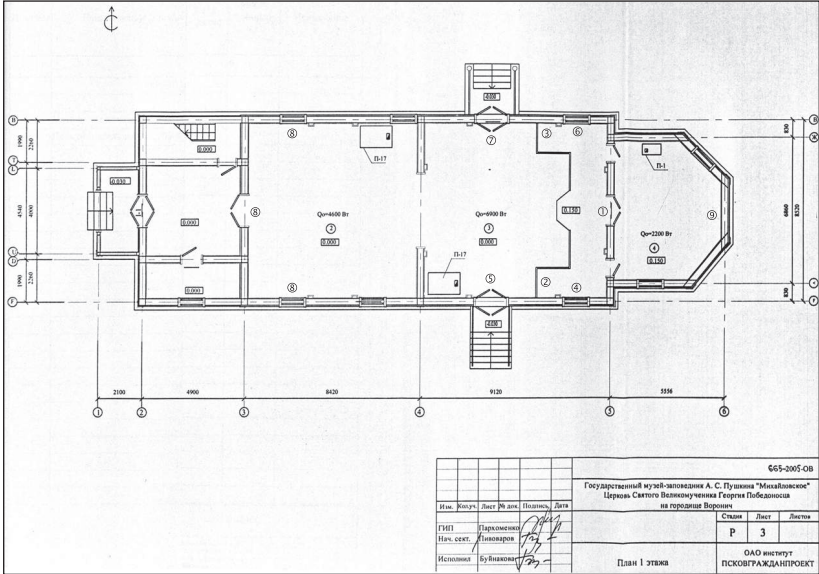

Схема иконостаса Георгиевской церкви по описям 1802 и 1827 годов

*Интерьер Георгиевской церкви с нижним ярусом иконостаса
(иконописец П.Н. Аносов)*

				665-2005-08	
				Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина "Михайловское"	
				Церковь Святого великомученика Георгия Победоносца	
				на городище Воронич	
Изм.	Колуч.	Лист	№ докум.	Полюбовь	Дата
ГМП	Д.С.С.С.С.	Р	3		
Наз. сект.	Лазарев				
Исполнитель	Бу.Возможность				
				План 1 этажа	
				ОАО институт ПСКОВГРАЖДАНПРОЕКТ	

*Церковь святого великомученика Георгия Победоносца
на городище Воронич. План первого этажа*

МОСКОВСКИЙ ДВОРЕЦ ЮСУПОВЫХ КАК МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПУШКИНСКИЙ ОБЪЕКТ

Факт проживания маленького А.С. Пушкина в московском Юсуповском дворце (Б. Харитоньевский переулок, дом 21, строение 4) в 1801–1803 годах известен давно, однако темой специального исследования до сих пор не был.

Обнаружен данный факт был в конце 1920-х годов. В 1930 году вышла статья Л.А. Виноградова, в которой автор, ссылаясь на находки К.В. Сивкова и свои, утверждал: «Удалось установить, что Пушкины жили в «среднем желтом доме» (деревянном особняке, стоявшем параллельно каменным хоромам Юсупова на нынешнем круглом дворе)»¹.

Это утверждение было в науке принято и растиражировано в последующей литературе.

Лишь в 1985 году была опубликована статья С.К. Романюка, в которой обосновывался факт жительства Пушкиных не в деревянном, а в каменном доме, сохранившемся до наших дней и составляющем ныне западную часть Юсуповского дворца². Это утверждение основывалось на открытом исследователем документе — контракте от 24 ноября 1801 года на найм С.Л. Пушкиным (отцом поэта) у князя Н.Б. Юсупова «московского каменного среднего дома» на улице Хомутовке (так до начала XIX века назывался нынешний Б. Харитоньевский переулок), в Яузской части, первом квартале, под № 14, в приходе церкви Трех святителей у Красных ворот³. Версия С.К. Романюка также была принята, однако окончательно установившимся фактом не стала. И сейчас можно встретить иногда утверждения о том, что родители поэта жили в 1801–1803 годах в несохранившемся деревянном флигеле на юсуповском дворе. Когда же в 2015 году владелец дома, соседнего с Юсуповским дворцом с запада (так называемого «дома Прокофьева»;

¹ *Виноградов Л.А.* Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в Огородниках // А.С. Пушкин в Москве. М., 1930. С. 30.

² *Романюк С.К.* О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 годах // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 130–132.

³ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 53. Оп. 4. Д. 885. Л. 102–103 об.

Б. Харитоньевский переулок, дом 19), разобрал здание, построив вместо него новодел, стали говорить, что это, возможно, и был пушкинский дом⁴. Некоторые утверждали тогда, что место, где жили в 1801–1803 годах Пушкины, до сих пор точно не установлено.

Как видим, доводы С.К. Романюка убедили далеко не всех. Чем это можно объяснить?

Свою версию о доме, снимаемом Пушкиными в 1801–1803 годах, известный краевед обосновывал следующим образом: «Сергей Львович нанял «для жительства», как следует из текста контракта, каменный двухэтажный дом, который назывался «средним». На участке, параллельно улице, располагались три каменных жилых здания: правое, двухэтажное — так называемые «старые палаты», левое, одноэтажное — «Чирьев дом» (по фамилии бывшего владельца), а посередине, между ними — двухэтажный, «средний» (по местоположению) или, как он еще назывался в документах Юсуповского архива, «желтый» (очевидно, по окраске) дом»⁵.

Казалось бы, логика железная: если в контракте снимаемый дом назван «средним» — значит, он располагался между двумя крайними, а коль скоро на Хомутовке было три юсуповских дома и стояли они в один ряд, то средний — это тот из них, который располагался посередине.

Проблема заключается, однако, в том, что к ноябрю 1801 года у Юсуповых были на Хомутовке не три, а четыре каменных дома и располагались они не в один ряд, а буквой «Г». В документах московской канцелярии Юсуповых первых лет XIX века действительно часто упоминается «средний дом». Иногда он называется также «средним желтым» или просто «желтым», но какой из четырех домов можно назвать «средним» при Г-образном их расположении — непонятно. Слово «желтый» еще более запутывает ситуацию. Судя по документам, все четыре юсуповских дома на Хомутовке были окрашены в свое время в желтый цвет и возможно — в одно и то же время. Как видим, одни только названия «средний» и «желтый» не дают возможности точно

⁴ См., напр.: *Новичков А.* Год литературы проходит успешно. Подарок ко дню рождения Александра Сергеевича // Наше наследие: Живой Журнал. Публ. 14.06.2015 [Электронный ресурс: <https://nashenasledie.livejournal.com/3464675.html>].

⁵ *Романюк С.К.* О семье Пушкиных в Москве в 1801–1803 годах. С. 131–132.

идентифицировать здание, снимаемое Пушкиными. Чтобы его найти, необходимо руководствоваться более надежными критериями поиска.

Таковыми, как нам кажется, являются не названия домов, а их параметры — адреса, материал постройки, этажность, количество комнат, а также состав служебных зданий на дворе. Изучать же указанные параметры лучше не по документам московской канцелярии Юсуповых, а по планам юсуповских владений.

От времени проживания Пушкиных у Юсупова сохранились три таких плана.

Один из них, составленный в 1803 году, изображает юсуповское владение на северной стороне Хомутовки⁶ (см. *Приложение в конце статьи, Ил. 1*). Два других, датированные 16 декабря 1802 года⁷ (Ил. 2) и 1803 годом⁸, изображают двор на южной стороне улицы. К указанным планам необходимо добавить и два более ранних, составленных архитектором И. Некрасовым в 1799 году, — план «среднего желтого» дома⁹ (данное название прямо указано в заголовке, а изображает план дом, составляющий ныне западную часть дворца Юсуповых) (Ил. 3), а также парный к нему план «большого» юсуповского дома¹⁰ (являющегося сейчас восточной частью дворца) (Ил. 4). Планы Некрасова, хоть и относятся к «допушкинскому» времени, крайне важны для нашего исследования, поскольку содержат в себе поэтажные планы двух юсуповских домов, изображающие все их комнаты на всех этажах, а также фиксируют все служебные постройки на дворах с указанием их назначения.

Из текста контракта, заключенного С.Л. Пушкиным в ноябре 1801 года, видно, что тот снял у Н.Б. Юсупова отдельный каменный дом (двухэтажный, с 13 «покоями» в верхнем этаже и с пятью — в нижнем) со служебными постройками. Согласно контракту, последние включали в себя «фряжской погреб, кладовую и кухню с приспешною избою каменных ж, один жилой покой, погреб, анбар хлебной, каретной сарай и конюшню о восьми стойлах деревянных»¹¹. Говоря иными словами, отец будущего поэта снял у князя целый двор, а не один только дом.

⁶ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 1. Л. 1 л.

⁷ Там же. Ф. 105. Оп. 9. Д. 1953. Л. 2 об.-3.

⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1290. Оп. 7. Д. 1369. Л. 1.

⁹ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989. С. 228.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 1376. Л. 1–2.

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 53. Оп. 4. Д. 885. Л. 102 об.

Из указанных выше планов видно, что у Юсуповых на улице Хомутовке было в 1801–1803 годах четыре двора, компактно расположенных в одном месте. Каждый двор имел жилой каменный дом и несколько служебных построек. На северной стороне Хомутовки располагались три двора, стоявших в одну линию (вытянутую с северо-востока на юго-запад). Главный дом восточного двора — это восточная часть нынешнего юсуповского дворца (*Ил. 5*). Назовем его условно «восточным» домом. Западнее него стоял отдельный дом, составляющий теперь западную часть дворца (*Ил. 6*). Назовем это здание условно «центральным северным» домом. Крайним западным юсуповским домом на северной стороне улицы был нынешний «дом Прокофьева» (*Ил. 7*), который мы также условно назовем «западным». На южной стороне улицы, напротив западного и центрального домов, находился другой дом (будущий «Работный»), который назовем «южным» (*Ил. 8*). Эти условные наименования нужны нам для того, чтобы не оказаться заложниками названий, упоминаемых в делопроизводственных документах, ибо названия эти сами по себе нуждаются в идентификации. Отрешившись от них, посмотрим на четыре юсуповских двора не по названиям, а по параметрам, чтобы понять — какой из них наиболее соответствует контракту 1801 года, заключенному С.Л. Пушкиным.

Сразу отметим, что других дворов на Хомутовке у Юсуповых в 1801–1803 годах, кроме четырех перечисленных, как показывают окладные и квартирные книги начала XIX века, не было.

Южный двор С.Л. Пушкин не мог снимать потому, что, согласно плану данного двора, он имел не тот адрес, какой указан в контракте (двор значился в тех же части и квартале, но под № 83, и числился в приходе другой церкви — Харитония в Огородниках), а также имел к концу 1801 года всего одну служебную постройку (деревянную и ветхую)¹². Главный дом южного двора к концу 1801 года был еще двухэтажным, но в 1803 году был надстроен третьим этажом¹³.

Адрес, указанный в контракте, имели три юсуповских двора, расположенные на северной стороне улицы. Однако крайние западный и восточный из них С.Л. Пушкин снимать также не мог.

Западный дом был, согласно плану, каменным, но одноэтажным, а служебных построек на дворе было только две, причем обе деревян-

¹² ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 1953. Л. 2 об.–4 об.

¹³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 1369. Л. 1.

ные¹⁴. В пушкинском же контракте дом описывается как двухэтажный, и служебных построек при нем указано больше.

Невозможно также представить, чтобы С.Л. Пушкин снимал восточный юсуповский дом. Во-первых, это был главный дом всего владения Юсуповых на Хомутовке и в силу этого наверняка никому не отдавался внаем (его, скорее всего, держали свободным для приездов хозяина). К тому же восточный дом имел, согласно плану 1799 года, гораздо больше комнат на обоих этажах, чем указано в контракте, а других каменных жилых домов на дворе не было. Служебных построек на восточном дворе также было больше, чем указано в контракте¹⁵.

Единственным юсуповским двором на Хомутовке, совпадающим по параметрам с указанными в контракте, является двор, условно названный нами «центральный северный». Главный дом двора, как и значится в контракте, был каменным двухэтажным. Количество комнат его второго этажа, согласно плану 1799 года, почти полностью соответствовало контракту. Совпадал в целом и состав служебных построек (включавших в себя одно каменное здание с кухней и другими помещениями, а также четыре деревянных). Методом исключения получается, что именно этот двор (с главным домом, составляющим теперь западную часть юсуповского дворца) и снимали в 1801–1803 годах родители поэта.

Разобравшись с этим вопросом, можно разобраться теперь и с названиями юсуповских домов на Хомутовке в первые годы XIX века. Делопроизводственные юсуповские документы упоминают следующие их названия: «большой», «старый», «старый большой», «маленький», «Чирьев», «маленький Чирьев», «средний», «желтый», «средний желтый», «новый» и «новокупленный»¹⁶. Про «средний желтый» или «желтый» дом в юсуповских документах 1801–1803 годов прямо пишется, что он отдан внаем С.Л. Пушкину¹⁷, или что в нем «живет Пушкин»¹⁸. Стало быть, данное название относилось к центральному северному дому не только в 1799 году, когда оно было зафиксировано планом И. Некрасова, но и в 1801–1803 годах. Дом, который мы условно назвали

¹⁴ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 1. Л. 1 I.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 1376. Л. 1.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 61. Л. 13 об., 20, 35–42. Д. 73. Л. 10–11 об., 21, 47, 49–68.

¹⁷ Там же. Д. 51. Л. 6 об.; Д. 61. Л. 9 об.; Д. 73. Л. 10 об.

¹⁸ Там же. Д. 61. Л. 35 об., 40–40 об.

«восточным», на другом некрасовском плане 1799 года (в заголовке его назван «большим»), а план этот изображает именно восточную часть нынешнего Юсуповского дворца¹⁹. Дом, условно названный нами «западным», на некрасовском плане «среднего дома» обозначен как «маленький домик, называемый Чирьев». Стало быть, названия «маленький» и «Чирьев» относятся именно к нему. «Новый» же, или «новокупленный» дом — несомненно, южный, т. к. куплен он был Юсуповыми позже всех (в июне 1801 года у М.Ф. Христиани²⁰).

Проведенное исследование показало, таким образом, правильность идентификации С.К. Романюка, сняв все возможные сомнения по данному поводу.

Возникает, однако, вопрос: насколько сохранился «средний» дом, снимаемый Пушкиными в 1801–1803 годах?

Самое раннее его изображение относится к 1835 году²¹ (*Ил. 9*). Неоднократно переделываемый, дом был основательно перестроен в 1891 году под руководством архитектора В.Д. Померанцева — над зданием был сооружен третий этаж; фасады получили новый декор; «средний» дом был соединен с «большим» домом каменным переходом, превратившись тем самым в часть Юсуповского дворца²². Коробка стен «среднего» дома осталась при этом от второй половины XVII века, когда было построено данное здание. Это показало натурное обследование дворца, проведенное во время его реставрации 1961–1968 годов²³. Как было установлено, от допетровской эпохи сохранились не только внешние, но и внутренние капитальные стены бывшего «желтого» дома. Пушкиных, таким образом, эти стены помнят.

Это позволяет поставить вопрос: можно ли «вычислить» комнату, в которой жил в 1801–1803 годах будущий поэт? (С поправкой на то, что ее своды и оформление интерьера относятся сейчас к рубежу XIX–XX веков.)

Оказывается — можно.

¹⁹ РГАДА. Оп. 7. Д. 1376. Л. 1.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 45. Л. 1–2.

²¹ ЦГА Москвы. ОХ НТД. Ф. Т-1. Оп. 18. Д. 33. Ед. хр. 4. Л. 1.

²² Там же. Ед. хр. 12. Л. 1–9. Ед. хр. 13. Л. 1–7.

²³ *Сорокина Н.М.* Дом Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке: реконструкция и реставрация памятника в XIX–XX веках и в начале 2000 годов // Архангельское. Материалы и исследования. Вып. 6. Дворец Юсуповых в Москве. М., 2023. С. 84.

Сохранилась опись мебели одного из юсуповских домов, сделанная при сдаче его внаем П.И. Тюфякину в 1789 году²⁴. В документе не говорится, что это за дом, однако из контекста видно, что речь, скорее всего, идет именно о «среднем желтом» доме (имеющем такие же параметры, что и описываемое в описи здание). Поскольку опись мебели, сделанная двенадцатью годами позже (в 1801 году²⁵), показывает в «среднем» доме практически такую же обстановку, что и в доме, сданном Тюфякину, можно предположить, что с 1789 до 1801 года в «желтом» здании мало что изменилось. В описи 1789 года во втором этаже показано 13 «покоев» (комнат), включая сени (с указанием названия каждой из них), — и столько же указано в контракте С.Л. Пушкина на аренду «среднего» дома 1801 года.

Все эти комнаты хорошо видны на плане «среднего желтого дома» 1799 года, хотя и не подписаны. Можно, однако, вычислить, как называлось большинство показанных на плане комнат к 1789 году — на основании описи мебели в доме, сданном П.И. Тюфякину. Спальней к 1789 году, была, видимо, комната в юго-восточном углу, а столовой — вторая комната с запада в северной анфиладе. Сени с лестницей занимали юго-западный отсек, а передняя — северо-западный угол. К востоку от столовой располагалась, видимо, «предпарадная», а южнее ее — «парадная». Комната южной анфилады, примыкающая с востока к сеням, была разделена перегородкой на две части — «буфет» и комнату «перед буфетом». Никакой «детской» в описи 1789 года не упоминается.

К 1801 году расположение сеней, столовой, спальни и передней, несомненно, сохранилось (оно определялось просто габаритами указанных комнат). Назначение же других «покоев» Пушкины могли и изменить. «Деревянная» комната, скорее всего, стала комнатой хозяйки (поскольку рядом располагалась маленькая «девичья»). Для «детской» же самой оптимальной комнатой была бывшая «парадная», т. е. средняя из трех южных жилых комнат — вторая с запада, не считая сеней, и вторая с востока (*Ил. 10*). Она находилась на солнечной (южной) стороне, примыкала к спальне родителей, рядом имела небольшую комнатку («передбуфетную»), в которой могла размещаться детская прислуга. Более удобного для «детской» помещения, за вычетом перечисленных неизменных комнат, не было. Остальные комнаты были небольшими

²⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 10. Л. 1–7.

²⁵ Там же. Д. 53. Л. 18.

проходными «клетушками», где разместить трех маленьких детей было трудно.

А где же тогда Сергей Львович принимал своих гостей — брата Василия Львовича, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и других?

В том-то и дело, что места для полноценной гостиной в доме не нашлось. Гости приходилось, видимо, принимать либо в столовой, либо в небольшой «предпарадной», что было крайне неудобно для любящих общество хозяев.

Не потому ли Пушкины недолго задержались в юсуповском доме? Въехали в него они, как мы помним, в конце 1801 года. По отношению к периоду с ноября 1801 по ноябрь 1802 года мы имеем 10 прямых документальных свидетельств проживания Пушкиных в юсуповском владении — помимо вышеупомянутых упоминаний делопроизводительных юсуповских документов, к ним относятся также записи в исповедной и метрической книгах церкви Трех святителей²⁶. Весной же следующего, 1803 года мы застаем в юсуповском доме, согласно исповедной ведомости, лишь дворовых Сергея Львовича²⁷. И это при том, что арендную плату С.Л. Пушкин внес Юсупову вперед — вплоть до 1 июня 1803 года²⁸. Реально Пушкины жили в «среднем» юсуповском доме, получается, только в конце 1801 и в 1802 году, а на рубеже 1802–1803 годов куда-то уехали, не отказываясь при этом от аренды здания. Вернулись в Москву они, видимо, ближе к середине года и сразу же подыскали себе новый дом — графа Санти, где мы застаем родителей поэта к декабрю 1803 года²⁹. Похоже, он оказался для Пушкиных более комфортным.

А какие события в жизни самого Александра Сергеевича связаны со «средним» юсуповским домом? Воспоминания о маленьком Саше других лиц отражают сравнительно поздний период его детства. К жизни у Юсуповых уверенно можно отнести лишь два элемента пушкинской «Программы автобиографии» — «Юсупов сад» и «Землетрясение»³⁰. Поскольку землетрясение датируется точно (14 октября 1802 года), а за-

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 131. Л. 134 об.; Д. 136. Л. 86–86 об., 90 об.; Оп. 747. Д. 757. Л. 297 об.–298.

²⁷ Там же. Д. 767. Л. 155.

²⁸ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 73. Л. 10 об.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 141. Л. 166.

³⁰ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 74.

пись «Юсупов сад» предшествует ему, можно предположить, что данная запись отражает впечатления весны — лета 1802 года.

Но что это был за сад?

Обычно считается, что речь здесь идет о «Юсуповом саде» к югу от Хомутовки (т. е. о «большом» саде). Позволим себе в этом усомниться.

Снятый Пушкиными «средний» дом имел свой собственный сад, расположенный к северо-западу от здания, о котором Сергей Львович прямо писал в контракте: «Принадлежащей ко оному дому сад для прогулки моей и приезжающих ко мне гостям — остается в ползу мою»³¹. Этот сад хорошо показан на плане «среднего желтого» дома 1799 года и выглядит вполне благоустроенным. Назывался сад, судя по юсуповским документам, «маленьким»³².

Что же касается «большого» сада, то он, во-первых, был дальше от снимаемого Пушкиными дома (через дорогу от него). Во-вторых, нет никаких свидетельств того, что в первые годы XIX века «большой» сад был общедоступным (каким он был в «послепожарное» время³³). Вполне возможно, что в 1802 году для посещения «большого» сада требовалось еще специальное разрешение, в то время как право пользования Пушкиными «маленьким» садом определялось условиями аренды. В-третьих, известно, что в 1802 и 1803 годах в «большом» саду проводили масштабные работы по строительству и благоустройству — сажали новые деревья, строили теплицу и парник, укладывали новый дерн, укрепляли берега пруда, возводили новую ограду и т. п.³⁴

Возникает естественный вопрос: зачем водить гулять маленьких детей в сад, расположенный неблизко; в место, представляющее собой сплошную стройку (где и грязно, и небезопасно для малышей); да еще, возможно, спрашивать на это разрешение? Не лучше ли водить их в уютный, благоустроенный сад, лежащий буквально под окнами дома и находящийся в полном распоряжении родителей?

Ответ, думаем, очевиден. Маленьких детей С.Л. Пушкина водили гулять весной и летом 1802 года не в «большой», а в «маленький» Юсупов сад.

³¹ ЦГА Москвы. Ф. 53. Оп. 4. Д. 885. Л. 102 об.

³² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 73. Л. 54–55, 57–58; Д. 128. Л. 2, 19.

³³ *Любецкий С.* Отголоски старины (Историческая мозаика). М., 1867. С. 41.

³⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 61. Л. 13 об., 20, 35–42 об.; Д. 73. Л. 21–21 об., 49–66 об.

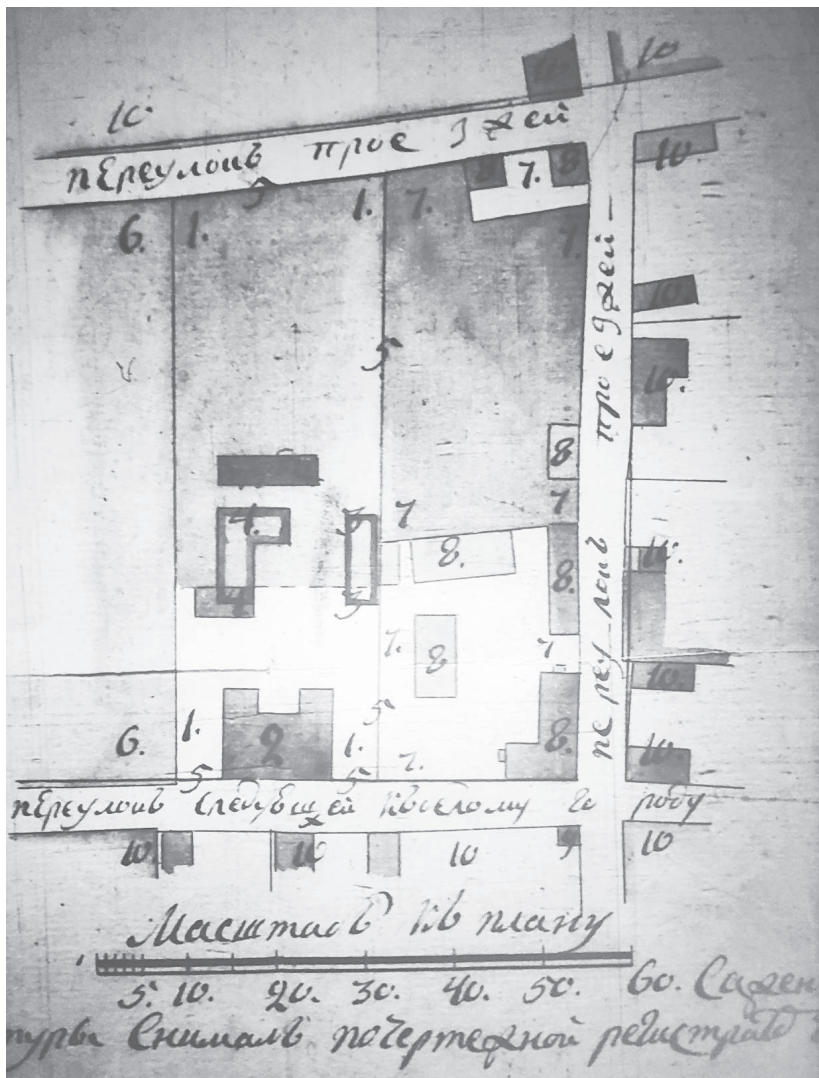

Подведем итог.

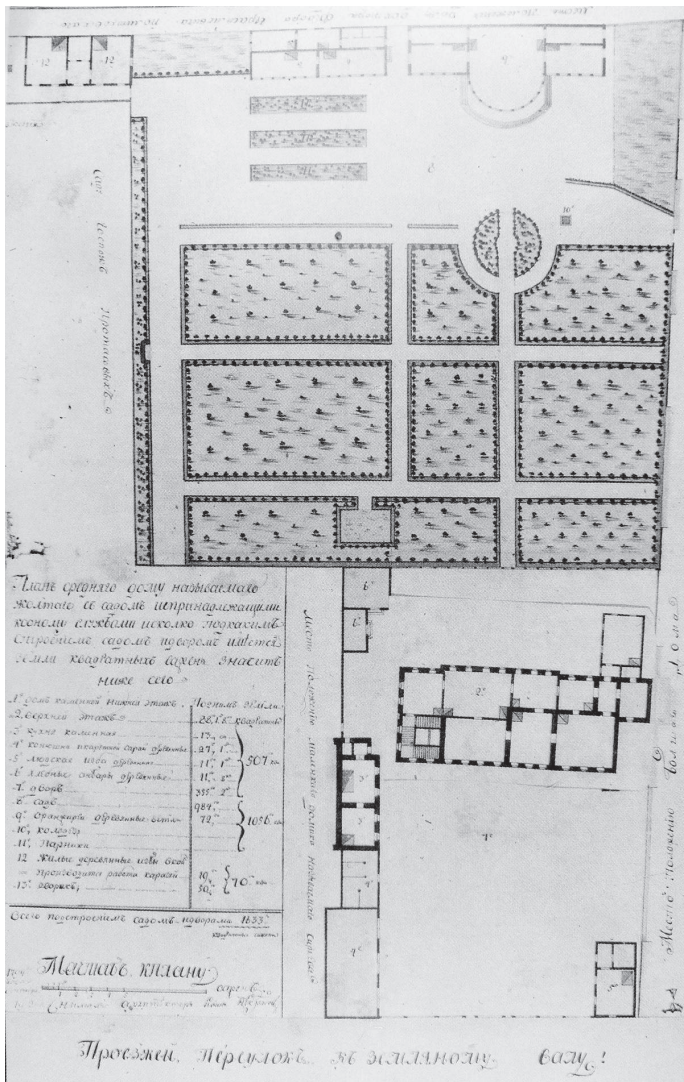
«Средний» юсуповский дом на Хомутовке был лишь мимолетным эпизодом детства А.С. Пушкина. Само здание выросший поэт, видимо, не помнил. Однако благоухающий сад при доме стал одним из первых ярких впечатлений Александра Сергеевича, запомнившимся им на всю жизнь. Для нас же, потомков, московский Юсуповский дворец (точнее, западная его часть) ценен прежде всего тем, что это единственное сохранившееся до наших дней здание в Москве (пусть и перестроенное), где жил маленький А.С. Пушкин. И в будущей музейной экспозиции дворца, которая будет создана после его реставрации, пушкинская тема обязательно займет достойное место.

Ил. 1. План юсуповского владения в Москве к северу от ул. Хомутовки. 1803 год. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы)

Ил. 2. План «нового» двора Н.Б. Юсупова на ул. Хомутовке, купленного в 1801 году у М.Ф. Христиани. 16 декабря 1802 года. ЦГА Москвы

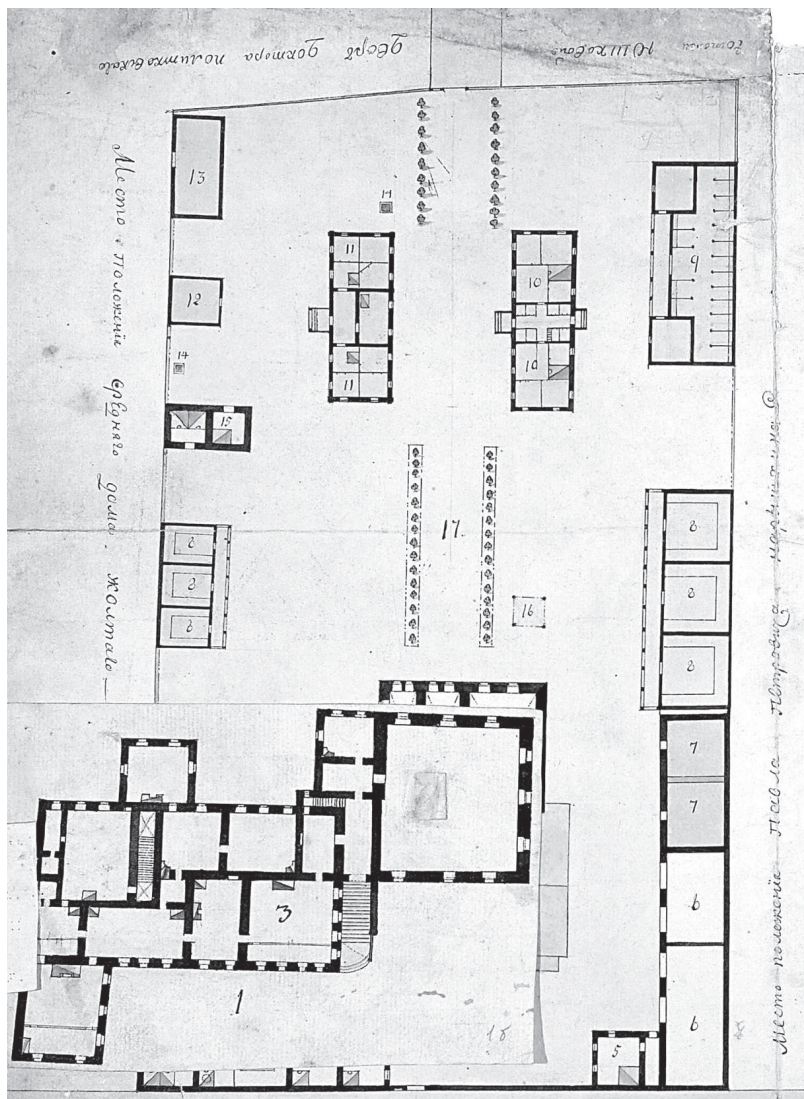

Ил. 3. «План среднего дому называемого желтого...»

Архитектор И. Некрасов. 1799 год.

Иллюстрация: Памятники архитектуры Москвы.

Земляной город. М., 1989. С. 228

Ил. 4. «План московского большого дома...» [Юсуповых].
 Архитектор И. Некрасов. 19 сентября 1799 года.
 Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

*Ил. 5. Восточная часть московского Юсуповского дворца
(«большой», или «старый» дом Юсуповых). Вид с юго-востока*

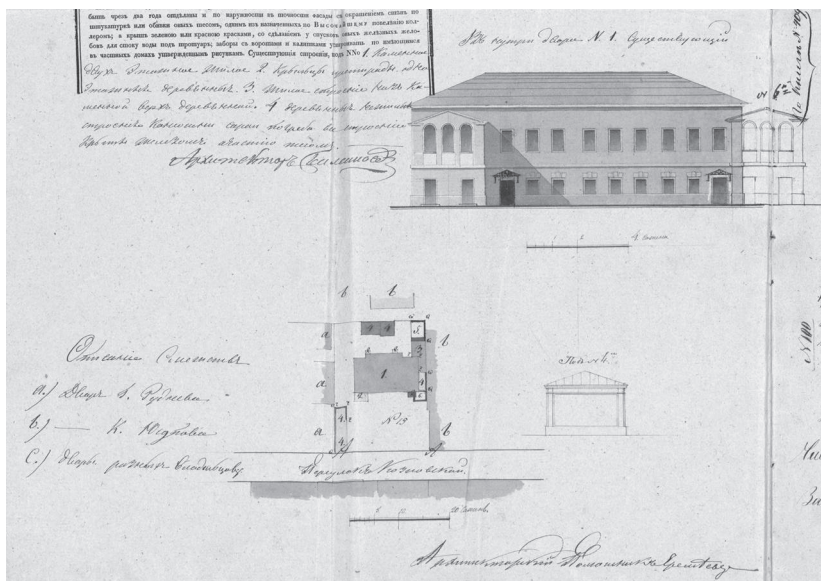
*Ил. 6. Западная часть московского Юсуповского дворца
(бывший «средний», или «желтый» дом). Вид с юга*

*Ил. 7. «Дом Прокофьева» (бывший юсуповский «маленький Чирьев» дом).
Вид после реконструкции 2015 года с юга*

*Ил. 8. «Рабочий дом» (бывший «новый», или «красный» дом Юсуповых).
Северный фасад*

Ил. 9. План и фасад бывшего «среднего желтого» дома Юсуповых на ул. Хомутовке. 1835 год. ЦГА Москвы

Ил. 10. Современный вид на комнату в московском Юсуповском дворце (в западной его части), в которой предположительно жил в 1801–1802 годах маленький А.С. Пушкин. Фото в процессе реставрации

ФОТОГРАФИИ А.М. и О.А. ДОНДУКОВЫХ-КОРСАКОВЫХ ИЗ СОБРАНИЯ КАРПОВЫХ

Фотография из фондов Пушкинского Заповедника происходит из семьи Б.Г. и М.Л. Карповых, вещи которых поступили в наш музей через их компаньонку М.П. Бакланову и по ее завещанию. О Карповых уже говорилось на наших конференциях и писалось в «Михайловской пушкиниане» — укажем на статьи Т.С. Гейченко и Е.В. Шпиневой¹ и В.Г. Никифорова². Есть статьи об отдельных предметах из собрания Карповых³. Пересказывать нет необходимости, напомним только, что Борис Григорьевич Карпов — внук Бориса Александровича и Евпраксии Николаевны Вревских по линии их старшей дочери Марии Борисовны, а Мария Леонидовна, урожденная Янович, — внучка графов Якова Карловича и Веры Михайловны Сиверсов и правнучка княжеской четы Михаила Александровича и Марии Никитичны Дондуковых-Корсаковых. Легко догадаться, что фотографии представителей семьи Дондуковых-Корсаковых были частью наследия Марии Леонидовны. При этом бо́льшая часть фотографий подписана, но подписана с сокращениями. При их расшифровке случались ошибки, одну из которых мы намерены исправить.

В Книге поступлений указаны имена: «Александр Михайлович Дондуков-Корсаков и Ольга Анастасьевна Дундукова-Корсакова».

На обороте фотографии (*см. Приложение в конце статьи*) посредине черными чернилами рукою С.С. Гейченко: «Александр Михайлов Дондуков-Корсаков и Ольга Александровна Дондукова Корсакова».

¹ Гейченко Т.С., Шпинева Е.В. О Сиверсах и их вещах в музее-заповеднике «Михайловское» // Михайловская пушкиниана. Вып. 50. Сельцо Михайловское, 2010. С. 197–207.

² Никифоров В.Г. Сельцо Вече, его владельцы и потомки // Михайловская пушкиниана. Вып. 17. М., 2001. С. 138–149; Никифоров В.Г. Б.Г. Карпов, внук друзей А.С. Пушкина // Там же. С. 208–212.

³ Ступина Е.А. Фотография господского дома усадьбы Горай из собрания Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 93. Сельцо Михайловское, 2022. С. 76–92; Ступина Е.А. Из собрания Карповых: чашка с женским портретом // Михайловская пушкиниана. Вып. 99. Сельцо Михайловское, 2023. С. 224–235.

Карандашом сверху (возможно, рукою М.Л. Карповой): «Кн. Ал. Мих. Д. Кор./ и кн. Олга [так!] Ал. Донд Кор.»

Карандашом внизу учетные обозначения и дата поступления:

ПЗ-1294 осн.ф. 1963 Ф-105

Публикации последних лет и материалы, доступные в Госкаталоге РФ, позволяют безошибочно идентифицировать изображенных на фотографии. Это князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков (один из братьев бабушки Марии Леонидовны — графини Веры Михайловны Сиверс) и его жена княгиня Ольга Алексеевна Дондукова-Корсакова, урожденная Пещурова, младшая дочь хорошо нам знакомого Алексея Никитича Пещурова.

Фотография не на бланке, маленькая (8,3 × 5,3 см). На вид изображенным лет 40 мужчине и 30 женщине; в таком случае время съемки супругов можно определить как 1860-е годы⁴.

Начнем с Алексея Михайловича Дондукова-Корсакова. Фотографии его старшего брата Александра, самого, пожалуй, известного представителя рода князей Дондуковых-Корсаковых⁵, хорошо известны. Приведем фотографию в штатском из собрания Государственного музея А.С. Пушкина в Москве (происходящую, кстати, из того же собрания Карповых) и в военном мундире 1861 года из собрания ГИМ (Госкаталог). Известны также изображения Алексея — портрет Александра и Алексея детьми работы К. Гампельна конца 1820-х — начала 1830-х годов⁶ и групповой портрет Никиты, Софьи и Алексея

⁴ Государственный Исторический музей (ГИМ) разместил в Госкаталоге несколько снимков такого же маленького размера и частично без указания фотографа — других представителей семьи Дондуковых-Корсаковых. Большинство снимков датировано 1860-ми годами.

⁵ Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (12 [24] сентября 1820, Санкт-Петербург — 15 [27] апреля 1893, Полоное Порховского уезда Псковской губернии) — русский военный и государственный деятель, участник Кавказских походов и Крымской войны, генерал-губернатор Юго-Западного края (1869–1878), главноначальствующий на Кавказе (1882–1890). В качестве главы оккупационной администрации в Болгарии (1878–1879) стоял у истоков болгарской государственности // Энциклопедия Руниверсалис: сайт [Электронный ресурс: https://руни.рф/Дондуков-Корсаков,_Александр_Михайлович].

⁶ Рисунок XIX века. Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи / из серии «Рисунок XVIII–XX веков». Т. 2. Кн. 2: Г–И. М., 2013. С. 41.

Дондуковых-Корсаковых работы Алексеева 1847 года (Государственная Третьяковская галерея)⁷.

В отличие от знаменитого брата, биографические сведения об Алексее крайне скудны. Как и все дети князя М.А. Дондукова-Корсакова, он получил прекрасное сначала домашнее, а потом казенное образование (гимназия и Санкт-Петербургский университет). Вот сведения о нем, опубликованные в альбоме Государственной Третьяковской галереи при публикации его рисунков:

«2 (14) сентября 1822, С.-Петербург (?) — 19 (31) марта 1894.

Сын вице-президента Императорской Академии наук князя М.А. Дондукова-Корсакова. Окончил Санкт-Петербургский университет. Действительный член Московского Археологического общества (1874). Действительный статский советник (1880), камергер. Член Смоленского окружного суда. Писатель-мемуарист, автор сочинения «Род князей Дондуковых-Карсаковых» (Тифлис, 1886)⁸. Художник-любитель⁹.

В этом альбоме опубликован рисунок Алексея Дондукова-Корсакова «Уличная сцена в Константинополе»¹⁰, с примечанием, что рисунок исполнен во время путешествия за границу по окончании Санкт-Петербургского университета.

По другим источникам удалось установить, что в последние годы жизни Алексей Михайлович был также почетным сотрудником Смоленского историко-археологического музея¹¹.

Из сведений, сообщаемых в Википедии в статье об отце Алексея, Михаиле Александровиче Дондукове-Корсакове, известно, что Алексей

⁷ Рисунок XIX века. Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи / из серии «Рисунок XVIII–XX веков». Т. 2. Кн. 1: А–В. М., 2007. С. 37.

⁸ Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович. Род князей Дондуковых-Карсаковых. Тифлис, 1886. [2], 108 с., 3 л. схем.; 26. В ряде источников автором, несмотря на подпись в конце текста «кн. Алексей Михайлович Дондуков-Карсаков», считается Александр Михайлович Дондуков-Корсаков.

⁹ Рисунок XIX века. Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи / из серии «Рисунок XVIII–XX веков». Т. 2. Кн. 2: Г–И. М., 2013. С. 230.

¹⁰ Лист из альбома М.И. Скотти. Бумага, тушь, перо. 24 × 33,8. Лист углами наклеен на лист альбома. Водяной знак. Внизу подпись — справа: Князь А. Дондуков-Карсаков, слева: Константинополь. 20. Генваря 1845. Поступление. В 1946 от МЗК. Инв. 26592. Л. 21 об.

¹¹ Памятная книжка Смоленской губернии на 1891 год. С. 38.

«женат с 20 апреля 1851 года на Ольге Алексеевне Пещуровой, дочери А.Н. Пещурова¹². Статья Википедии о А.Н. Пещурове¹³ сообщает, что с 1851 по 1853 год супруги жили в Париже, где Алексей Михайлович исполнял обязанности секретаря русского посольства.

В адрес-календаре на 1857 год князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков числится в ведомстве Министерства иностранных дел.

В адрес-календаре на 1865 год — в части первой в Придворном штате среди находящихся в звании камер-юнкера упомянут «князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков, статский советник, состоит в ведомстве Министерства иностранных дел»¹⁴; «при Министерстве иностранных дел состоит в звании камер-юнкера князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков»¹⁵; во второй части он назван Горецким уездным предводителем дворянства¹⁶. Недалеко от уездного города Горки Могилевской губернии располагалось одно из имений Дондуковых-Корсаковых Романово¹⁷.

Вид Романова имеется в альбоме Дондуковых-Корсаковых из собрания Государственной Третьяковской галереи¹⁸.

Об этом имении известно из воспоминаний самого Алексея Михайловича и статьи о поселке (или агрогородке) Ленино (Могилевская область) в Википедии¹⁹:

¹² Сведения из Википедии [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дондуков-Корсаков,_Михаил_Александрович]. Там же ссылка на архив: Центральный государственный исторический архив города Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 124. Д. 726. С. 282. Метрические книги церкви при Главном управлении почт и телеграфов.

¹³ Сведения из Википедии [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пещуров,_Алексей_Никитич].

¹⁴ Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1865–1866 год. СПб., 1865. Ч. 1. Стлб. 14.

¹⁵ Там же. Стлб. 268.

¹⁶ Там же. Ч. 2. Стлб. 161.

¹⁷ Ныне агрогородок Ленино Горецкого района Могилевской области Республики Беларусь.

¹⁸ Опубликовано в издании: Три века русской усадьбы: Альбом-каталог. М., 2004. Илл. 265: Романово. 1850 год. И.П. Трутнев (?). Бумага, акварель. Кат. № 374 (11). Публикуется впервые.

¹⁹ Сведения из Википедии [Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленино_\(Могилевская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленино_(Могилевская_область))].

«В 1774 году оно было пожаловано во владение князьям Алексею и Ионе Дондуковым. Впоследствии Никита Иванович Корсаков (1775–1857), офицер, музыкант, поэт, в 1801 году женился на Вере Ивановне Дондуковой, и по ходатайству княгини Дондуковой ее зять получил 15 июля 1802 года разрешение именоваться князем Дондуковым-Корсаковым и в подарок от тещи получил имение Романово. При нем в местечке был устроен конный завод, он начал собирать библиотеку, картины и другие музейные предметы. В 1812 году местечко и имение были захвачены армией Наполеона и разграблены. 8.11.1812 года здесь размещалась главная квартира М.И. Кутузова. В 1870–1880-х годах владельцем имения был князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков (1822–1894), действительный статский советник. Был известен тем, что занимался краеведческой деятельностью и участвовал в работе Археологического съезда в 1874 году. При нем начали строить в Романове каменную церковь, и один из крестьян привез камень с непонятными надписями. В третьем томе сборника «Полоцко-Витебская старина» Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков опубликовал статью «Древний памятник «Волчьего хвоста» в стране радимичей», пытаясь расшифровать эти надписи»²⁰.

После смерти Алексея Михайловича владельцем Романова стал его младший брат Владимир, последний в роде Дондуковых-Корсаковых. В статье о Горецком краеведческом музее сообщается: «В мае 1919 года после изъятия богатой коллекции из дворца князя М. Дондукова-Корсакова, расположенного в местечке Романово (ныне Ленино), в Горках был организован первый в городе исторический музей. Он работал до 1922 года. После этого одна часть музейной коллекции была передана в Смоленск, а другая — в Минск в центральный белорусский музей»²¹. Но по Госкаталогу в Смоленском государственном музее-заповеднике пока опубликован только один предмет, связанный с Дондуковыми-Корсаковыми: «Благодарность Управления Смоленского историко-археологического музея князю Владимиру Михайловичу Дондукову-Корсакову за принесенные в дар музею пять старинных вещей» от 12 сентября 1900 года.

²⁰ *Дондуков-Корсаков А.М.* Древний памятник «Волчьего хвоста» в стране радимичей // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск, 1916. С. 35–46.

²¹ Сведения из Википедии [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гоецкий_районный_историко-этнографический_музей].

В собрании Государственной Третьяковской галереи, в составе одного из альбомов Дондуковых-Корсаковых, имеется фотография Алексея Михайловича в старости, когда он стал носить бакенбарды, как его старший брат Александр; эта фотография не опубликована.

О супруге князя Ольге Алексеевне известно следующее:

«Ольга (1828–1894), великолепная пианистка, одна из первых учениц Гензельта²²; замужем за камергером князем Алексеем Дондуковым-Корсаковым (1822–1894), сыном М.А. Дондукова-Корсакова. С 1851 по 1853 год жила с мужем в Париже, где он исполнял обязанности секретаря русского посольства»²³.

Откуда в Википедии сведения о занятиях музыкой Ольги, информации нет, но семья была музыкальной. Известно, что одна из сестер, Софья, «обладала прекрасным меццо-сопрано. Музыкальные вечера с ее участием привлекали просвещенных псковичей... Специально для нее композитор Н.П. Яхонтов напишет оперу «Сильф, или Мечта молодой женщины» на либретто Н.А. Львова»²⁴. О другой сестре, Марии, в этом же издании сообщается следующее: «О детских годах Марии Алексеевны пока известно немного: вместе с сестрой Софьей, которая родилась через год, в 1818 году она получила неплохое домашнее образование, включавшее обучение всему, что в дальнейшем могло пригодиться молодой девушке: музыке, пению, декламации,

²² Адольф Львович Гензельт (1814–1889) — русский пианист, педагог, композитор. По национальности немец. Учился игре на фортепиано у И.Н. Гуммеля (Веймар), теории музыки и композиции — у З. Зехтера (Вена). В 1836 начал концертную деятельность в Берлине. С 1838 жил в Петербурге, занимаясь главным образом преподаванием игры на фортепиано (среди его учеников — В.В. Стасов, И.Ф. Нейлисов, Н.С. Зверев). С 1857 инспектор музыки женских учебных заведений. В 1872–1875 редактировал музыкальный журнал «Нувеллист». В 1887–1888 профессор Петербургской консерватории // Belcanto.ru: сайт [Электронный ресурс: <https://www.belcanto.ru/henselt.html>].

²³ Сведения из Википедии [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пешуров,_Алексей_Никитич].

²⁴ *Михайлова Л.Б., Овчинникова Е.А.* Пешуровы. СПб., 2021. С. 30. Утверждение о специально написанной для Софьи опере остается на совести авторов. С.А. Волкова пишет лишь о посвящении партитуры оперы С.Ф. Пальчиковой (см.: *Волкова С.А.* Библиотека Петра Алексеевича и Николая Петровича Яхонтовых в собрании Псковского музея-заповедника // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове: материалы Шестых чтений (24 мая 2017 года) / под ред. И.М. Андреевой. Псков, 2017. С. 79).

танцам, разнообразным наукам. Но главное — дети росли в атмосфере любви и понимания»²⁵. Надо думать, подобное образование получила и Ольга.

В письмах сестер Пещуровых, опубликованных в книге «Пещуровы», довольно много упоминаний об Ольге, но развернутых характеристик только две, обе в письмах Марии. Из письма Марии к отцу от 29 апреля 1845 года из Санкт-Петербурга: «...Я ужинала с княгиней Одоевской... Оленька тоже была там и вела себя очень любезно. Она держится хорошо и легко заводит знакомства: ее полюбят в свете. Я представила ее многим людям, и мне ее хвалили; она становится очень хорошенькой. Она также танцевала весь вечер»²⁶. Ее же письмо родителям из Нижнего Новгорода, уже замужней дамой, кн. Трубецкой, от 16 мая 1849 года: «...Олечка, я напишу вам длинное послание в ответ на множество ваших драгоценных писем. Я хочу поблагодарить вас отдельно, мой ангел, за удовольствие, которое они мне доставляют: я смеялась до слез, читая последнее, где вы говорите об эзоповом языке своего знакомого. Оно восхитительно: я вижу и слышу всё, как будто это происходит передо мной»²⁷.

Портреты Ольги в юности пока не обнаружены ни по публикациям, ни в Госкаталоге. Н.И. Грановская, описывая альбом «Галерея видов города Пскова и его окрестностей», на литографии «Пролом короля Стефана Батория» в семейной группе на переднем плане слева видит групповой портрет супругов Пещуровых и трех их младших дочерей, самая младшая из которых — Ольга.

«На первом плане показана вышедшая на прогулку семья — мужчина средних лет с несколько сутулой фигурой, во фраке и шляпе, с тростью в руке. Рядом с ним дама с зонтиком, в шляпе с вуалью и накидке, две молодые девушки — подростки, одетые также в накидки и шляпы, и впереди них девочка в коротеньком платьице с палкой в руке держит серсо. Можно предполагать, что это семья псковского губернатора А.Н. Пещурова. Сохранившиеся изображения Пещуровых (портреты работы П.Ф. Соколова и портреты из альбома Пещуровых, хранящиеся во Всесоюзном музее А.С. Пушкина) и описания внешности не противоречат этому утверждению. Совпадают и возрастные

²⁵ Михайлова Л.Б., Овчинникова Е.А. Пещуровы. С. 239.

²⁶ Там же. С. 348.

²⁷ Там же. С. 375.

данные (Пешурову было 56 лет, а его жене — Елизавете Христофоровне около сорока, что соответствует, примерно, возрасту четы на литографии), подтверждает это и изображение трех дочерей Пешуровых (всего их было пять, но две в это время были уже замужем, трое жили с родителями в Пскове)»²⁸.

Детей супруги А.М. и О.А. Дондуковы-Корсаковы не имели²⁹ (по крайней мере, доживших до взрослого возраста). Есть фотография О.А. Дондуковой-Корсаковой в ГИМе, датируемая 1870-ми годами, — здесь Ольга Алексеевна заметно старше (по нашему мнению, датировать фотографию следует 1880-ми годами).

В картотеке Б.Л. Модзалевского под № 1265 есть информация о месте погребения супругов:

«Кн. Дондукова-Корсакова / Ольга Ал-евна, р. 3 июля 1830 г. / † 11 июля 1887 г.

Склеп, рядом с Ал-ем Мих. / погост Авраамьев. мон.³⁰ / г. Смоленск».

Обратим внимание, что годы жизни, указанные Модзалевским, разнятся от принятых в Википедии; у Черейского сообщается только год рождения — 1828.

Подведем итоги. Насколько нам известно, изображений Ольги Алексеевны, введенных в научный оборот, пока не существует; портреты Алексея Михайловича нами упомянуты — опубликованные акварельные в возрасте примерно 8 лет (Гампельн) и 25 лет (Алексеев) и неопубликованный в старости — все из собрания Государственной Третьяковской галереи.

Таким образом, в нашем собрании имеется фотография супругов А.М. и О.А. Дондуковых-Корсаковых, пополняющий иконографию

²⁸ Грановская Н.И. «Галерея видов города Пскова и его окрестностей» И.С. Иванова // Пушкин и его время: исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962. С. 530.

²⁹ См.: *Дондуков-Корсаков А.М.* Род князей Дондуковых-Карсаковых. Тифлис, 1886. С. 107: «Князь Алексей Михайлович, Статский Советник, в звании Камергера, состоящий членом Смоленского Окружного Суда, женат на дочери тайного советника, Ольге Алексеевне, рожденной Пешуровой, — бездетен».

³⁰ Кладбище было окончательно уничтожено в 1960–1970-х годах, на этом месте построены гаражи. См.: Авраамиев Смоленский в честь Положения Ризы Богородицы во Влахерне мужской монастырь // Православная энциклопедия: сайт [Электронный ресурс: <https://www.pravenc.ru/text/62896.html>].

пушкинского окружения в Псковской губернии и в Санкт-Петербурге. Хорошо знавший родителей изображенных на фотографии, Пушкин несомненно видел и их самих, еще детьми, хотя их возраст не позволяет говорить об их личном знакомстве с поэтом.

Достоверная фотография Ольги Алексеевны позволяет опровергнуть атрибуцию акварельного портрета молодой дамы в голубом платье из собрания Государственного музея А.С. Пушкина (но из того же источника — от Карповых), опубликованного в альбоме «Дары» как портрет Ольги Алексеевны Дондуковой-Корсаковой.

На этом собственно уточнение атрибуции заканчивается. Об Алексее Михайловиче можно, при желании, добавить сведения о его воспитании и образовании, которые он приводит в своих воспоминаниях, рассказывая о своем отце, Михаиле Александровиче («урожденном Корсакове», как его назвал однажды Пушкин).

Надо отметить, что культурные ценности, накопленные несколькими поколениями князей Дондуковых-Корсаковых, после революции 1917 года оказались разрозненными. Судя по Госкаталогу и по публикациям, собрание Дондуковых-Корсаковых через Музейный фонд и путем прямых конфискаций попало в различные музеи и собрания: ряд миниатюрных портретов имеет Эрмитаж, большая коллекция фотографий в Государственном историческом музее, два альбома и подборка листов К. Гампельна в Государственной Третьяковской галерее, часть коллекции от Карповых в Государственном музее А.С. Пушкина, какие-то предметы после смерти М.П. Баклановой попали в московский музей Льва Толстого, что-то имеется в Гослитмузее, несколько литографий Глубокого и документы надения землей причта церкви села Глубокого во Всероссийский музей А.С. Пушкина, несколько документов и альбомов в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки; как сейчас выясняется, что-то есть в Смоленском музее и в музеях Республики Беларусь (из имения Романово). И среди этих вещей может оказаться много интересного, в том числе и для пушкинских музеев. Позволим себе один пример.

Но сначала несколько слов об Алексее Никитиче Пещурове, отце Ольги Алексеевны.

Общеизвестно, что он был опочецким уездным предводителем дворянства в годы ссылки Пушкина, и именно ему был по должности поручен надзор за ссыльным поэтом; в 1837 году он был псковским гражданским губернатором и по должности же «принимал участие в хлопотах

по погребению поэта в Святогорском монастыре»³¹. Именно к нему обратились члены Опеки над семьей Пушкина, когда потребовалось составить опись Михайловскому и получить изображения Михайловского и Святогорского монастыря. Переписка опубликована П.Е. Щеголевым³². 31 марта 1837 года один из опекунов, граф Михаил Юрьевич Виельгорский, обратился к Пешурову с письмом, прося оказать содействие в составлении описи имуществу в Михайловском; завершается письмо вопросом: «...не найдется ли порядочного живописца в Псковской губернии, который бы взялся за условленную плату снять два вида: один могилы А.С. Пушкина, находящейся в Святогорском монастыре, а другой вид домика, находящегося в селе Михайловском, где жил покойный Александр Сергеевич». 13 апреля на имя графа Виельгорского пришел ответ от Пешурова, где сообщалось: «Что касается до живописца для снятия вида с могилы Пушкина и с домика, где жил он в сельце Михайловском, то я постараюсь найти такового и не премину вас уведомить, но сие надобно будет исполнить не прежде, как летом, ибо вид будет несравненно приятнее».

Составление описи имуществу А.С. Пушкина затянулось. Через год, 31 марта 1838 года еще один опекун, граф Г.А. Строганов, обратился к Пешурову. Пешуров ответил 19 апреля. Повторяя в этом письме почти буквально содержание своего письма к Виельгорскому, губернатор прибавлял: «Что касается до снятия видов могилы Пушкина и домика в сельце Михайловском, то виды сии готовы были еще прошедшим летом, и я посылал занимавшегося оными Псковского губернского землемера Иванова к графу Виельгорскому, который, как сказывал мне г. Иванов, одобрил их. Один экземпляр сих видов при сём имею честь представить». В примечании сообщается, что «это очень редкое в настоящее время издание «Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая Псковским Губернск. Землемером Ивановым. Ч. I. 1837, ч. II. 1838. Псковская литография».

Публикация В.П. Старком письма старосты Михайловского Петра Павлова к Н.И. Павлицеву, который летом 1836 года пытался навести порядок в Михайловском, прогнал управляющего и назначил ответственных из дворовых людей, позволяет уточнить время, когда сни-

³¹ *Черейский Л.А.* Пешуров // Пушкин и его окружение / отв. ред. В.Э. Вацуро. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 329–330.

³² *Щеголев П.Е.* Материальный быт Пушкина: по неизданным материалам // Искусство. 1929. № 3/4 (май — июнь). С. 40–41.

мался вид Михайловского. 27 июня 1837 года Петр сообщает Николаю Ивановичу: «Но еще скажу что из всего Михайловского дому срисовали план взявши от Святых Гор и до нас с трех сторон — но мы полагаем что вами небез известно что оно значит — тако пребуду староста: Се: Ми: Петр Павлов»³³.

Не исключено, что время приезда И.С. Иванова было приурочено к Девятнику (ярмарке в девятую пятницу по Пасхе в Святогорском монастыре), который пришелся в 1837 году на 18 июня. Таким образом, датировать время рисунка можно второй половиной июня 1837 года.

Долгое время считалось, что рисунков землемера Ильи Иванова не сохранилось. 10 февраля 1973 года С.С. Гейченко опубликовал найденный им в частной коллекции рисунок (перо, чернила) Святогорского монастыря.

Год назад этот рисунок поступил в Пушкинский Дом.

Летом прошлого года нами в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в одном из альбомов Дондуковых-Корсаковых был обнаружен не отмеченный в составе альбома как изображение Михайловского рисунок карандашом с видом дома Пушкиных в Михайловском и части усадьбы перед ним³⁴.

Дальний план отсутствует, «снялся вид» именно «домика», а не всего усадебного пейзажа с домом. Обращает на себя внимание отсутствие стаффажа и деталей растительности, а также общее впечатление некоторой заброшенности и неухоженности усадьбы. Если бы это была перерисовка с литографии или ее переработки 1848 года для «Иллюстрации», то стаффаж и детализацию растительности было бы воспроизвести проще простого. В то же время полное совпадение композиции рисунка с литографией 1837 года не позволяет считать рисунок сделан-

³³ Мир Пушкина [Текст]. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. 1828–1835 Т. 1 / пер., подгот. текста, предисл. и коммент. Л. Слонимской; ред. Е. Щербатова. СПб., 1993. С. 24. Прим. 15 к письму № 2 (из письма Петра Павлова Н.И. Павлищеву от 27 июня 1837 года со ссылкой на ПД. Ф. 244. Оп. 20. № 86).

³⁴ Карточка Российской государственной библиотеки (РГБ): Дондуковы-Корсаковы. Альбом с родственными письмами, шуточными стихотворениями членов семьи, материалами, связанными с заграничными путешествиями (программы концертов, объявления, рекламы, газетные вырезки), гербарием и др. [Рукопись]. [Б. м.], 1861–1864. 155 [из них 92 вкл.] л.: рис. Шифр хранения: ОР ф. 178. 1 к. 11178 ед. 2.

ным с натуры в более позднее время. Пока же есть основание считать вновь найденный рисунок в альбоме Дондуковых-Корсаковых оригиналом рисунка Ильи Степановича Иванова, выполненного для литографии «Вид сельца Михайловского» из серии «Галерея видов города Пскова». Разумеется, хорошо бы исследовать бумагу рисунка на предмет ее датировки, но это могут сделать только специалисты Российской государственной библиотеки.

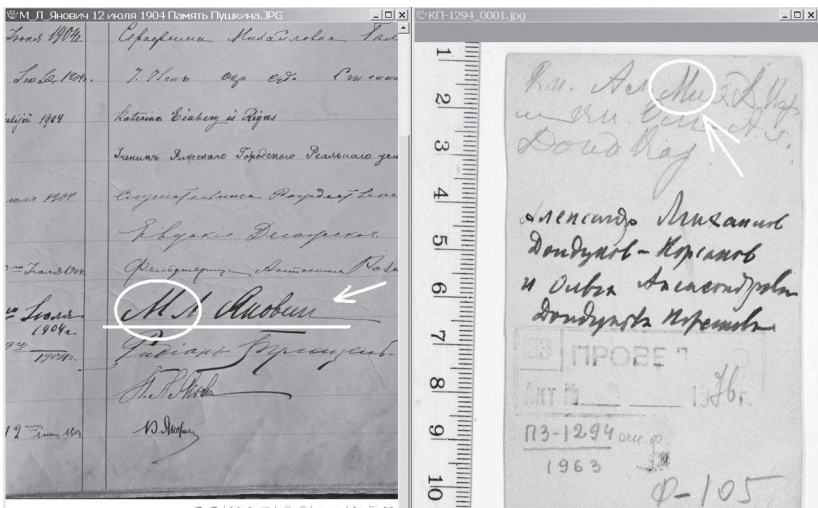
Если принять данную атрибуцию, найденный рисунок позволяет оценить долю участия в создании художественного образа Михайловского литографа П.А. Александра и, возможно, графа М.Ю. Виельгорского или кого-то из близких семьи Пушкиных, пожелавших представить усадьбу благополучной и ухоженной, а не такой, как описывает ее годом ранее Н.И. Павлищев в письмах к Пушкину: «...жалкое состояние строений, особенно птичьи (которая к зиме развалится) и скотного двора; нищенскую одежду дворни...»; «...Скотный двор негоден: нужен каменный или на каменных столбах. Дом, как известно вам, валится: это уж постройки капитальные». В текстовом описании к литографии состояние дома тоже описывается гораздо мягче: «Деревянный и уже обветшалый одноэтажный дом Пушкина...»

Способ же попадания рисунка землемера Иванова в альбом Дондуковых-Корсаковых, как нам представляется, довольно прост и ясен из нашего сообщения о фотографии А.М. и О.А. Дондуковых-Корсаковых. Рисунок мог быть И.С. Ивановым оставлен у А.Н. Пещурова и после смерти последнего и замужества его дочери Ольги попасть к Дондуковым-Корсаковым.

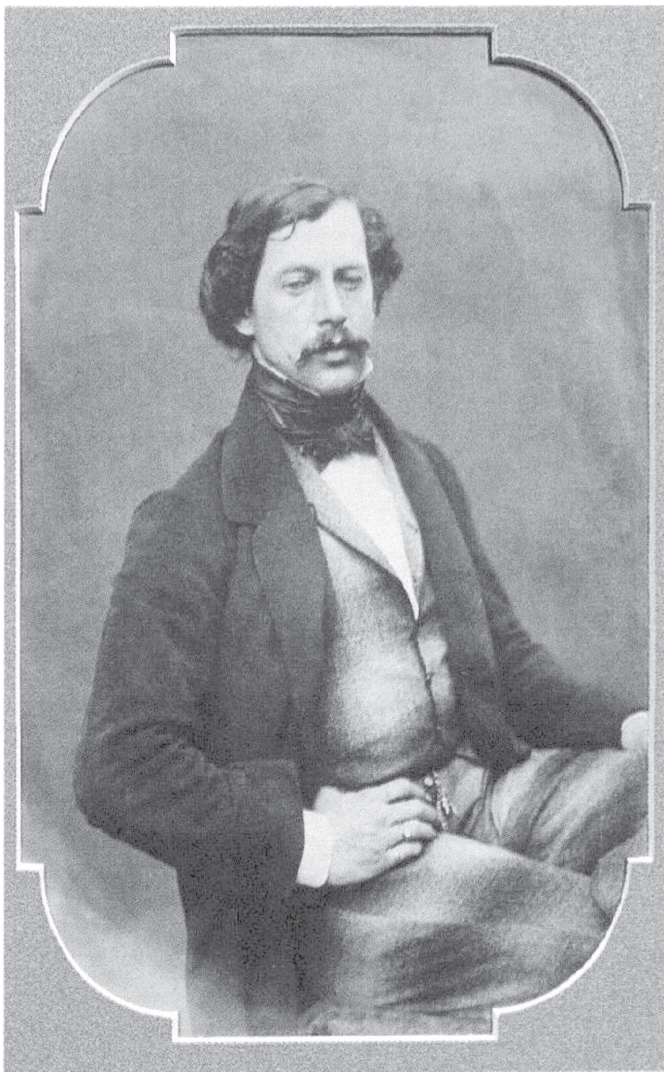
Имеется и запасной, не столь очевидный вариант: рисунок остался у графа М.Ю. Виельгорского, дочь которого Софья вышла замуж за графа В.А. Соллогуба; с этим семейством довольно тесно общались младшие дети М.А. Дондукова-Корсакова в 1860 году в Дерпте; в еще одном альбоме Дондуковых-Корсаковых из собрания Российской государственной библиотеки есть свидетельства этого дружеского общения. Рисунок мог быть подарен Соллогубами.

*Алексей Михайлович и Ольга Алексеевна Дондуковы-Корсаковы.
Фотография. 1860-е годы. Из собрания Б.Г. и М.Л. Карловых.
Пушкинский Заповедник. ПЗ-КП-1294*

Почерк Марии Леонидовны Карповой (урожденной Янович)
в книге «Память Александра Сергеевича Пушкина»
(из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-4677/49)
и надпись карандашом на обороте фотографии

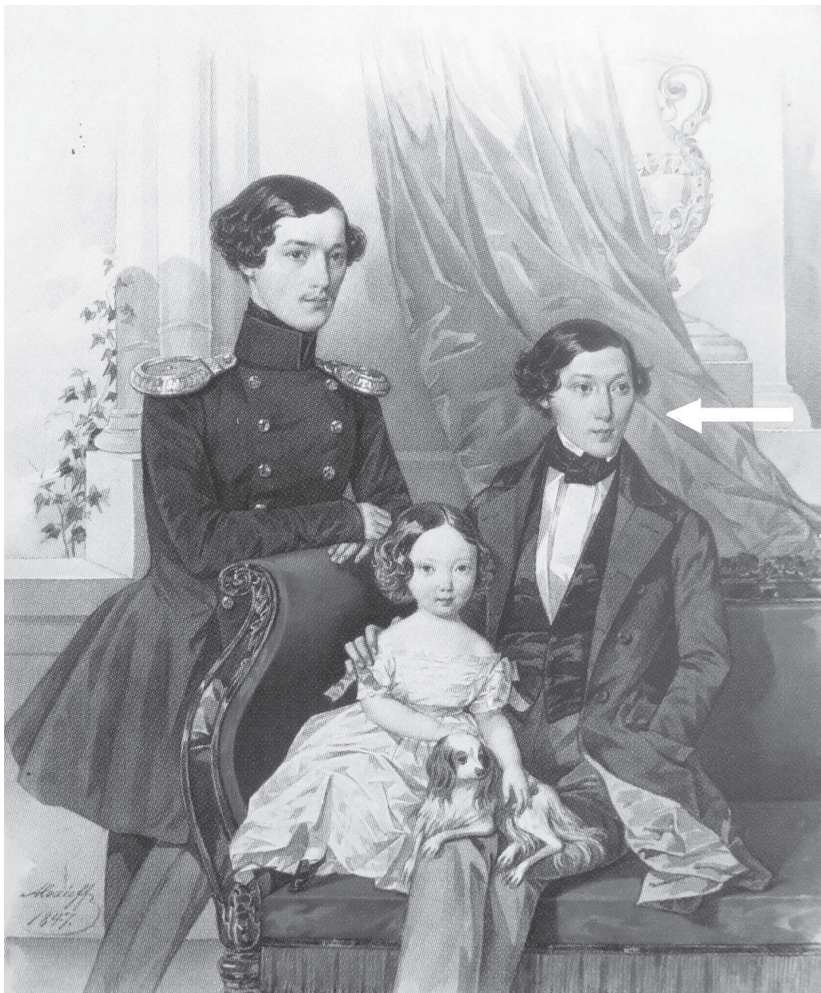
*Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. Фотография. 1850-е годы.
Из собрания Карповых. Государственный музей А.С. Пушкина.
Опубликовано в: Дары и дарители: альбом / сост. Н.С. Нечаева и др.
М., 2007. С. 17*

*Александр Михайлович Дондуков-Корсаков.
Фотография С.Л. Левицкого. 1861 год. Государственный исторический музей*

*Александр и Алексей Дондуковы-Корсаковы. Рисунок К. Гампельна.
Конец 1820-х — начало 1830-х годов. Государственная Третьяковская галерея*

*Никита (атрибуция А.В. Кибовского), Софья и Алексей Дондуковы-Корсаковы.
Акварель Алексеева. 1847 год. Государственная Третьяковская галерея*

*Уличная сцена в Константинополе.
Рисунок Алексея Михайловича Дондукова-Корсакова. 1845 год.
Лист из альбома М.И. Скотти. Государственная Третьяковская галерея*

Романово. Акварель И.П. Трутнева (?). 1850 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Опубликовано в: Три века русской усадьбы: живопись, графика, фотография.

Изобразительная летопись. XVII — начало XX века: альбом-каталог

/ авт.-сост. М.К. Гуренок. М., 2004. С. 199

*Пролом короля Стефана Батория.
Литография из альбома «Галерея видов города Пскова и его окрестностей».
1837 год. Пушкинский Заповедник. ПЗ-КП-58.
Фрагмент с изображением семьи Пещуровых*

*Ольга Алексеевна Дондукова-Корсакова.
Фотография А.К. Поссе в Смоленске. Государственный исторический музей*

*Портрет княгини О.А. Дондуковой-Корсаковой.
Акварель М.О. Микешина (?). Начало 1850-х годов. Из собрания Карповых.
Государственный музей А.С. Пушкина. Опубликовано в:
Дары и дарители. С. 17*

*Сельцо Михайловское. Литография
из альбома «Галерея видов города Пскова и его окрестностей». 1837 год.
Пушкинский Заповедник. ПЗ-КП-65*

*Михайловское. Рисунок карандашом из альбома Дондуковых-Корсаковых.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки*

**ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ГОСЗАПОВЕДНИКА
«ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК».
1926—1929 ГОДЫ**

В 1924 году Госзаповедник «Пушкинский уголок» перешел в ведение Ленинградского областного народного комиссариата просвещения (Облполитпросвета). С этого момента Академия наук и Пушкинский Дом не могли влиять на ход событий в административной и хозяйственной деятельности Заповедника и выполняли исключительно консультационные функции. В октябре 1924 года, после снятия с должности директора Заповедника В.М. Никифоровского, стало очевидным, что идеи столичных пушкинистов о судьбе и статусе сельца Михайловского расходились с действиями руководителей в Пушкинских Горах. Могила Пушкина была в запустении, заповедные территории Михайловского и Тригорского находились без ухода и охраны, в монастыре располагались гражданские учреждения, не было условий для приема экскурсантов, а местное население ничего не знало о Пушкине и его значении для русской культуры.

В этих условиях среди ленинградцев, неравнодушных к судьбе пушкинских мест, в круг которых входил В.М. Никифоровский, было принято решение открыть общественную организацию под председательством авторитетных и статусных персон, имеющих возможность влияния. Цель организации — оказание материальной и научной поддержки Госзаповеднику «Пушкинский уголок». Впервые идея создания такой организации обсуждалась в Михайловском в сентябре 1924 года во время проведения мероприятий, посвященных 100-летию приезда Пушкина в северную ссылку. Тогда 26 ленинградских делегатов во главе с академиком А.П. Карпинским заявили о желании вступить в проектируемое общество. На формирование пакета документов, написание устава и прохождение бюрократических процедур, связанных с созданием добровольного общества, потребовалось два года. Возможно, сроки еще затянулись бы, но необходимая административная поддержка была найдена в лице наркома просвещения А.В. Луначарского, который посетил «Пушкинский уголок» в июне 1926 года. В вечернем выпуске «Красной газеты» за 6 сентября 1926 года вышла его восторженно-эмоциональная

статья о Пушкине, Святогорском монастыре и заповедных Михайловских рошах.

Итак, устав Общества друзей Госзаповедника «Пушкинский уголок», написанный восемнадцатью учредителями (учеными, учителями, литераторами), был утвержден в административном отделе Губисполкома города Ленинграда и 6 октября 1926 года внесен в реестр Обществ и Союзов под № 408, а затем отпечатан в типографии тиражом 300 экземпляров. Также была выпущена круглая печать, в центре которой значилось «Пушкинский уголок». Согласно уставу, руководство Обществом осуществляло правление, состоящее из председателя, его заместителей, казначея и членов правления, избираемых общим собранием на один год. Правление наблюдало за исполнением постановлений общих собраний и деятельностью Общества, ведало административной, финансовой и хозяйственной частью, несло ответственность за направление и результаты деятельности Общества. Вся деятельность Общества должна была отражаться в ежегодном отчете правления; при отсутствии такового следует автоматическая ликвидация Общества (что в итоге и произошло в 1930 году).

Ознакомимся подробно с трехлетней деятельностью Общества, чтобы оценить его значение в истории Пушкинского Заповедника и в пушкиноведении в целом.

1926 год

Первое распорядительное собрание членов Общества друзей Госзаповедника «Пушкинский уголок» состоялось 30 октября 1926 года в здании Пушкинского Дома. На нем присутствовало 105 добровольных членов, длилось оно более двух часов. Собрание установило размер членского взноса — 1 рубль (для сравнения: в 1926 году килограмм хлеба стоил 25 копеек, килограмм соли — 7 копеек, десяток яиц — 40 копеек). Во время собрания кандидаты в члены правления самостоятельно записались в ведомость, которая сегодня хранится в Центральном государственном архиве (Санкт-Петербург)¹. Позднее рукопись была переведена в машинописный список, переданный согласно уставу и требованиям закона в НКВД. В списке, заверенном печатью,

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106.

указаны 12 членов правления: Александр Петрович Карпинский (председатель), Петр Митрофанович Устимович (казначей), Викентий Викентьевич Вересаев, Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов, Борис Львович Модзалевский, Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский, Константин Константинович Романов, Сергей Федорович Платонов, Николай Васильевич Яковлев, Сергей Александрович Семенов, Татьяна Николаевна Черепнина, Василий Митрофанович Никифоровский. Интересно, что в первичном, рукописном варианте третьим после Карпинского и Модзалевского оставил свой автограф Сергей Александрович Семенов — будущий директор Пушкинского Заповедника, а четвертым Федор Павлович Павлов — действующий на тот момент руководитель «Пушкинского уголка».

За первые три месяца существования Общества было проведено четыре собрания в помещениях Пушкинского Дома. Средств нанять технических работников (секретарей, стенографистов, машинисток) не было, и вся работа по оформлению документов, их согласованию и предоставлению в госорганы легла на плечи членов правления — людей, имевших ответственные должности и большую нагрузку на основном месте работы. Так, в архивном деле можно увидеть рукописные документы К.К. Романова, Б.Л. Модзалевского, но прежде всего В.М. Никифоровского, работавшего на тот момент заведующим 218-й школы в Ленинграде.

Сразу после первого собрания Общество опубликовало в газетах и выпустило большим тиражом листовку — воззвание к общественности, призывающее вступать в ряды Общества, чтобы оказать как можно большую поддержку Заповеднику. Главной задачей первых месяцев существования Общества было увеличение числа сторонников и массовая пропаганда жизни и творчества А.С. Пушкина для создания благоприятного информационного поля с максимально большим охватом. Одновременно работа проводилась с несколькими целевыми аудиториями: поиск сторонников в академическом сообществе и органах власти, лекции для рабочих в клубах и красных уголках, привлечение артистов, литераторов и художников. Для распространения информации использовались все доступные средства пропаганды: распространение листовок о положении в Пушкинском Заповеднике, лекционная и выставочная работа, выступления творческих коллективов, публикации в газетах, издание пушкинских произведений, книг о Пушкине и путеводителей по пушкинским местам. Для иллюстрирования текстов о «Пушкинском уголке».

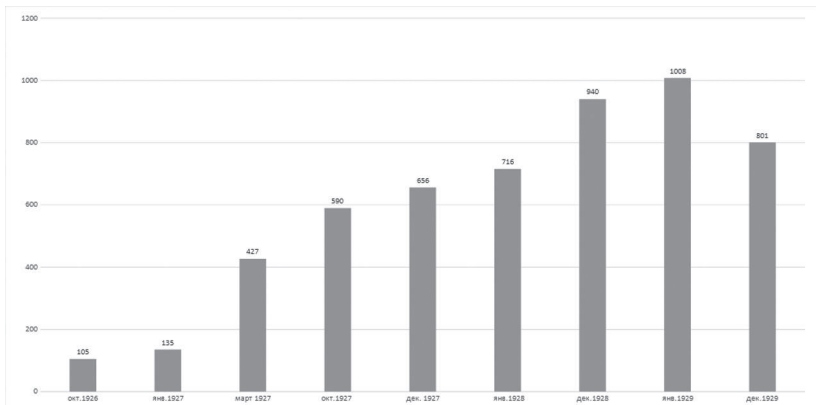

Рис. 1. Изменение численности членов Общества друзей Госзаповедника «Пушкинский уголок» с 1926 по 1929 год

ке» были изготовлены 54 диапозитива с изображением заповедных мест (предположительно это снимки В.Ф. Федорова или П.М. Устимовича, те и другие были сделаны в Михайловском в 1924 году, сегодня часть из них хранится в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина). В 1926 году В.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.М. Никифоровский, П.М. Устимович, К.К. Романов, С.Ф. Платонов, Б.Л. Модзалевский неоднократно выступали в рабочих клубах Ленинграда с докладами о Пушкине и «Пушкинском уголке» на Псковщине. После интересных и эмоциональных выступлений профессиональных ораторов-пушкинистов не только отмечались благодарные отзывы, но и происходила массовая запись в члены Общества.

Изменение численности за всю трехлетнюю историю существования общества показано на Рисунке 1, где наблюдается резкий подъем в марте 1927 года после проведения первого торжественного вечера, посвященного пятилетию Пушкинского Заповедника, а также снижение численности к декабрю 1929 года, когда была проведена «чистка рядов» и отсеяны лица, не уплатившие членские взносы. Таким образом, можно констатировать, что к началу 1930 года граждан, оказывающих материальную поддержку Заповеднику и активно заинтересованных в его сохранении, было более 800 человек.

1927 год

С начала 1927 года в документах и докладах Общества появляется и фигурирует выражение «Пушкинский Заповедник» вместо «Пушкинский уголок» (без смены названия, бланка и печати Общества). Основными задачами по-прежнему остаются увеличение числа сторонников и массовое просвещение. Поэтому первые средства, появившиеся в Обществе от поступления членских взносов, были направлены на издательскую деятельность. По поручению правления Т.Н. Черепнина составила «Краткий путеводитель по Заповеднику». Он был издан к 6 июня 1927 года тиражом 2 000 экземпляров. По распоряжению Академии наук в Государственной академической типографии был напечатан тиражом 2 000 экземпляров очерк П.М. Устимовича «Михайловское, Тригорское и могила Пушкина». Хотя средства от его распространения не шли в бюджет Общества, этот путеводитель с планом и картой, распространяемый как академическое издание, несомненно, был важным информационным ресурсом. Академик С.Ф. Платонов на собственные средства тысячным тиражом выпустил брошюру «Далекое прошлое Пушкинского уголка». Были подготовлены к печати видовые открытки с фотографий Пушкинского Заповедника, сделанных в 1924 году Владимиром Федоровичем Федоровым, преподавателем Ленинградского механического техникума.

Эти фотографии вместе с этюдами Галины Федоровны Семизоровой, сделанными в Пушкиногорье (сегодня пять из них хранятся в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина), были представлены на выставке, открытой 28 марта 1927 года в стенах Пушкинского Дома. В этот день был организован торжественный вечер, посвященный пятилетию существования Заповедника. Мероприятие носило закрытый характер, т. е. участвовали в нем только члены Общества, и проходило в формате торжественного собрания. Открыл собрание председатель общества А.П. Карпинский. Затем прозвучали доклады К.К. Романова («Пушкинский Заповедник и ближайшие задачи в нем»), С.Ф. Платонова («Далекое прошлое Пушкинского Заповедника»), С.А. Золотарева («Пушкин в Михайловском»), Б.Л. Модзалевского («К истории ссылки А.С. Пушкина в Михайловское»). Во втором, художественном отделении артисты Академического театра сыграли несколько сцен на тему «Пушкин в Михайловском».

Второй торжественный вечер был приурочен к годовщине рождения поэта и был организован 6 июня совместно с Пушкинским Домом и Обществом любителей российской словесности из Москвы. Впервые мероприятие, организованное Обществом, проводилось платно, с продажей билетов, чтобы получить доход. Перед участниками выступали с докладами Л.П. Гроссман («Московский пушкинизм»), Б.Л. Модзалевский («Пушкин в 1827 году»), П.Е. Щеголев («Крестьянская любовь Пушкина»). В художественной части вечера перед публикой выступали артисты МХАТа В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, Л.К. Коренева, В.В. Лужский, В.А. Сеницын и артисты ленинградских академических театров М.А. Бочаров, В.И. Касторский, В.А. Мичурина-Самойлова, а также писатели Николай Клюев, Всеволод Рождественский, Илья Садофьев. Доход от проведения этого вечера составил 349 рублей. Московское общество настаивало на выделении части средств в пользу потомков Пушкина, находящихся в бедственном положении, но в итоге все средства пошли на поддержку «Пушкинского уголка». Летом 1927 года правление Общества поддержало инициативу заведующего Заповедником Ф.П. Павлова и отпустило ссуду 125 рублей для оборудования экскурсионной станции. Позднее на собрании 17 октября 1927 года члены Общества, побывавшие в Заповеднике, отметили неудовлетворительное состояние станции, «но даже в том неприглядном виде, какой она имела в это лето, [станция] несколько облегчила посещение Заповедника многочисленными экскурсантами»².

Поступление членских взносов позволило организовать командировки членов Общества в Псковскую область для организации и проведения мероприятий. К 90-летию со дня смерти А.С. Пушкина 10 февраля 1927 года в Пушкинских Горах проводился митинг, организованный уездным съездом Советов. На это мероприятие был командирован от Общества С.А. Золотарев с лекцией «Михайловское в творчестве Пушкина». На митинге местное население поднимало вопрос об открытии в поселке образцовой школы второй ступени вместо школы крестьянской молодежи, вспоминая при этом речи и воззвания высокопоставленных делегатов 1924 года «о создании в Пушкинских Горах нового культурного центра как лучшего способа увековечивания памяти поэта в Пушкинском уголке». В марте Пушкинский Заповедник посетил К.К. Романов, он обследовал состояние могильного холма после весеннего обвала

² ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106. Л. 45.

и Михайловских роц и дал соответствующие инструкции руководству Заповедника. Доклады в Народном Доме в Пушкинских Горах прочли также 17 марта Л.С. Троицкий («Основные черты творчества Пушкина») и 5 мая В.А. Краснов («Пушкин у истоков народного творчества»). «Все доклады прошли при переполненном зале»³.

Во второй половине 1927 года Общество расширило свои границы влияния за пределы Ленинградской области, включив 37 человек из Москвы и 51 человека из других регионов (Сибирь, Кавказ, Поволжье, Украина). На общих собраниях обсуждаются планы сделать общество всесоюзным, «что будет вполне соответствовать всесоюзному значению пушкинских мест»⁴.

1928 год

С начала 1928 года правление решало вопрос подчинения Пушкинского Заповедника, используя все доступные каналы влияния. Пушкинисты вели переговоры с президиумом правления Академии наук, с президиумом Облисполкома, лично встречались с наркомом А.В. Луначарским и начальником Главнауки Ф.Н. Петровым. Правление приложило все силы, чтобы не превратить Заповедник в учреждение местного значения. В крайнем случае Общество было готово взять музей под свое ведение, но в таком случае учреждение переставало быть государственным и не могло финансироваться из бюджета. Активные переговоры правления принесли плоды: в апреле 1928 года отдел по делам музеев Главнауки сообщил, что «Пушкинский уголок» выделяется в самостоятельный музей, находящийся в непосредственном ведении Главнауки с оставлением его на государственном финансировании. Но члены Общества не теряли надежды и прилагали усилия к тому, чтобы Заповедник был подчинен Пушкинскому Дому Академии наук.

В самом Заповеднике произошла очередная смена директора — с Ф.П. Павлова на П.М. Волкова, и правление Общества констатировало улучшение положения музея. Новый директор активно включился в работу Общества. Он выступил с докладом о состоянии Заповедника на общем распорядительном собрании Общества 15 октября 1928 года, подготовил план работы музея, список необходимых для музея

³ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 48.

экспонатов и материалов. По заданию Общества Татьяна Николаевна Черепнина, методист Губполитпросвета, вела переговоры с Государственным музейным фондом, Государственным книжным фондом, Пушкинским Домом, Центральным бюро краеведения, комитетом популяризации художественных изданий о выделении и передаче в Заповедник предметов для экспонирования. В итоге для музея были выделены: гарнитур из карельской березы со стульями и креслами, портреты современников Пушкина, виды Царскосельского лица и других мест, связанных с жизнью А.С. Пушкина, книги и литературные альманахи начала XIX века, фарфор, репродукции с портретов Пушкина и членов его семьи, иллюстрации к произведениям. На средства Общества был приобретен большой портрет А.С. Пушкина в ореховой раме. Предполагалось, что выставка в Михайловском станет основой для создания краеведческого музея. Специально для книжных лавок в Пушкинских Горах и Опочке были закуплены недорогие издания о Пушкине, со склада Общества переданы путеводители по Пушкинскому Заповеднику (ред. Т.Н. Черепнина) и открытки.

В 1928 году были проведены двадцать три заседания правления Общества друзей «Пушкинского уголка», организованы четыре торжественных вечера к пушкинским датам, дню основания Заповедника и к 100-летию со дня смерти Арины Родионовны Яковлевой. Для общих собраний и вечеров в рабочих клубах члены Общества подготовили 11 новых докладов, среди докладчиков были В.В. Вересаев, В.В. Томашевский, А.П. Карпинский. Для продуктивности и оперативности работы Общества при правлении были созданы отраслевые комиссии: издательская, экскурсионно-музейная, лекторская, научно-исследовательская, школьная. Научно-исследовательская комиссия во главе с Валерьяном Федоровичем Соловьевым разработала предварительную программу всестороннего исследования «Пушкинского уголка» и передала ее на согласование в Пушкинский Дом и Центральное бюро краеведения. Экскурсионно-музейная комиссия в мае 1928 года организовала в Ленинграде специальный образовательный семинар по изучению Пушкинского Заповедника. В семинаре участвовали 50 членов Общества. В течение нескольких недель они слушали лекции о творчестве А.С. Пушкина, историческом прошлом «Пушкинского уголка», его географическом и краеведческом значении, о планах по развитию госзаповедника в Михайловском. Для обучающихся были проведены три экскурсии: в Пушкинский Дом, по Ленинграду и по Царскому Селу.

В 1929 году планировалось провести семинарий в Пушкинских Горах для местных культурных работников с целью подготовки квалифицированных экскурсоводов.

В городе Опочке (Псковская область) в 1928 году был создан филиал Общества друзей Госзаповедника «Пушкинский уголок». В нем числилось 32 постоянных члена (преимущественно педагоги школ и училищ) и 102 учащихся 8–9 классов школы второй ступени (их в отчете называют «сотрудники», что, вероятно, означало добровольцев-волонтеров). Опочечкое отделение за первый год работы устроило семь литературных вечеров, программа которых, по примеру Ленинградского отделения, сочетала доклады на пушкинские темы и творческую часть. Для сценических выступлений при отделении был создан хор и оркестр. Один из таких вечеров в июле 1928 года проводился в Пушкинских Горах. Отмечено, что отделение активно работает с подрастающим поколением, проводя не только лекции, но и конкурсы на знание произведений А.С. Пушкина среди учащихся школ.

1929 год

В марте 1929 года было избрано новое правление Общества, в него вошел новый директор Пушкинского Заповедника Петр Михайлович Волков. Председателем по-прежнему избирается А.П. Карпинский. В течение календарного года Общество провело четыре общих собрания (17 февраля, 5 марта, 24 мая, 11 октября), четыре заседания правления, девять заседаний президиума, который вел основную деятельность Общества. Для осуществления работы созданы комиссии: лекторская, которую возглавил В.М. Никифоровский, музейно-экскурсионная (Т.Н. Черепнина, Н.В. Измайлов — ученый хранитель Рукописного отдела Пушкинского Дома, Б.И. Коплан — ученый хранитель и секретарь Пушкинского Дома, Т.Н. Петухова — педагог, заведующая экскурсиями в музее Н.Некрасова), научно-исследовательская (К.К. Романов, В.Ф. Соловьев), издательская (Н.П. Черепнин — педагог, ученый секретарь Русского музея, С.А. Золотарев — преподаватель Санкт-Петербургского университета, В.М. Федоров).

В этот период тотальной коллективизации, свертывания НЭПа и перехода на централизованно-плановую экономику Обществом заботилась проблема перераспределения и сохранения заповедных земель в условиях создания колхозов. В сложившейся ситуации правление

ходатайствовало за организацию «собственного сельского хозяйства в Заповеднике», исходя из того, что «земли Михайловского и Тригорского представляют собою заповедный музей живой природы и должны быть в силу этого поставлены в условия строгого музейного режима»⁵. Наиболее подходящей формой использования небольших участков пахотной и сенокосной земли Заповедника виделась организация собственного хозяйства, функционирующего в соответствии с планом сельскохозяйственного строительства района.

Еще одна задача 1929 года — приведение в надлежащий вид музея в Михайловском и обновление экспозиции. Заведующий Заповедником П.М. Волков направил более 100 экспонатов для реставрации и окантовки. Музейно-экскурсионная комиссия Общества добавила к ним изображения, полученные из Пушкинского Дома. Все экспонаты общим количеством 250 штук были остеклены, окантованы и представлены в качестве выставки на общем собрании 24 мая, а затем переданы в Михайловское. В 1929 году музейная экспозиция пополнилась исполненными по заказу Общества акварельными копиями документов, находящихся в Пушкинском Доме: родословной Пушкиных и Ганнибалов и Жалованной грамоты на Михайловское. Кроме изобразительных материалов в музей переданы папки материалов, подобранные по темам: «Пушкин в Михайловском», «История Михайловского», «Переписка с друзьями», «Пушкин и декабристы». «Пушкин и тайный надзор», «Дуэль и смерть». Для создания экспозиции в конце мая в Пушкинский Заповедник была командирована Т.Н. Черепнина, а из бюджета Общества было выделено 350 рублей, еще 110 рублей добавили из средств Заповедника. В одном из музейных помещений была организована библиотека-читальня с тысячным книжным фондом; ее украшали портреты писателей XVIII–XIX веков и старинные литографии из альбома «Виды Пскова». В течение года Общество поддерживало ходатайства Заповедника и Пушкинского райисполкома перед Главнаукой и Наркомпросом, которым подчинялся музей, о выделении средств на ремонт собора в Святогорском монастыре и на строительство в Пушкинских Горах каменного здания для школы с помещением для экскурсий.

Лекторская комиссия Общества друзей Госзаповедника «Пушкинский уголок», помимо организации лекций и торжественных вечеров

⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 1. Д. 106. Л. 63 об.

в рабочих клубах, разработала три программы цикловых курсов, состоящих из 17 лекций. Это были курсы для рабочих («Пушкин и его эпоха»), для преподавателей («Пушкин в школе»), для Ассоциации словесников областного Дома просвещения города Ленинграда («Пушкин в современных исследованиях»). Интерес к циклам лекций проявили также библиотеки Ленинграда, одна из которых предложила разработать выступление для «Живого журнала» — популярная форма агитационной работы того времени. В течение года в Пушкинские Горы было командировано три лектора, которые прочли в сумме семь лекций. Наконец, удалось организовать экскурсии из Ленинграда в Псков и Пушкинские Горы, их посетили 84 человека.

Получив поддержку от артистической среды Ленинграда, правление общества организовало специальное художественное совещание, куда были приглашены заслуженные деятели искусства: профессор Консерватории М.И. Бриан, заслуженные артисты Большого драматического театра, заслуженные артисты Государственной оперы, председатель художественного совета Общества друзей камерной музыки В.П. Коломийцов, музыковед А.Н. Римский-Корсаков. Художественное совещание разработало два массовых мероприятия в формате торжественных вечеров. Первый вечер, посвященный эпохе Пушкина, состоял из стихов поэтов пушкинской плеяды и музыкальных произведений XIX века. Второй вечер проходил в форме диспута на тему «Как читать Пушкина» с приглашением индивидуальных мастеров чтения, участников студии художественного слова, а также представителей науки, которые рассказывали о теоретических основах художественного чтения; в завершение вечера состоялся обмен мнениями, что придало мероприятию необычную для эпохи интерактивность.

Главное массовое событие 1929 года, которому в отчете Общества уделена целая глава, — Пушкинский вечер в Большом драматическом театре в честь 130-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Программа представляла собой новаторское сочетание исполнительских техник, названное «литературный монтаж «Письма и Муза». «Монтаж» включал актерское прочтение отрывков из писем и стихотворений А.С. Пушкина михайловского, болдинского периодов и последних лет жизни под музыкальное сопровождение Оркестра ревнителей симфонической музыки и хора а капелла; в это же время на экране демонстрировался специально изготовленный фильм и драматические сцены из произведений А.С. Пушкина «Борис Годунов», «Каменный гость», «Моцарт

и Сальери». Вечер имел успех и собрал 616 рублей, которые были отправлены на нужды Пушкинского Заповедника.

Несмотря на массовость мероприятий, активную деятельность Общества в 1929 году и большие планы на будущее, в 1930 году оно резко прекратило свое существование. Общие собрания не проводились, нет сведений и о совещании правления. В деле присутствуют лишь протоколы ревизионной комиссии, собиравшейся 8, 22 января и 8 февраля. В стране набирали обороты коллективизация и индустриализация, в «Пушкинском уголке» вопросы землепользования и сельского хозяйства стали более актуальными, чем изучение и популяризация творчества А.С. Пушкина.

Осенью 1929 года Луначарский был смещен с поста наркома просвещения. В Академии наук в начале 1930-х годов был принят новый устав, начались структурные изменения во всех подведомственных институтах, в том числе в Пушкинском Доме. В 1932 году Луначарский стал директором Института русской литературы (ИРЛИ). В этом же году в декабре он созвал Пушкинскую комиссию для подготовки академического собрания сочинений А.С. Пушкина. Но эту комиссию, как и последующие пушкинские общества, нельзя назвать преемниками Общества друзей Госзаповедника «Пушкинский уголок» — перед ними ставились другие цели и задачи. А недолгая история существования Общества друзей «Пушкинского уголка» показала пример бескорыстного служения культуре России в самые сложные времена перемен и переломов.

Благодаря трехлетней работе Общества в деле сохранения пушкинских мест на Псковщине были достигнуты колоссальные результаты.

Удалось объединить представителей просвещенной общественности, государственных и научных деятелей вокруг и во имя интересов Пушкинского Заповедника.

Был организован сбор средств для нужд Заповедника.

Интересы культурной общественности Пушкиногорья, Пушкинского Заповедника и райисполкома получили представительство в столичных государственных учреждениях и органах власти (Академия наук, Главнаука, Наркомпрос и т. д.)

Была проведена методическая работа, организован сбор и анализ источников о жизни и творчестве А.С. Пушкина.

Были выпущены путеводители, карты, листовки, сувенирная продукция.

Была не только проведена фотофиксация заповедных мест — эти кадры были растиражированы и распространялись в виде иллюстраций и открыток; всё это работало на повышение узнаваемости Пушкинского Заповедника (как сейчас сказали бы — узнаваемости бренда) и помогало сформировать общественное мнение о необходимости сохранения пушкинских мест.

Проводилась работа по образованию и расширению кругозора рабочего населения и патриотическая работа с подрастающим поколением. Лозунг «Пушкин в массы!» воплощался на практике, шел постоянный поиск новых интересных форм подачи материала.

К просветительной работе привлекались известные авторитетные и популярные личности, актеры, писатели и музыканты.

Была организована работа с местным населением — для повышения осведомленности о территории, на которой живут эти люди.

Проводились научные исследования и экспедиции.

Велся поиск экспозиционных материалов для создания выставок в Михайловском и в Пушкинских Горах, шла активная работа по музеефикации заповедного пространства.

Благодаря активному информированию общественности, вовлечению властной верхушки и учреждений, занимающихся наукой и просвещением, проблема сохранения пушкинских мест была решена в канун юбилейных торжеств 1937–1939 годов. И основу этой музеефикации заложило Общество друзей государственного заповедника «Пушкинский уголок».

**ПУШКИНСКИЕ МЕСТА НА СТРАНИЦАХ
КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЗА РОДИНУ»
(1942—1943 ГОДЫ)**

В период нацистской оккупации Псковского края гитлеровские власти наряду с политикой геноцида местного населения проводили его массированную идеологическую «обработку», для чего использовали различные средства устной и печатной пропаганды. К последним относились распространяемые листовки и газеты — отпечатанные как в Германии и Прибалтике, так и непосредственно на местах. Из них особое место занимает многотиражная многополосная газета «За родину», издаваемая в течение двух лет (с сентября 1942 по сентябрь 1944 года) попеременно в Пскове, Дно и Риге. Для придания большей достоверности своему изданию оккупанты заимствовали советское название (газету «За Родину» издавало Политуправление Северо-Западного фронта) и оформление, отличалось только содержание: газета была откровенно антисоветской и антисемитской. Из номера в номер она разоблачала политику большевиков в довоенные годы и в условиях начавшейся войны, давала однозначно позитивное описание повседневной жизни после прихода немцев, в радужных красках рисовала перспективы «светлого будущего страны, освобожденной от большевистского ига» и т. п. Наряду с этим она посвящала множество статей многовековой истории Псковской земли, известным личностям, памятным местам и другим темам, оставаясь в их оценках верной своей направленности.

На страницах газеты удалось обнаружить несколько небольших заметок и обширных статей (некоторые занимают чуть ли не целые полосы) об А.С. Пушкине и местах, связанных с его жизнью и деятельностью. Текст ряда из них сопровождается иллюстрациями памятных мест — Михайловского, Тригорского, Воронича, Святогорского монастыря, как современными фотографиями, так и снимками портрета Пушкина, его посмертной маски, вида Михайловского с известной литографии землемера Иванова... Все эти материалы были напечатаны в номерах за 1942—1943 годы, поэтому в названии настоящего сообщения обозначены именно эти даты.

Из всех опубликованных статей наибольший интерес представляет обширный очерк «Пушкинские места», помещенный с продолжением в трех номерах и написанный неким «Ив. Полтавским» (не исключено, что это литературный псевдоним, а подлинную фамилию автора установить не удалось). Он представляет собой простое повествование о поэте, пребывании его в Псковском крае — о михайловской ссылке, о посещениях Тригорского, святогорских ярмарок, о погребении в 1837 году в Святогорском монастыре, с описанием всех этих мест, цитированием стихов Пушкина, мало что добавляющее к хорошо известным по другим изданиям фактам. Интерес представляют оценки мероприятий советской власти в пушкинских местах и по отношению к памяти поэта.

«Послеоктябрьское самодержавие в своем отношении к памяти поэта превзошло Николая I, — писал автор. — На территории пушкинских мест большевики построили свинарник. Недремлющее око НКВД не осталось в долгу перед Третьим отделением. Объявив Пушкина воинствующим безбожником, большевики вдруг вспомнили, что обелиск на могиле поэта, сооруженный в 1840 году, увенчан крестом. Последовало секретное представление Пушкинскому райотделу НКВД — и в одну ночь креста не стало...»

Аналогичным образом Ив. Полтавский повествовал и о Михайловском: «До революции в Михайловском была учреждена Колония для престарелых писателей и ученых. После революции Михайловским торговали различные организации, долгое время там был совхоз. Пушкинскую усадьбу «украсили» свинарником. Только с передачей Заповедника в ведение Академии наук с большим трудом удалось вытеснить совхоз. Но и Академия наук оказалась бессильной достойно увековечить места, связанные с памятью великого русского поэта. Совнарком в реставрационных работах усмотрел антигосударственную тенденцию. В результате на месте дома Пушкина было сооружено строение сомнительного стиля, которое негодующие посетители образно назвали «речным вокзалом». Тяжелое впечатление сглаживает внутренний вид дома: локальный литературный музей, отражающий жизнь и творчество Пушкина михайловского периода. В пяти комнатах любовно собран изобразительный материал, характеризующий прошлое Псковского края, предков Пушкина... Большой интерес представляет бытовая комната, где собрана мебель, принадлежавшая Ганнибалам и Пушкиным, голландская живопись из дома Осиповых и знаменитый клавесин, на котором Керн играла Пушкину. В минувшем году, при отступлении Красной армии, было

дано гнусное распоряжение поджечь усадьбу. Однако нашлись люди, которые предотвратили осуществление варварских замыслов. Сегодня пушкинские места находятся под охраной германского оружия».

Поместив фотографию «Общий вид Пушкинских Гор», автор сопроводил ее комментарием: «Во время отступления Красной армии летом прошлого года большевики сожгли все общественные здания районного центра. На снимке видны разрушенные здания гостиницы, аптеки, районной конторы Госбанка и др. Уцелевшая от пожара Пятницкая церковь в большевистское время была приспособлена под клуб Осоавиахима. Вдали видна колокольня Святогорского монастыря». Другой снимок — «Вид с могильного холма на нижний Никольский собор, построенный в XVIII веке» снабжен более краткой аннотацией: «В советское время здесь был кинотеатр. В сгоревших монастырских службах помещались редакция и типография районной газеты»¹.

В добавление к этому повествованию газета опубликовала небольшой отрывок из «беседы со зрителем музея», озаглавив его весьма характерным названием: «Как хотели разграбить пушкинский музей», и в очередной раз стараясь противопоставить «разрушительной советской власти» цивилизованный «новый порядок» оккупантов.

«Как известно, — писала она со слов «зрителя», — красным войскам при отступлении был дан приказ Сталина: выселять народ, сжигать деревни, города и посевы, угонять скот. По этому дикому приказу в Михайловское приехали районные администраторы и приказали разграбить музей и сжечь картины. Прежде всего, разграбили кладовые, потом приступили к музею. Из рам вынули картины, сняли зеркала и всё это унесли в лес. Старый фарфор и часы «ампир» разбились, статуе Диллона «Тетека» отбили голову и пальцы. Одним словом — учинили полный разгром. Сожгли бы и портреты, да вмешались служащие Заповедника — почитатели великого поэта. После бегства красных эти служащие собирали вещи в лесу, чтобы вернуть их в музей. Вскоре последовал приказ командующего немецкой армией об охране Заповедника и возвращении унесенных из музея вещей. Теперь музей восстановлен и является одной из лучших сокровищниц русской национальной культуры»².

¹ *Полтавский Ив.* Пушкинские места // За родину. 17.12.1942, 22.12.1942, 01.01.1943.

² Как хотели разграбить Пушкинский музей (беседа со зрителем музея) // За родину. 27.05.1943.

Остальные заметки, которых в общей сложности обнаружено пять, касаются более частных вопросов, и содержание их обращено не столько в прошлое, сколько повествует о настоящем. Но линия повествования, независимо от авторов (некоторые помещены без указания их имен), остается неизменной: показ варварской сущности большевистской власти и созидательной деятельности германских властей. Касалось это, в частности, вопроса о возрождении церковной и монастырской жизни.

Одна из заметок, подписанная инициалами «О. К.», посвящена возобновлению богослужений в селе Воскресенском: «В с. Воскресенском временная церковь устроена в доме, сохранившемся еще со времен Пушкина, выстроенном его предком Ганнибалом. Вблизи Воскресенского находится деревня Кобрино, это родина няни Пушкина Арины Родионовны. Там же находится и усадьба, принадлежавшая тоже Ганнибалам. Церковь обслуживает священник отец Николай Быстряков. Он уроженец Воскресенского и состоит в священническом сане уже 43 года, заслужив общее уважение и любовь своих прихожан. Церковь в Воскресенском — одна из редких церквей, где службы совершались всё время. Приход облагали огромными налогами и когда налог не был уплачен, большевики храм закрывали. С большими трудами и жертвами прихожане собирали нужные суммы, и по уплате налога службы восстанавливались. Обряды совершались лишь тайком. Младенцев часто приносили крестить бабушки или матери, иногда даже тайно от отца и остальных членов семьи. Случаев освящения браков в церкви почти не было. Теперь церковь наполнилась народом: матери приводят крестить детей даже школьного возраста. Совершаются и другие обряды и даже молебны в отдельных избах»³.

В следующий раз газета пером автора «В. Гарцевой» писала о возрождении Святогорского монастыря. Коснувшись вкратце истории обители, автор традиционно «ущипнула» большевиков, а затем перешла к освещению главной идеи:

«До 1933 года большевики монастыря не трогали, но в конце концов его постигла участь большинства храмов и русских исторических памятников: явились безбожники и разгромили монастырь. В храме был уничтожен иконостас, содраны ризы с икон, крупные драгоценные камни, сапфиры и бриллианты перешли в карманы чиновников. Многие ценные иконы были попросту разрублены и сожжены, а более ценные

³ О. К. Церковь в селе предков Пушкина // За родину. 29.10.1942.

— погружены в машины и увезены в неизвестном направлении. Пропала и весьма чтимая народом икона Божьей Матери Одигитрии.

Однако в народе хранилась вера, что монастырь восстановится и чтимая икона явится сама. Как только Святогорье было освобождено от большевистской власти, начались работы по восстановлению монастыря. Был приведен в порядок храм и из обломков возведен новый иконостас. На воззвание к населению о пожертвовании икон для храма их понесли отовсюду. Закопанные в землю, запрятанные в стены или в солому, они хранились, укрывались благочестивыми людьми. А в памятный монахам день 13 августа под колокольней кладбищенского храма непонятным образом оказался чтимый образ Богоматери Одигитрии. Народ приписывал явление образа чуду. В Успенев день, 27 сентября, при огромном стечении молящихся состоялось освящение храма, вылившееся в огромное торжество. Во время крестного хода, растянувшегося на 5 км, молящиеся становились рядами, чтобы над их головами была пронесена явленная икона.

Сейчас в монастыре проходят последние работы по восстановлению левого придела, где должна находиться икона. Иконостас восстанавливается из старых поврежденных икон, которые реставрируются и приводятся в порядок. Интересна судьба монастырских колоколов. Самый большой колокол остался нетронутым. Большевики оставили его как декорацию для иностранцев, выражая тем свое якобы положительное отношение к церкви. Другой колокол — дар монастырю царя Ивана Грозного — с давних времен лежал без языка и без уха, которые ему якобы велел отсечь Грозный. Большому царю не понравился звон колокола, и по его повелению колокол «казнили». Теперь удалось укрепить шипы и подвесить колокол. И густой бархатный звон его оглашает далеко окрестности»⁴.

Несколькими месяцами раньше газета специально рассказала об обстоятельствах обнаружения иконы Богоматери Одигитрии, сообщив ряд подробностей: «Недавно, совершенно случайно, удалось обнаружить главную святыню б. Святогорской обители в Пушкинских Горах — чудотворный образ Божьей матери Одигитрии, находившейся в мусоре под колокольней Казанской церкви, куда он был занесен при закрытии этой церкви в 1940 году. Вновь обретенная святыня начинает свою исто-

⁴ *Гарцева В.* Восстановление Святогорского монастыря // За родину. 09.01.1943.

рию, нисходящую в глубину веков. Впервые она в XIV веке явилась отроку Тимофею, жителю древнего города Воронича, находящегося в 4 км от нынешних Пушкинских Гор. Он видел ее во время молитвы у речки Луговицы и несколько раз на названной в честь него Тимофеевой горе. Позже она явилась на сосне Синичьей горы, на пне которой после был воздвигнут главный престол Успенского монастырского собора. Образ хранился в этом храме до закрытия монастыря большевиками, когда он вместе с другими чтимыми иконами обители: Федоровской Божьей Матери, Успения и Умиления был перенесен в существовавшую еще тогда соседнюю Пятницкую церковь. Когда же и этот храм постигла та же участь, чудотворные иконы нашли себе приют в последней уцелевшей из церквей Пушкинских Гор — кладбищенской Казанской церкви, но не надолго... За год до освободительной войны безбожники добрались и до последнего оплота веры в районе... С тех пор о судьбе высокочтимых образов святогорских никто не знал, и только теперь — уже через год после восстановления Казанского храма древний чудотворный лик Царицы Небесной явлен для благодатного утешения верующих. Жители Пушкиногорского района приняли его как знамение Небесного покровительства над их весями. Небесный образ известен православным людям и за пределами Пушкинских Гор благодаря участию его в монастырских крестных ходах во Псков через Остров, в Опочку и в Новоржев. В ближайшее время, после окончания ремонта Успенского собора, он будет перенесен туда, чтоб стать доступным для поклонения широким массам православного народа»⁵.

Как следует из содержания предыдущей заметки, икона Богородицы Одигитрии действительно заняла свое место в иконостасе собора.

Наконец, чтобы в очередной раз представить себя носителями европейской культуры, почитателями крупнейших ее деятелей, к числу которых оккупанты причисляли и А.С. Пушкина, они 10 февраля 1943 года решили отметить 106-ю годовщину его «безвременной кончины». На могиле поэта в Святогорском монастыре в 12 часов священниками Православной миссии была совершена панихида, а газета «За родину» поместила одну за другой две небольшие заметки, при этом одну — под весьма характерным названием: «Немецкие солдаты спасли маску Пушкина». «Пушкинский уголок от войны не пострадал, — писал неиз-

⁵ Найдена главная святыня Святогорского монастыря // За родину. 29.09.1942.

вестный автор. — В селе Михайловском находится музей, экспонатами которого занято восемь больших зал. На днях германской комендатурой передана в музей маска Пушкина, вынесенная германскими солдатами из горящего Царскосельского дворца, подожженного большевистскими снарядами. Благородный поступок немецких воинов вызывает глубокое восхищение и благодарность в сердце каждого истинно русского человека»⁶.

О самой же панихиде повествовала другая заметка: «В 12 часов дня 10 февраля благовест с колокольни вновь открытого Успенского собора собрал молящихся на панихиду по великому русскому поэту А.С. Пушкину. В этот день исполнилась 106-я годовщина со дня смерти поэта. Площадь около могилы была очищена от снега и обсажена еловыми ветками. На монументе стоял портрет Пушкина в старой раме, под стеклом. Панихиду служили священники о. Георгий и о. Иосиф. Пел хор. День был солнечный, ветреный. Молящихся собралось много, были представители от местной военной комендатуры, хозяйственного управления и др. После панихиды о. Георгий произнес содержательную речь на тему: «Пушкин любил свою родину, Пушкин умер истинным христианином»⁷.

Таковы основные материалы о поэте и пушкинских местах Псковского края, увидевшие свет на страницах коллаборационистской газеты «За родину» (в ее выпуске принимали участие русские журналисты). В цитируемых выше отрывках из статей и заметок нельзя не заметить неточности (например, хорошо известно, что памятник на могиле А.С. Пушкина был в действительности установлен в 1841 году, а Святогорский монастырь был закрыт не в 1933-м, а гораздо раньше), но подлинная основа ряда моментов корреспондентами передавалась верно: и о том, что в Михайловском в первые послереволюционные годы существовал совхоз, что близ памятного имения был построен свинарник, и то, что облик восстановленного в 1937 году Дома-музея поэта в Михайловском не соответствовал первоначальному, а с памятника на могиле Пушкина действительно был сбит крест, что монастырские помещения и закрытые храмы использовались по совершенно другому назначению, и т. д. и т. п. Ничего, конечно же, положительного в действиях советских органов, например, в деле реставрационных и вос-

⁶ 106-я годовщина со дня смерти Пушкина // За родину. 07.02.1943.

⁷ Михайловское: Панихида на могиле Пушкина // За родину. 23.02.1943.

становительных работ, проведенных в заповеднике в 1935–1937 годах, как и в последующие довоенные годы, коллаборационистские авторы видеть не желали, сознательно акцентируя внимание только на разрушениях и непомерно их гиперболизируя. Политические и идеологические цели для них стояли выше исторической истины, но заметки газеты «За родину» сами по себе интересны в качестве дополнительного источника сведений и о положении пушкинских мест в драматические годы войны, и для изучения сущности и содержания такого явления, как коллаборационизм.

ПУШКИН В ФОТООБЪЕКТИВЕ: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Всероссийский музей Пушкина по праву считается старейшим в России пушкинским музеем, он ведет свою историю с 1879 года, когда на праздновании очередной лицейской годовщины было принято решение о создании Пушкину «нерукотворного памятника» путем собирания всех материалов, относящихся к его личности и творчеству.

На этот призыв откликнулись совершенно разные люди: не только его друзья, лицеисты разных курсов и выпусков, но и обычные почитатели таланта Пушкина, для которых участие в создании и пополнении музея было честью. Среди поступавших предметов были личные вещи поэта, его автографы и рисунки, прижизненные портреты и издания, наряду с ними были и фотографии его родных и друзей, сделанные через несколько лет после его гибели. К моменту создания Лицейского музея фотография уже прочно закрепилась в общественной жизни, пережила период расцвета альбомной культуры и получила распространение в самых широких слоях общества.

Как известно, фотопортрета Александра Сергеевича не существует — «подумать только, проживи Пушкин еще два-три года, и у нас была бы его фотография. Еще шаг, и он вышел бы из тьмы, богатой нюансами и полной живописных намеков, где он остается, прочно войдя в наш тусклый день, который длится уже сто лет...»¹

Фотографическая коллекция Всероссийского музея А.С. Пушкина на сегодняшний день насчитывает порядка 45 тысяч предметов самой разнообразной тематики, за каждым из которых стоит имя поэта. Наибольший интерес представляют портреты членов семьи поэта, близких друзей, лицеистов, современников. Как писала Анна Ахматова, «вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками... Про их

¹ *Набоков В.В.* Пушкин, или Правда и правдоподобие. Эссе, написанное на французском языке. Впервые опубликовано предположительно в 1937 году / пер. Т. Земцовой.

великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин — или: здесь не бывал Пушкин. Всё остальное никому не интересно»². Фотографии половины из перечисленного Ахматовой можно найти в фонде.

Не менее значимы фотографии мест, где побывал поэт; проектов и памятников Пушкину в разных городах и странах; сцены постановок, фотографии артистов, исполнявших партии героев пушкинских произведений, — всё это создает своего рода документальную фотолетопись жизни и творчества Пушкина.

Пополнение коллекции фотографии происходило неравномерно, наибольшее количество материалов поступало в преддверии юбилейных дат из биографии поэта, из которых мы условно выделили три: 1899, 1937 и 1949 годы.

Каковы же были самые первые фотографии, поступившие в музей? Чтобы составить представление об этом, можно обратиться к сборнику «Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея», составленному воспитанниками I класса LV курса С.М. Аснашем и А.Н. Яхонтовым, под редакцией заведующего Пушкинским музеем И.А. Шляпкина. Сборник был выпущен к 100-летию со дня рождения Пушкина и представлял собой точный перечень материалов, находившихся в музее на тот момент.

Фотографии, упомянутые в книге, условно можно сгруппировать по темам.

Первая — пересъемка с известных портретов Пушкина, выполненных в фотоателье именитых мастеров (А. Эйхенвальд, С. Левицкий).

Вторая — фотоотпечатки-«репродукции», сделанные с известных картин: Н.Н. Ге «Пушин в Михайловском» (ателье Карла Фишера), Григория Чернецова «Портрет четырех писателей» (ателье Н.А. Лоренковича) и др.

Третья — виды пушкинских мест: «фотография дома, где родился Пушкин, принадлежавшего графине Головиной, ныне принадлежащем купцам Ключиным» (М.П. Настюков)»; одни из самых ранних фотографических видов Болдина (А. Морозов), дом Пушкина в Одессе (ателье «Рембрандт»), дом Волконских на Мойке (Н.А. Лоренкович).

Четвертая — события, связанные с увековечением памяти поэта. Это проекты, участвовавшие в конкурсе на строительство памятника

² Ахматова А.А. Слово о Пушкине. Статьи и заметки. М., 1989. С. 8.

А.С. Пушкину в Москве 1873 года, снимки работ скульпторов Е.М. Ильенко, П.А. Кускова, С.И. Иванова, А.М. Опекушина. Особенно стоит отметить редкие фотографии полноразмерной модели памятника, стоящей в мастерской Опекушина, которую он был вынужден выстроить рядом со своим домом, после того как Академия художеств отказалась предоставить мастеру помещение для работы; а также проекты памятника поэту в Одессе работы Жанны Полонской, торжественно открытого в 1889 году.

В преддверии юбилея со дня основания Царскосельского лицея, в 1910 году, лицеистом А. Нератовым в музей была передана одна из самых востребованных и знаковых фотографий нашей коллекции — инсценировка лицейского экзамена. Примечательно, что предмет подробно атрибутирован: на полях паспарту подписаны все участники знаменательного события, а «справа внизу видна часть головы И.Е. Репина, по просьбе которого был инсценирован лицейский экзамен». Известно, что «роль» Пушкина исполнил лицеист 69-го курса Георгий Лесков (выпуск 1913 года).

В 1917 году начинается следующий этап в жизни музея. Для обеспечения сохранности музейной коллекции во время революционной смуты, захватившей страну, Павел Евгеньевич Рейнбот — преданный хранитель музея и секретарь Пушкинского общества — принимает решение передать ее в Пушкинский Дом.

В течение следующего 1918 года от родных поэта и людей из его ближайшего окружения в собрание музея поступили несколько ценных предметов:

от дочери Н.Н. Пушкиной-Ланской А.П. Араповой — несколько фотоальбомов, в которых собрана подборка фотографий родных Натальи Николаевны по линии Гончаровых, портреты братьев и их семей, а также «лиц, бывших с ней на отдыхе в Ницце» (КП-15027);

от Татьяны Борисовны Семечкиной, племянницы К.К. Данзаса — редкая фотография Ивана Пущина, выполненная в ателье московского фотографа Карла Бергнера сразу по возвращении из сибирской ссылки.

В конце 1920-х годов пополнение коллекции музея ознаменовалось крупным комплексом материалов, собранных А.Ф. Отто-Онегиным. Еще в 1909 году с коллекционером был подписан договор о передаче коллекции, с условием, что в течение своей жизни он будет продолжать владение ею. После смерти Александра Федоровича его коллекцию перевезли в Петербург, и в 1928 году она стала частью музейного

пушкинского собрания. В состав его коллекции входило немало фотографий. Среди них хочется выделить фотографии А. Насветевича, на которых запечатлены уголки юбилейной Пушкинской выставки в Академии наук. Рассматривая их, можно выяснить, какие именно предметы экспонировались на выставке, уточнить их датировку. Так, например, можно увидеть «Дом Цуринова в Тифлисе, в котором останавливался Пушкин» (фото А. Роинашвили с рисунка П. Богатырева), виды Михайловского, которые до этого датировались началом 1900-х годов, фотографии некоторых личных вещей поэта (снимок камер-юнкерской шляпы Пушкина).

Упомянутые фотографии входят в условно выделенный «комплекс материалов 1899 года», состоящий в основном из высокохудожественных произведений, созданных признанными мастерами — Карлом Буллой, Фридрихом Мебиусом, Карлом Кубешем, Иосифом Оцупом, Романом Бродовским. На их кадрах запечатлены различные торжественные мероприятия, посвященные А.С. Пушкину, памятники поэту в крупных городах Российской империи, Пушкинские выставки, композиции из нескольких фотоснимков, объединенных общей идеей.

Среди юбилейных материалов можно выделить и портретную съемку: группа профессоров Юрьевского университета на праздновании пушкинского юбилея, артисты художественного театра у памятника А.С. Пушкину в Москве, групповая фотография в Святых Горах, в центре которой колоритные фигуры А.А. Пушкина и Л.Н. Павлищева.

В это же время стали появляться и первые постановочные кадры, на одном из таких представлена жанровая сцена — юный Пушкин и няня. На фотографии не просто позирующие в определенной обстановке люди, а своеобразная реконструкция эпизода из жизни поэта: натура, обстановка и предметы служат раскрытию идеи фотографа. Снимок привлекает своим сюжетным замыслом и режиссурой кадра; кроме того, изображения поэта в образе ребенка, слушающего нянины сказки, в изобразительном искусстве XIX века практически не встречаются.

Характерной особенностью «юбилейных» фотографий конца XIX века являются общие планы, статичность, отсутствие динамики — любое движение в кадре или смещение камеры грозило оставить на фотографии размытое пятно. Приметами времени стали выверенные ракурсы, неподвижные позы, отсутствие эмоций на лицах. Ретушь фотографий, если и применялась, то скорее в художественно-декоративных

целях, чтобы подчеркнуть тот или иной элемент на фото, который получился не четко.

Следующим «юбилейным» комплексом стали фотографии 1937 года. 100-летие со дня смерти Пушкина планировалось как череда торжественных мероприятий с невиданным размахом. Власть, признав ценность творчества поэта, подчеркивала: «Пушкин целиком принадлежит нам, нашему времени, он живой и долго еще будет жить в будущих поколениях. Пушкин — слава и гордость великого русского народа — не умрет никогда»³. В духе времени массовое знакомство с пушкинским творчеством происходило по классической схеме организации агитационных кампаний. Со страниц газет и журналов неслись призывы силами трудовых коллективов фабрик, заводов, рабочих клубов, библиотек организовывать выставки, пушкинские уголки, проводить лекции и доклады о творчестве поэта, вечера чтений его произведений, концерты. Помочь в достижении этой цели должна была фотография и прежде всего ее ведущее в те годы направление — фоторепортаж.

Десятки фотографов приступили к съемкам на «пушкинскую тему» в Москве, Ленинграде, Крыму, на Кавказе, в Михайловском, Болдине. Среди них были уже сформировавшиеся, признанные мастера художественной фотографии — Юрий Еремин, Петр Клепиков, Абрам Штеренберг, и молодые авторы — Михаил Прехнер, Марк Марков, Георгий Зельма, Борис Кудояров, Александр Монюшко и другие.

География проведения памятных торжеств значительно расширилась и охватила не только крупные города, но отдаленные селения союзных республик, в которых работали свои, местные, фотокорреспонденты.

Пушкинская тема оказалась не такой простой, как представлялось на первый взгляд. Чтобы репортаж соответствовал всем требованиям печати и духу времени, было необходимо сделать не только красивый кадр, но и передать с его помощью художественную обстановку, в которой жил Пушкин, а также изменения в жизни простого советского человека, произошедшие благодаря изучению творчества великого поэта и «мудрому руководству партии и правительства». Так как многие фотографии «пришли» в репортаж из классической художественной фотографии, по их работам «зачастую бывает трудно установить, где кончается худо-

³ См.: Правда. 1937. № 40 (7006). С. 1.

жественная фотография и начинается фоторепортаж, который нередко стремится оформить реальный факт как можно художественнее»⁴.

Ярких примеров так называемого художественного репортажа в нашей коллекции насчитывается около ста, они представляют собой серебряно-желатиновые отпечатки формата 30 × 40 и больше — все они экспонировались на Всесоюзной Пушкинской выставке в Москве.

В череде праздничных и памятных мероприятий имя Пушкина звучало отовсюду: открывались пушкинские выставки, избы-читальни, крупными тиражами издавались его произведения, устраивались массовые читки, на театральных сценах шли постановки по мотивам его произведений, в Ленинграде состоялась закладка камня будущего памятника поэту. Фотоснимки, запечатлевшие всё это, передают атмосферу времени не менее красноречиво, чем сообщения газет и новостные радиосводки. На таких репортажных кадрах можно заметить характерные черты фотографий 1930-х годов: чередование крупных и общих планов, наклон горизонта, диагональные линии — влияние фотоавангарда, съемка в движении, улыбки и эмоции на лицах, соответствующие замыслу снимка, активное использование ретуши. Многие фотографии носили откровенно плакатный характер, передавая необходимую идейную и политическую нагрузку. Кроме того, к большинству репортажных снимков прилагался (приклеивался к обороту) листок-аннотация, где подробно описывалось событие, место и время его проведения — что было необходимым для передачи снимков в публикацию.

Следующий крупный блок материалов — это фотографии торжеств 1949 года. 150-летие со дня рождения поэта ознаменовалось как первый послевоенный пушкинский юбилей, время открытия новых пушкинских музеев и экспозиций.

В городе Пушкине, в здании Лицея, среди многочисленных коммунальных квартир, открылись Большой зал и четыре спальни воспитанников. Убранство их было настолько скромным, что экспонаты имела только комната Ивана Пущина, где стояли предметы мебели и быта начала XIX века. В Александровском дворце развернулась большая литературно-монографическая экспозиция, где наряду с пушкинскими мемориями и произведениями классического искусств были представлены работы советских художников, иллюстрировавшие отдельные эпизоды его биографии.

⁴ Соколов И. Фотография как искусство // Фотограф. 1928. № 7–8. С. 195.

На пушкинские торжества в бывшее Царское Село приехало огромное количество гостей, иностранных делегаций, присутствовал практически весь состав президиума Академии наук СССР, что свидетельствует о большой значимости этих событий для культурной жизни страны.

12 июня 1949 года состоялся праздник в Пушкинских Горах. При участии президента Академии наук СССР С.И. Вавилова, директора музея-заповедника С.С. Гейченко, академиков Б.А. Грекова, И.Э. Грабаря, А.В. Палладина и многочисленных гостей в Михайловском был торжественно открыт восстановленный с максимальной исторической достоверностью Дом-музей поэта.

В Болдине, в здании вотчинной конторы, уцелевшей со времен Пушкина, 18 июня начал работу музей-заповедник. На открытии присутствовали потомки поэта Г.Г. Пушкин, А.В. Кологривов, С.Е. Клименко, Т.А. Галина, известные писатели и литературоведы.

Фотокорреспонденты Евгений Ряпасов, Александр Бродский, Федор Овсянников, Павел Вознесенский и другие сумели не только документально зафиксировать происходящие события, но и передать дыхание времени, послевоенные надежды на будущее, стремление людей радоваться жизни. На сделанных ими кадрах мы видим четко выстроенные композиции, счастливых людей, чудесную погоду.

В фонде хранится более 150 фотографий торжественных мероприятий 1949 года. В основном это отпечатки небольшого формата (18 × 20, 10 × 15, 9 × 12 см).

Стоит упомянуть о попытках фотографов создать «панорамные» снимки. Так как технической возможности сделать такую фотографию высокого качества еще не было, использовали съемку в несколько этапов. Получившиеся отпечатки стандартного формата склеивались между собой, образуя панорамный вид, наиболее полно передающий масштаб запечатленного события. Такие панорамы в коллекции музея можно выделить во всех обозначенных нами «юбилейных» периодах: в 1899 году Пушкинский праздник в Москве запечатлен на фотографии Василия Левитского (состоящей из четырех частей), в 1937 — на снимках Федора Кислова (пять частей). Самый большой снимок относится к 1949 году, он состоит из семи частей, на которых представлено праздничное выступление симфонического оркестра УССР в колхозе «Жовтень», в Каменке, во время июньских Пушкинских дней.

Детальное изучение таких фотографий превращается в необыкновенно увлекательное занятие.

В год 225-летия со дня рождения поэта мы решили узнать, как «звучит» пушкинская тема в современном фотоискусстве. Какие направления и жанры выбирают для ее раскрытия фотографы и многочисленные фотолюбители? Для привлечения наибольшего количества участников и максимального территориального охвата Всероссийский музей А.С. Пушкина объявил о проведении фотомарафона. С 1 января по 10 октября 2024 года все желающие могут принять в нем участие и прислать свои работы в следующих жанрах: художественная фотография; репортаж; постановочный сюжет; фотосерия (до пяти снимков, связанных одной темой).

Надеемся, что фотомарафон даст возможность визуализировать нынешнее отношение к Пушкину, выявить тенденции и характерные приметы времени, провести параллели с предыдущими историческими этапами. Мы намеренно не ограничивали участников ни возрастными рамками, ни уровнем профессионализма, ни техническими характеристиками фототехники, чтобы дать возможность каждому желающему через призму пушкинского творчества запечатлеть жизнь во всей ее непосредственности. «...Когда наша, раздерганная ошибками и сомнениями, душа накладывается на произведения пушкинского гения или даже просто на его светлое имя, она начинает собираться по образу его гармонии...»⁵

⁵ Конецкий В.В. Мой Пушкин. Из выступления в Музее-квартире А.С. Пушкина на Мойке, 12. 1975 год.

*Роман Флорианович Бродовский. Москва.
Празднование 100-летнего юбилея со дня рождения Пушкина. 1899 год.*

Коллодиновый отпечаток.

Поступил от Института русской литературы (ИРЛИ)

по акту от 15.12.1953, прил. 2, пор. 1016, и 42021.

ВМП КП-12186. Дф-609. ГК-3101337

*Александр Федорович Эйхенвальд. Композиция,
 посвященная 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина. 1899 год.
 Трехслойный отпечаток.
 Поступил от ИРЛИ, п. 3265. И. 4878. Ранее из собрания А.Ф. Онегина.
 ВМП КП-13537. Дф-725. ГК-3101406*

*Юрий Петрович Еремин (1881–1948). Вид на Гурзуф ночью.
СССР, Крым. 1930-е годы. Серебряно-желатиновый отпечаток.
От Союзфото на ВПВ по акту № 521 от 26.04.1937
(затем перевод из фотофонда, решение ЭФЗК, протокол № 316
от 20.08.2015). ВМП КП-37692. Дф-2769. ГК-7658724*

Михаил Григорьевич Прехнер (1911–1941). Пушкинский Заповедник.

Колхозники у портрета А. С. Пушкина. СССР. 1930-е годы.

Серебряно-желатиновый отпечаток.

От Союзфото на ВПВ по акту № 521 от 26.04.1937 (затем переведен из фотофонда через ЭФЗК, протокол № 340 от 13.06.2018 по акту внутримуззейной передачи 112/в от 17.07.2018).

ВМП КП-38810. Дф-2831. ГК-13039598

*Ф. Кислов (Союзфото). Торжественный митинг
Н.А. Филатов — председатель Мособлисполкома открывает митинг.
Поступил от Союзфото по акту № 557*

*на бывшей Страстной площади в Москве в юбилейные Пушкинские дни.
1937 год. Серебряно-желатиновый отпечаток.
от 01.12.1940. ВМП НВ-Ф2669*

*С. Лоскутов (Союзфото). Фасад Большого театра в Москве в юбилейные Пушкинские дни. Оформление худ. Ф.Ф. Федоровского. 1937 год. Серебряно-желатиновый отпечаток.
Поступил из московских фондов, старый инв. № 46612 (дата записи 20.06.1951). ВМП НВ-Ф4008*

*Фотоателье Скасси. Композиция «А.С. Пушкин ребенком с няней».
Харьков. 1898–1899 годы. Альбуминовый отпечаток.
Поступил от М. Савинова в 1928 году. ВМП НВ-Ф5814*

*М. Мельник (фотохроника РАТАУ). Торжества, посвященные 150-летию
Концерт государственного симфонического оркестра УССР в колхозе со дня
Поступил от Телеграфного агентства РАТАУ (Киев).*

*рождения А. Пушкина в селе Каменка Кировоградской области.
«Жовтень». 1949 год. Серебряно-желатиновый отпечаток.
Счет от 19.03.1955. ВМП НВ-Ф7840/1-7*

*Александр Иванович Бродский (1903–1984). Торжества
в честь 150-летия со дня рождения А. Пушкина. Город Пушкин.
Торжества в Екатерининском парке. СССР. 1949 год.
Серебряно-желатиновый отпечаток.
Источник поступления не установлен («из старых поступлений»).*
ВМП НВ-Ф55509

ПУШКИН В ПАЛАТЕ РУССКОЙ СЛАВЫ
МУЗЕЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ.
ИВАН ЦВЕТАЕВ КАК ПУШКИНИАНЕЦ

Настоящее исследование обобщает корпус фактов, указывающих на исключительное значение Пушкина в жизни отца Марины Цветаевой. Речь идет о малоизвестных свидетельствах, разбросанных в обширной мемуарной литературе и письмах. Такие сведения если и привлекались учеными, то лишь спорадически. Вызывает удивление то обстоятельство, что ни один исследователь их до сих пор не собрал и не подверг анализу. И это при том, что теме «Цветаева и Пушкин» посвящено свыше двухсот научных публикаций¹.

Интересующий нас вопрос важен не только для уточнения биографии профессора. По существу, мы предлагаем вернуться к истокам «Моего Пушкина», прозы о ранних годах в жизни Цветаевой, дополнить скудные факты биографии, содержащиеся в тексте (см., например, две главки о встрече Ивана Владимировича со старшим сыном Пушкина²), и подвергнуть их обобщению.

Больше полувека ученые в основном изучали миф Цветаевой о великом предшественнике, мифопэтику ее прозы и стихов о Пушкине. Проблема биографических и литературных источников текстов — та, с которой и следовало начать изучение пушкинианы Цветаевой еще в конце 1960-х (в период появления первых публикаций на эту тему), — до предпринятых нами исследований обстоятельно не рассматривалась.

¹ Перечень наиболее оригинальных из них см. в разделе «Литература» нашей совместной с Романом Сергеевичем Войтеховичем статьи: *Войтехович Р.С., Егоров А.А.* Проблема пушкинского подтекста в ранней поэзии Марины Цветаевой // *Acta Slavica Estonica XV: Опыт и небывалое в литературе и культуре.* Тарту, 2022. С. 103–117.

² *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 64–65. Интерес представляют и черновые фрагменты прозы «Мой Пушкин», не вошедшие в окончательный вариант текста. В частности, в одном из фрагментов профессор ведет с дочерью Мариной разговор о старшем сынке Пушкина: *Цветаева М.И.* *Мой Пушкин.* Челябинск, 1978. С. 166–167.

*И.В. Цветаев в мантии почетного опекуна Московского присутствия
Опекунского совета Учреждений императрицы Марии
(председатель Опекунского совета — А.А. Пушкин, старший сын поэта).
Москва. 1912 год. В этой же мантии в 1913 году И.В. Цветаев был похоронен*

Очевидно, что эта работа должна была быть проведена учеными значительно раньше.

Принято считать, что И.В. Цветаевым и М.А. Мейн, а вслед за ними и их детьми, были сакрализированы две основные темы — домашне-го музицирования и строящегося музея. Отвечая на анкету 1926 года, М. Цветаева так описала атмосферу родительского очага: «Два лейтмотива в одном доме: Музыка и Музей»³. Мы же покажем (не схоластически, а опираясь на совокупность фактов), что в кругу этой семьи существовал и третий «лейтмотив» — особый пиетет к Пушкину. Этот «культ Пушкина», поддерживаемый со стороны отца и других родственников, многое определил в жизни и творчестве Цветаевой, в ее взглядах на литературный труд. А главное — в ее поздней пушкиниане.

Разумеется, биографы профессора Цветаева уже отмечали его особый интерес к великому русскому поэту, но, к сожалению, не останавливались на этом вопросе специально. Так, Юдифь Матвеевна Каган указала на общую черту братьев Ивана, Федора и Дмитрия Цветаевых: они «боготворили Пушкина»⁴. Алексей Евгеньевич Смирнов в книге «Иван Цветаев: история жизни» (2013) и вовсе утверждал, что его герой знал Пушкина наизусть⁵. Это очевидное преувеличение. Но в его основе заключена верная мысль: отец Марины Цветаевой с детских лет постоянно перечитывал Пушкина, хорошо знал его творчество, помнил многие его стихи.

Так, в частной переписке профессор запросто и к месту цитирует роман «Евгений Онегин» (1825–1833)⁶, трагедию «Борис Годунов» (1825)⁷, поэму «Полтава» (1828)⁸, лирические стихотворения «Поэт»

³ *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М., 1994. С. 622.

⁴ *Каган Ю.М.* И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987. С. 46.

⁵ *Смирнов А.Е.* Иван Цветаев: История жизни. СПб., 2013. С. 100.

⁶ *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 3. М., 2010. С. 122.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ В письме живописцу В.Д. Поленову из Нерви от 27 февраля 1903 года. См.: *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 421.

(1827)⁹, «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829)¹⁰ и другие. Связывает пушкинские строки с эпизодами из своей жизни, жизни своих родственников и знакомых. Объясняя меценату, почему он не решается покупать гипсовый слепок со скульптуры библейского пророка («Иоанн Креститель» Донателло), Иван Владимирович указывает в качестве причины несоответствие оригинала с пушкинским образом: «...не видится ни увлечения, ни той силы проповеди, которой Предтеча «жег сердца людей» (прямая отсылка к стихотворению «Пророк» (1828), а скорее слышится как бы тихая брань или ворчание человека рассерженного и недовольного; этот Иоанн Креститель давно внушал мне и в слепках и в фотографиях только тяжелое чувство, вместе с желанием отвести от него глаза в сторону или отойти»¹¹.

Проанализировав корпус пушкинских цитат в рукописях Цветаева, мы приходим к выводу, что профессор в своих литературных предпочтениях ориентировался на канон, хрестоматийные, «сильные» тексты. Так и с отбором слепков для строящегося музея: преимущество отдавалось копиям с безусловных шедевров, не противоречащих художественной традиции. В этом принципиальное отличие профессора от его дочери-поэта. Для текстов Марины Цветаевой был важен весь Пушкин, начиная с его ранних стихов, пушкинские письма, историко-критические труды, черновики и варианты.

Биограф А.Е. Смирнов, рассуждая о читательской стратегии Цветаева, невольно переходит на риторику, задавая вопросы, на которые нельзя дать ответа, так как дело касается литературных вкусов профессора, его субъективных предпочтений: «Иван Владимирович... чтит поэзию, однако без экзальтации и «локально»: он ориентировался на русских поэтов первого ряда... но разве этого достаточно? Разве поэзия сводится к нескольким именам и одной стране? ...Марии Александровне справедливо казалось, что и к искусству в целом муж подходит не как художник, а как ученый... он ценит... в поэзии — удачно выраженную мысль, красноречивый риторический оборот»¹².

⁹ *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 4. М., 2011. С. 231.

¹⁰ Там же. Т. 1. М., 2008. С. 312.

¹¹ Там же. Т. 2. М., 2010. С. 190. Еще одна цитата из «Пророка» обнаруживается в другом письме: *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 3. М., 2010. С. 112.

¹² *Смирнов А.Е.* Иван Цветаев: История жизни. С. 99–100.

Не следует при этом считать, что Иван Владимирович был поверхностно знаком с творчеством Пушкина. Так, со многими лицейскими стихами поэта директор Цветаев работал еще до их опубликования пушкинистом Валерием Брюсовым¹³, завсегдаем Румянцевского музея.

Разумеется, профессор не занимался пушкинистикой как академической наукой¹⁴. Мы можем говорить лишь о «жизненном пушкинианстве»¹⁵ И.В. Цветаева — в том смысле, который вкладывала в это понятие Ирина Ароновна Паперно. Профессор был пушкинианцем, то есть принял поэта за образец¹⁶, связывал с пушкинским именем титул «первого» писателя¹⁷, ориентировался на Пушкина в бытовом поведении¹⁸, проецировал обстоятельства собственной жизни на Пушкина¹⁹, etc.

Сталкиваясь со всем, что связано с именем великого поэта, Иван Владимирович и Мария Александровна не скупилась в присутствии своих детей на прямые восторженные оценки. Характерно появление в этом контексте слов «священный»²⁰ и «восхищение»²¹ в прозе «Мой Пушкин»: визит Александра Александровича Пушкина в дом Цветаевых, произошедший накануне 100-летнего юбилея поэта, рассматривался обоими родителями как нечто драгоценное, сакральное. Дочь получает от родителей приказ «смотреть и помнить»²². Такое же наставление они давали ей в присутствии царя и Иоанна Кронштадтского. Эти трое — сын Пушкина, государь и христианский подвижник, как пишет

¹³ *Брюсов В.Я.* Лицейские стихи Пушкина. К критике текста. По рукописям Московского Румянцевского музея и другим источникам. М., 1907.

¹⁴ Мы различаем академическое литературоведение (пушкинистику) и пушкиниану (опыты осмысления Пушкина, далекие от «точной науки») в ключе теоретических исследований З.Г. Минц: *Минц З.Г.* У истоков «символистского Пушкина» // З.Г. Минц. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 146–149.

¹⁵ *Паперно И.* Пушкин в жизни человека Серебряного века // Современное американское пушкиноведение. СПб., 1999. С. 52–68. Понятие «жизненного пушкинианства» раскрыто в главке «Жизненная практика».

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 55.

¹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 56.

²⁰ *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 64.

²¹ Там же. С. 57.

²² Там же. С. 64.

Цветаева о степени восхищения ими родителей, «относились не к человеку, а к священным предметам»²³.

Работая директором Румянцевского музея (с 1901 по 1910 год), профессор Цветаев был хранителем части пушкинских рукописей. А.А. Пушкин передал в музей коллекцию писем к своему отцу, полученных от разных лиц, для чего неоднократно встречался с профессором. Некоторые из этих — прежде неизвестных — текстов были впервые задействованы в «венгеровском» издании собрания сочинений Пушкина (первый том вышел в 1907 году, Иван Владимирович не дожил трех лет до выхода последнего тома). После смерти профессора его библиотека (вместе с первыми пятью томами собрания сочинений Пушкина под редакцией Венгерова) была передана городу²⁴. Примечательно, что в 1915 году, в момент выхода заключительного, шестого тома, Цветаева купила полный «венгеровский» многотомник и подарила его своему мужу²⁵.

Обратимся к истории с бюстами Пушкина из дома профессора и квартиры его дочери. В науке о Цветаевой этот сюжет еще не рассматривался. Для его реконструкции устроим «очную ставку»²⁶ свидетельств Бориса Зайцева, самой Цветаевой и Ариадны Эфрон. В книге «Далекое» (1965) Борис Зайцев среди прочего пишет: «Но вот Марина уже повзрослевшая, уже замужем за Эфроном... уже у нее дочь Аля. ...Подарила мне бюст Пушкина, отцовский еще, огромный. Он стоял на моем шкафу... Пушкин этот... белыми гипсовыми глазами смотрел... со шкафа»²⁷.

²³ *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 64.

²⁴ Марина Цветаева утверждала, что книги были переданы в Румянцевский музей: *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М., 1994. С. 621.

²⁵ Мы уже писали о подчеркнутом интересе Марины Цветаевой к пушкинским собраниям сочинений. Здесь ограничимся утверждением, что это читательское предпочтение формировалось в том числе под влиянием ее отца и его домашней библиотеки. См.: *Егоров А.А.* Пушкин из библиотеки «юной бабушки»: Марина Цветаева — наследница и теще книг Марии Бернацкой // Михайловская пушкиниана. Вып. 99. Сельцо Михайловское, 2023. С. 73–83.

²⁶ Выражение М. Цветаевой. См., напр.: *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 518.

²⁷ *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М., 1999. С. 241.

В текстах дочери профессора Цветаева, а именно — в поэме «Чародей» 1914 года, конкретизировано, какие именно скульптуры находились в домашнем кабинете Ивана Владимировича (Трехпрудный переулок, дом 8). Названы копии статуи Зевса и бюста Аполлона. (Разумеется, бюстов и слепков со статуй в комнате профессора могло быть и больше.) Соединение только этих свидетельств само по себе примечательно: изваяния античных богов и бюст Пушкина в одном кабинете! Вспомним описание комнаты отца из поэмы «Чародей»:

Под вальс невинный, вальс старинный
(...)
Вплываем в царство белых статуй
И старых книг.
(...)
Спит Зевс, тот непонятный дед,
Которым нас пугали в детстве,
Что — людоед.
Как переполненные соты —
Ряд книжных полок.
(...)
Цвет Греции и слава Рима, —
Неисчислимые тома!
(...)
Последним солнцем розовея,
Распахнутый лежит Платон...
Бюст Аполлона — план Музея —
И всё — как сон²⁸.

Бюст Пушкина, «отцовский еще, огромный», Цветаева подарила Зайцеву, очевидно, после смерти Ивана Владимировича и раздела профессорского имущества между наследниками, много позже того, как съехала с родительской квартиры и поселилась вместе с мужем в Борисоглебском переулке. В двухэтажной квартире Эфронов, как известно, невысокие потолки и сравнительно небольшие комнаты (за исключением детской). В камерной гостиной-столовой или, скажем,

²⁸ *Цветаева М.И.* Чародей // М.И. Цветаева. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3. Поэмы. Драматические произведения. М., 1994. С. 13.

в крохотной спальне Цветаевой огромный бюст мог стоять разве что на полу²⁹. Дочь Цветаевой Ариадна помнит, что ее матерью был приобретен другой бюст Пушкина, небольшого размера, установленный в той же квартире на Борисоглебском, на узкой, вытянутой каминной полке: «Дом, в котором проходили мамины молодые и мои детские годы, уцелел и поныне. Это — двухэтажный с улицы и трехэтажный со двора старый дом номер 6 по Борисоглебскому переулку, недалеко от Арбата... В столовой был большой круглый стол — прямо под фонарем; камин, на котором стояли два лисьих чучела... бронзовый верблюд-часы и бюст Пушкина»³⁰.

Из соединения трех свидетельств выстраивается целый сюжет: статуи богов и бюст Пушкина в отцовском кабинете (Трехпрудный переулок); перевоз в 1914 году³¹ гигантского бюста в квартиру на Борисоглебском, хранение его на полу или в каком-то другом «неподобающем» месте; дарение бюста Зайцеву, который ставит вещь на подходящее для этого возвышение; покупка и установка небольшого бюста Пушкина в гостиной, на камине, — очевидно, в память об отце.

Теперь, когда «очная ставка фактов» произведена, мы вооружены новым знанием и лучше понимаем рассуждение Цветаевой из прозы «Мой Пушкин» о «белизне... домашних богов» (2-я главка): «У тех глаза были совсем белые, а у Памятник-Пушкина — совсем черные... наших богов иногда, хоть редко, но переставляли. наших богов, под Рождество или под Пасху, тряпкой обмахивали»³². С «черноглазым» Пушкиным всё ясно, речь о знаменитом уличном памятнике работы А.М. Опекушина. А про «домашних богов» мы теперь знаем кое-что новое: в доме профессора Цветаева — это личное собрание скульптуры, включая бюст Пушкина. В квартире на Борисоглебском у Цветаевой будут те же «домашние боги», что были и в кабинете отца (только — небольшого размера): слепок с античной скульптуры в спальне-комнате (голова раненой амазонки) и бюст Пушкина в гостиной.

²⁹ В этом легко убедиться, посетив квартиру лично (Дом-музей Марины Цветаевой: Москва, Борисоглебский переулок, дом 6, строение 1).

³⁰ Эфрон А.С. История жизни, история души. В 3 т. Т. 3. Воспоминания, проза, стихотворения, устные рассказы, переводы. М., 2008.

³¹ М. Цветаева, С. Эфрон и их дочь Ариадна переехали в новую квартиру в сентябре 1914 года.

³² Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 61.

Из дневников Цветаева и его писем меценату Юрию Степановичу Нечаеву-Мальцову мы узнаем о неосуществленном замысле профессора — «Палате русской славы»³³. В бумагах Ивана Владимировича это музейное пространство называлось по-разному: в подавляющем числе случаев — «палатой» (начиная с первого упоминания 13 марта 1898 года); реже — «залом», совсем редко — «пантеоном» и «чертогом». Пантеон должен был стать частью строившегося Музея изящных искусств имени императора Александра III³⁴. Зал славы не входил в первоначальный план и поэтому требовал согласования. В начале весны 1898 года Николай II в присутствии профессора поддержал идею особого отделения в музее, в котором будут установлены скульптурные изображения главных талантов Отечества. Пояснение Ивана Владимировича: «Статуи будут назначаться только гениям и людям, проложившим новые пути; до сих пор мы не насчитаем более 5–6, да и в будущем их будет очень немного, так что если приготовить место для 30 статуй, то этого хватит на 300 лет, если не более»³⁵. И первый, кого Цветаев удостоил чести стоять в пантеоне, — Пушкин. Из дневника профессора мы узнаем, что публикация указа Николая II «Об учреждении «Чертога русской славы» в Музее изящных искусств имени Александра III» планировалась на 26 мая 1899 года, в день столетия поэта³⁶. Непосредственно в юбилейный день о зале русских гениев должен был узнать правительствующий Сенат. Как известно, замысел профессора не осуществился. (Очевидно, сыграла роль целая череда отвлекающих обстоятельств — крупный пожар в строящемся музее в конце 1904 года, погубивший 175 ящиков с гипсами³⁷; увольнение И.В. Цветаева в 1910 году с должности директора Румянцевского музея, предшествовавший этому скандал и угроза судебного преследования; публичное самооправдание — издание

³³ *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 1. М., 2008. С. 450.

³⁴ Современное название — Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (ГМИИ имени А.С. Пушкина, Пушкинский музей).

³⁵ Там же. С. 100.

³⁶ Там же. С. 386. В год юбилея Пушкина состоялась и торжественная закладка музея.

³⁷ *Смирнов А.Е.* Иван Цветаев: История жизни. С. 210.

в 1911 году книги «Спорные вопросы. Опыт самозащиты»³⁸; etc.) Чертог почета не был создан. На месте «Палаты русской славы» сейчас располагается «Белый зал» (или «Центральный зал»)³⁹. Однако примечателен сам замысел: в 1912 году в открывавшемся тогда музее должны были быть выставлены не только слепки изваяний античных богов, героев и величайших мыслителей древности, но еще и статуя Пушкина.

Обратим внимание на сходство двух реконструированных нами сюжетов: бюсты Пушкина, Зевса и Аполлона в домашнем кабинете профессора — и статуя Пушкина в музее слепков с античных скульптур. Замеченная нами «рифма» в принципах отбора скульптурных предметов подчеркивает исключительное значение великого русского поэта для прославленного подвижника музейного дела, особенно если помнить, что Иван Владимирович преподавал в Московском университете не XIX век русской культуры, а латынь, историю античной литературы и дисциплину, известную под названием «Древности», посвященную быту жителей Древнего Рима.

Заметим, что идея Цветаева о создании «Палаты славы» претерпела определенную эволюцию. Из письма профессора Нечаеву-Мальцову от 12–16 марта 1898 года мы узнаем, что 13-го числа Николай II познакомился с планом будущего музея⁴⁰ и поинтересовался, в каком месте здания будет расположена статуя Александра III. Иван Владимирович предложил назвать желанное для государя пространство Залом славы: «Это может [быть] как бы Пантеон русской славы в области высшей культуры. Здесь же вокруг статуи Императора Александра Александро-

³⁸ Смирнов А.Е. Иван Цветаев: История жизни. С. 329.

³⁹ Используется для временных выставок, торжественных мероприятий и музыкальных концертов. Так, в 1992 году там прошла выставка к 100-летию М. Цветаевой. Из воспоминаний Е.Б. Коркиной: «Белый зал задумывался как Зал Славы, в котором должны были быть помещены мраморные и бронзовые портреты людей, чьи дела и подвиги составили славу России. И никто тогда и вообразить не мог случившегося через восемьдесят лет после открытия Музея — что в созданном Иваном Владимировичем Цветаевым Музее, ставшем одной из великих достопримечательностей Москвы, в Белом зале славы будут чествовать столетний юбилей его дочери, великого русского поэта Марины Цветаевой» (Коркина Е.Б. О нашем Архиве былых времен. ЦГАЛИ СССР в 1970–1990-е годы // Отечественные архивы. 2023. № 5. С. 118).

⁴⁰ План музея упоминает и Марина Цветаева в своей первой поэме: *Цветаева М.И. Чародей* // М.И. Цветаева. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3. Поэмы. Драматические произведения. М., 1994. С. 13.

*Музей изящных искусств имени Александра III. Белый зал. 1912 год.
Фото К. Фишера. Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина*

вича будут поставлены бюсты главных благотворителей Музея... Эта мысль встретила сочувствие и одобрение Государя»⁴¹.

Помня о том, какое большое место занимает опекушинский памятник А.С. Пушкину 1880 года в автобиографической прозе Марины, Анастасии и Валерии Цветаевых⁴², важно указать на выбор Иваном Владимировичем скульптора, которому предстояла работа над наполнением «Палаты славы». Профессор остановился на Александре Михайловиче Опекушине. В апреле 1911 года знаменитый ваятель написал своему заказчику: «Сегодня возвратился из Варшавы и прочел Ваше милое письмо, глубокоуважаемый Иван Владимирович, и спешу ответить: Вы, вероятно, помните, при личном нашем свидании в Академии художеств я дал Вам категорическое обещание, что статуя Александра III для Вашего музея к августу сего года будет мною изготовлена. Повторяя обещание, прошу верить в искренность моего желания сделать Вам приятное. Глубоко уважающий и искренно преданный Вам А. Опекушин»⁴³. Пожилой скульптор не завершит работу, однако его же «Александр III» будет установлен в другом месте Москвы — вблизи храма Христа Спасителя. Опекушинский памятник представят публике в том же 1912-м, в год открытия музея. Напомним, что Марина Цветаева, трижды упоминающая имя скульптора и более двадцати раз его пушкинский памятник в прозе «Мой Пушкин» (1937), после смерти матери (1906) помогала отцу с перепиской, в которой решались насущные вопросы строившегося музея. К 1911 году, когда профессор и скульптор наладили тесный профессиональный контакт, у Цветаевой уже была издана первая книга стихов «Вечерний альбом», активно велась работа над следующей — сборником «Волшебный фонарь». Сложно представить, что помощница профессора могла быть в неведении о прямых партнерских связях отца с Опекушиным, деловых встречах и совместном заседании последних в присутствии царских особ.

В письме Нечаеву-Мальцову от 29 декабря Цветаев вновь рассуждает об особом зале, называя его «Палатой славы русских художников,

⁴¹ *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 1. М., 2008. С. 88.

⁴² Общий мотив в воспоминаниях сестер Цветаевых — мемуаристки указывают на связь своих первых детских воспоминаний с семейными прогулками у памятника А.М. Опекушина.

⁴³ См.: *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 4. М., 2011. С. 230.

литераторов и ученых»⁴⁴. Совместно со своим тестем Александром Даниловичем Мейном, бабушкой Марины Цветаевой, Иван Владимирович завершает работу над рукописью проекта «Положение о Палате Славы русской науки, литературы и искусств, учреждаемой при Императорском Московском университете» (1898–1899)⁴⁵. Очевидно, что первоначально обсуждаемое отделение музея предполагало размещение статуй и бюстов довольно широкого круга лиц. Более того, отец и дедушка Марины Цветаевой рассматривали вариант «масштабирования» замысла, включения в Пантеон не одних лишь русских гениев. Так, в своем дневнике профессор оставил запись о планах поместить в Зал славы скульптуру Сократа⁴⁶.

Постепенно Иван Владимирович пришел к пониманию необходимости более строгого отбора предполагаемых претендентов для будущей Палаты — «Палаты славы русских людей»⁴⁷. Предпочитает писать о литераторах⁴⁸. Прямо называет лишь одного из них — Пушкина. То обстоятельство, что кроме величайшего русского поэта Иван Владимирович не может предложить ни одного другого претендента из числа писателей, — еще одно свидетельство исключительного пиетета к Пушкину, которым, как мы постарались показать, профессор последовательно отличался.

Сквозной сюжет рассказов Цветаевой о своем детстве, проговариваемый, но не акцентируемый — культ Пушкина в ее семье. Открытое восхищение Ивана Владимировича великим предшественником не могло не сказаться на предпочтениях и оценках его дочери Марины. Так, в детстве Цветаева комплиментарна ко всем произведениям Пушкина, включая роман «Евгений Онегин», отношение к которому в будущем усложнится. При этом Цветаев не был пушкинистом, он — «пушкинианец», знаток и убежденный ценитель пушкинского наследия. Три его дочери, включая автора «Моего Пушкина», также не писали строгие

⁴⁴ *Цветаев И.В., Нечаев-Мальцов Ю.С.* Переписка. 1897–1912. В 4 т. Т. 1. М., 2008. С. 102.

⁴⁵ Там же. С. 371.

⁴⁶ Там же. С. 388.

⁴⁷ Там же. С. 392.

⁴⁸ Там же. С. 99.

ученые труды о величайшем русском поэте. В автобиографической прозе Цветаевой царит пиетет к гениальному предшественнику, рассказывается о личных связях и контактах членов семьи с его потомками и ревнителями, о путешествиях по пушкинским местам, сообщается об изданиях произведений Пушкина, личном опыте их прочтения, etc. Всё перечисленное находит точки соприкосновения Цветаевой с ее отцом и его «пушкинианством».

«ВСЯКИЙ ТАЛАНТ НЕИЗЪЯСНИМ».
Н.Ф. ОКУЛИЧ-КАЗАРИН.
К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Несколько лет тому назад с этой же трибуны я выступала с докладом¹ о необходимости консерватизма в деятельности современного музея. Это отражает мою уверенность в том, что основой музейной работы должно быть как сохранение, так и продолжение традиций предшественников. Именно создатели псковских дореволюционных музеев Псковского археологического общества (ПАО)² и Псковского церковного историко-археологического комитета (ПЦИАК)³ заложили фундаментальные основы и направления деятельности музеев как системы коллекционирования, описания, изучения и популяризации собраний. С самого начала это было уделом людей бескорыстных. Первые собиратели коллекций — это члены Псковского статистического комитета, труд которых в соответствии с Указом от 1835 года⁴ не оплачивался⁵. Однако уже в 1869 году на одном из заседаний Псковского статистического комитета обсуждался вопрос о создании музея, что стало актуальным из-за большого количества собранного материала. Правила для будущего музея составлял И.И. Василев⁶. Затем по его

¹ *Васильева О.А.* «В дни мрачных бурь, дни горьких искушений» необходим музейный консерватизм // Михайловская пушкиниана. Вып. 64. Сельцо Михайловское, 2015. С. 117–123.

² Музей Псковского археологического комитета, открыт в 1902 году в Поганкиных палатах Пскова.

³ См.: *Медникова Т.В.* Музей Псковского церковного историко-археологического комитета // Псковiana: сайт [Электронный ресурс: <http://pskoviana.ru/istoriya/istoriya-pskovskoj-oblasti/1112-mednikova-t-v-muzej-pskovskogo-tserkovnogo-istoriko-arkheologicheskogo-komiteta>].

⁴ 28 января 1835 года принят Указ Правительствующего сената об организации губернских статистических комитетов.

⁵ На содержание личного состава Губернского статистического комитета и на хозяйственные расходы Министерство внутренних дел ежегодно назначало определенные суммы, что включало расходы на жалование секретарю, писцам, сторожа.

⁶ Иван Иванович Василев (1836–1901) родился в городе Пскове, после окончания обучения в Псковской, Рижской семинариях, затем в Московской ду-

предложению в 1871 году была создана при комитете особая археологическая комиссия. Именно она возглавила «как разработку местных исторических памятников, так и заботы по устройству, собиранию и хранению древностей»⁷. В этом же направлении шла работа «Общества собирателей древностей в Пскове», которую возглавлял К.Г. Евлентьев⁸ — на которого возложили обязанности хранителя археологического музея. Константином Григорьевичем впервые Поганкины палаты были выбраны как наиболее подходящее здание для будущего музея. Им же сформулированы принципы комплектования, учета и хранения фондов, а именно по коллекциям: икон, сосудов, богослужебных книг, рукописей, монет, медалей, оружия и т. д. Тогда же как обязательное ввели условие сохранения фамилий дарителей, что по сей день позволяет уточнять истории бытования, например, книги Поганкина, подаренной М.И. Кунинским⁹, или литографий И.С. Иванова, переданных (?) Бутовым¹⁰. Важно, что называющие себя любителями древностей ставили вопросы именно научной систематизации и хранения предметов, что неоднократно заставляло псковских собирателей обращаться за консультациями к профессорам Петербургского университета, Императорской академии художеств, сотрудникам Эрмитажа и Артиллерийского музея. До размещения псковской коллекции в здании Поганкиных палат в 1902 году, что тесно связано с семьей Фандер-Флитов¹¹, музейные помещения находились в Дворянском доме

ховной академии стал преподавателем Псковской духовной семинарии. В 1863 году был назначен секретарем Статистического комитета, при котором впоследствии была создана Археологическая комиссия.

⁷ См., например: *Медников М.М.* Псковская археологическая комиссия. К истории создания // Псков. 2004. № 21. С. 19–27.

⁸ Константин Григорьевич Евлентьев (1824–1885) переехал в Псков в 1867 году. Занимал должность архивариуса Псковского окружного суда. Активный член Статистического комитета и Археологической комиссии. Возобновил работу Псковской публичной библиотеки, автор «Археологической записки о Поганкиных палатах».

⁹ М.И. Кунинский — старший соборный протоиерей, собиратель древностей, в том числе нумизматики.

¹⁰ Бутов (?) — поставщик императорских охот, подарил пять литографий 1833 года, выполненных землемером И.С. Ивановым, и изданные архимандритом Венедиктом виды Псково-Печерского монастыря, Изборска, архиерейского загородного дома, Святогорского монастыря и селца Михайловского.

¹¹ Николай Федорович оставил состояние, которое по завещанию его вдова

*Н.Ф. Окулич-Казарин. 1916 год.
Фотография из архива Т.В. и М.М. Медниковых. Публикуется впервые*

и комнатах Статистического комитета присутственных мест Пскова. Принципиально, что до всех перемещений фондов музея Г.С. Лошакову, С.В. Кохомскому и Д.Ю. Стопневичу было поручено составление систематических музейных описей. Таким образом, очевидно, что в Пскове активно и профессионально работало музейное сообщество любителей старины, куда органично в 1906 году входит такой же любитель, как большинство его псковских сотоварищей, — Николай Фомич Окулич-Казарин. Однако его профессиональная деятельность офицера-артиллериста и юриста была еще более далека от музейной практики, нежели занятия преподавателя семинарии И.И. Василева, архивариуса суда К.Г. Евлентьева или воспитателя кадетского корпуса Ф.А. Ушакова¹².

Николай Фомич Окулич-Казарин происходил из семьи кадрового военного. Его отец, из потомственных дворян Витебской губернии, получил звание подполковника, вышел в отставку и сына определил в Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус. После окончания учебы в кадетях, Казарин поступает в Первое военное Павловское училище, и в 1867 году его назначают прапорщиком в 8-й гренадерский Московский Великого герцога Фридриха Мекленбургского полк. Служба прапорщика началась в артиллерии. Он служит в Кронштадтской береговой артиллерии, затем в управлении Кронштадтской крепостной артиллерии. В 1875 году Николая Фомича производят в штабс-капитаны и в следующем 1876 году переводят на юг, где в Николаевской крепостной артиллерии его назначают командиром роты. Затем роту переводят в Одесские береговые батареи, и там (в 1878 году) Окулича-Казарина производят в капитаны. После того как Н.Ф. Окулич-Казарин несколько месяцев пробыл в Болгарии и городе Королевиц Черниговской губернии, его командируют в Санкт-Петербург для сдачи экзаменов в Военно-юридическую академию (1880 год), которую он заканчивает в чине подполковника в 884 году. С этого года началась служба Окулича-Казарина в Прокурорском над-

Елизавета Карловна должна была потратить на нужды музея и художественно-промышленной школы, что она выполнила и пожертвовала на ремонт здания и устройство музея 20 000 рублей.

¹² Федор Алексеевич Ушаков (1850–1914), с 1895 года — член Псковского археологического общества. Служил в Псковском кадетском корпусе на должности воспитателя, ушел в отставку в чине генерал-майора. В 1906 году уезжает в Петербург, и должность хранителя музея занимает Н.Ф. Окулич-Казарин.

зоре Петербургского военно-окружного суда на должности военного следователя и затем помощника военного прокурора¹³. С должности следователя в чине генерал-лейтенанта он уходит в отставку¹⁴.

Очевидно, что военное образование артиллериста, отточенную на воинской службе исполнительность, умение подчинять свои желания должностным обязанностям Окулич-Казарин использует в своей практике краеведа, как и воспитанную судебной службой безукоризненную аккуратность при составлении документов. И сама личность Николая Фомича, и его образованность сразу произвели должное впечатление на членов Археологического общества, так что в 1906 году он становится его членом, затем секретарем, товарищем председателя и хранителем музея, что предполагало современную функцию директора.

Вероятно, большое значение для успехов в деятельности по изучению псковской истории, ее памятников имели те качества личности, которые проявились уже в его юности. В дневниках Казарина — воспитанника кадетского училища наряду с записями, посвященными учебе, более чем на двадцати страницах — тексты песен. В последующих дневниковых заметках¹⁵ о путешествии по Италии (уже с супругой¹⁶) автор раскрывает свои широкие познания по истории архитектуры, живописи Возрождения, фиксирует интересные наблюдения и собственные мнения. Они побывали в Риме, Флоренции, Болонье, Венеции, и каждому из этих городов посвящен короткий, но яркий текст.

Надо отметить, что Николай Фомич много путешествовал с юных лет. Он родился в Перми, затем переезжает для учебы в Новгород и Петербург, потом при прохождении службы живет в Москве, Кронштадте, Одессе, городах Болгарии, Королевице. Под конец своей карьеры он переезжает из Финляндии в Грузию, Тифлис. Вероятно, в каждый приезд в эти замечательные исторические места у него возникала необходимость в кратком путеводителе — книге, которая собрала бы вместе пояснения о самых важных достопримечательностях.

¹³ После Петербурга служил в Финляндии в должности следователя Финляндского округа и в Грузии.

¹⁴ Имел награды: орден Станислава II и III степени, Святой Анны II и III степени, бронзовую медаль в память войны 1877–1878 годов.

¹⁵ Дневник Н.Ф. Окулича-Казарина (сохранилась часть, с. 161–326) хранится в Псковском музее. Не издан.

¹⁶ Николай Фомич был женат на дочери надворного советника Елене Степановне Космовской.

Возможно, поэтому один из основных и первых результатов изучения Пскова Окуличем-Казариным — его путеводитель по древнему городу¹⁷. Путеводитель одновременно обобщил уже изданные материалы по истории псковских храмов¹⁸ и систематизировал много новых сведений. Первое издание включало 61 фотографию О.И. Парли и четыре плана, один из которых — губернского Пскова. Выход книги был приурочен к началу работы в 1911 году XV Археологического съезда, проходившего в Новгороде. Окулич-Казарин буквально открыл самим псковичам древний Псков и его замечательную историю. Многие современные венетианцы или римляне далеко не всегда ощущают древность своих городов и восхищаются ею; могу предположить, что так же было и с жителями Пскова. Но уже в 1913 году печатается второе издание «Спутника», что свидетельствует о большой популярности книги¹⁹.

Большое значение этот труд имеет для атрибуции и истории памятников, хранящихся в музее Пскова. Во время Великой Отечественной войны большая часть псковской коллекции была вывезена фашистами. О возвращенных в 1947 и 1955 годах в Псков после Победы предметах не сохранилось никаких сведений, так как довоенные книги поступлений (КП) были утрачены. Но на возвращенных иконах, на их тыльной стороне стояли латинские буквы и номера. Эти немецкие шифры фиксировали, из каких церквей вывозились немцами иконы. Однако это не всегда отражало происхождение памятника, так как они были сконцентрированы в нескольких храмах, откуда отправлялись в Германию. Соединенные с немецкой шифровкой²⁰ детальные описания икон из «Спутника» Окулича-Казарина — с размерами, расположением в храмах и их характеристиками — позволяют связать несколько отдельных икон, а также праздничные, деисусные и пророческие ряды иконостасов с конкретными храмами. Его наблюдательность и пунктуальность в описаниях, например, помогли буквально «с одного предложения»

¹⁷ Спутник по древнему Пскову. Любителям родной старины. Псков, 1911; 1913.

¹⁸ Труды Н.С. Ильинского, митрополита Евгения (Болховитинова), А.С. Князева, И.Ф. Годовикова, К.Г. Евлентьева, И.И. Василева, Ф.А. Ушакова и других.

¹⁹ Издание опубликовано к началу работы XVI Археологического съезда, который должен был состояться в Пскове в 1913 году.

²⁰ Как правило, это буквенная аббревиатура, которая включает буквы Р1 (Псков) — W/T/P (название церкви) — арабские цифры (например, PL-P-143).

определить происхождение икон церкви Дмитрия Мироточивого²¹: автор указал, что «весь второй ярус иконостаса имеет особенность, что в нем апостолы соединены с праздниками»²².

Более того, Николай Фомич при стилистических характеристиках иконописных памятников использует термин «письма», но не школы. Несколько оппонентов критикуют автора за это. Николай Фомич, отстаивая свою правоту, пишет: «Что же касается допущенного мною деления на Новгородские, Московские, Строгановские и проч. письма (но не школы), то я никак не могу признать его устарелым, ибо оно и до сих пор остается общепринятым и проведено, например, в каталоге древнерусского искусства в Москве 1913 года, в составлении коего участвовали такие бесспорные знатоки нашей иконописи, как С.П. Рябушинский, А.А. Тюлин и П.П. Муратов»²³. Прошло более 100 лет после написания этих строк — и всё большее число исследователей соглашаются с тем, что термин «школа» не отражает особенности православного иконописания средневековой Руси.

Не меньшую актуальность по настоящий день имеют исследования Окулича-Казарина для археологов, архивистов и археографов; подробно об этом — в статьях сборника, посвященного 150-летию Н.Ф. Окулича-Казарина²⁴. Одновременно необходимо отметить не менее значительный труд Николая Фомича по составлению каталога музея Псковского археологического общества, вышедшего в 1908 году²⁵. Одна из особенностей издания — это уважительное отношение к своим предшественникам и коллегам по изучению древностей. Автор не только перечисляет заслуги И.И. Василева, Н.Ф. Фан-дер-Флита, М.А. Назимова, Е.К. Фан-дер-Флит, помещает их портреты, но дает емкие характеристики каждому из них. Таким образом, из предисловия к изданию становится понятно, что музей и его разнообразные коллекции стали результатом всесторонней и многолетней деятельности большого коллектива любителей старины.

²¹ Иконы хранятся в Псковском музее под номерами КП1393; 1363–1370; 1576–1578.

²² Спутник по древнему Пскову. Любителям родной старины. Изд. 3-е. Псков, 2001. С. 230.

²³ Там же. С. 6.

²⁴ Псковский краевед Н.Ф. Окулич-Казарин. Псков, 2001.

²⁵ *Окулич-Казарин Н.Ф.* Путеводитель по музею Псковского археологического общества: с четырьмя портретами и видом Поганкиных палат. Псков, 1908.

Иконы из церкви святого Дмитрия Солунского историко-архитектурный и художественный

(Мироточивого) (Псков). XVI век. Псковский государственный объединенный музей-заповедник. КП 1393; 1363–1370; 1576–1578

Описание музейного собрания, выполненное Окуличем-Казариным, отвечает строгим требованиям современного министерского регламента, так как включает все необходимые каталожные положения: название, автора, размеры, способ поступления, происхождение. Подобная научная основа путеводителя получила и у современников высокую оценку. Профессор Петербургского университета А.И. Яцимирский писал: «Очень немногие из столичных музеев имеют такие же толковые и обстоятельные путеводители, как Псковский музей... (путеводитель) может послужить образцом для подобного рода указателей»²⁶.

Достаточно вспомнить описание (с. 157) портрета графа П.Х. Витгенштейна²⁷, чтобы эти слова не показались отражением снисходительного отношения столичного ученого к любителю-провинциалу. Этот портрет был во время Великой Отечественной войны вывезен и вернулся в Псков без номера книги поступлений (КП). Идентифицировать портрет легко удалось по сведениям, которые приводит Окулич-Казарин в путеводителе, и этот пример не единственный. Аналогичные ситуации характерны для нумизматической коллекции, собраний археологии и рукописей. После революционных событий 1917 года, по свидетельству очевидцев, в музей поступали предметы быта, картины, книги из брошенных владельцами усадеб. Эти поступления не отражены в содержании печатных работ Окулича-Казарина, но известно, что он систематически вел дневники, к сожалению, утраченные.

Должность руководителя музея в дореволюционный период, как правило, называлась «хранитель» или «главный хранитель», подобно тому, как в Эрмитаже, что, вероятно, больше отвечает задачам музейной деятельности. В этом качестве Николай Фомич проработал до 1919 года. За время его административной деятельности было выполнено очень много преобразований. В соответствии с финансовыми возможностями проводились ремонтные работы в здании Поганкиных палат, расчищались подвалы, осуществлялась технологическая подготовка к электрическому освещению помещений, приобретались новые витрины, которые были необходимы для реэкспозиции музея. Выставочные площади были увеличены и включали пять помещений, но их было совершенно недостаточно, так как во время службы Окулича-Казарина музей получил в дар более

²⁶ Путеводитель по музею Псковского археологического общества // Псковяна: сайт [Электронный ресурс: <http://pskoviana.ru/teksty/34-pskovskaya-kniga/2020-putevoditel-po-muzeyu-pskovskogo-arkheologicheskogo-obshchestva>].

²⁷ Хранится в Псковском музее. Номер КП 1128.

*Неизвестный художник. Портрет П.Х. Витгенштейна.
Псковский государственный объединенный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник. КП 1128*

*Н.Ф. Окулич-Казарин с супругой Еленой Степановной Космовской
1906–1916 годы. Псков. Дом на Губернской улице.
Фотография из архива Т.В. и М.М. Медниковых. Публикуется впервые*

*Н.Ф. Окулич-Казарин с супругой Еленой Степановной Космовской
1906–1916 годы. Псков. Дом на Губернской улице.
Фотография из архива Т.В. и М.М. Медниковых. Публикуется впервые*

200 произведений живописи, графики, скульптуры, фарфора, рукописей, монет²⁸. После смерти Ф.М. Плюшкина (умер в 1911 году) в 1914 году поступила часть его коллекции, которая хранилась не распакованной в 60 ящиках, 24 свертках из рогожи, плюс еще 17 предметов без упаковки²⁹. В этом же 1914 году освободил свои помещения в палатах сельскохозяйственный музей, что позволило значительно улучшить экспонирование собрания; этому способствовало и заработавшее электрическое освещение. Фонды музея насчитывали на тот момент более 2 500 памятников³⁰. Максимальное количество посетителей музей принял в 1911 году. Вероятно, многие из 9 076 человек, посетивших музей в этом году, пришли сюда, прочитав путеводитель Н.Ф. Окулича-Казарина — или услышав его пересказ.

Дом, в котором Николай Фомич жил с супругой на Губернаторской улице, сохранился (теперь улица Некрасова, 37). Благодаря стараниям членов Клуба псковских краеведов³¹ на доме открыта памятная доска. Но прожить до конца своих дней в любимом Пскове Окуличу-Казарину не позволила судьба — вернее, исторические катастрофы и болезнь. В смутное время его, больного, увозят лечиться в Эстонию, откуда он уже не вернулся и где был похоронен в 1923 году на кладбище города Обер-Палена.

Одна из любимых фраз Николая Фомича — «*Feci quod potui faciant meliora potentes*». Это латинское крылатое выражение переводится как «Я сделал [всё], что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше». Его употребляют, подводя итог своим достижениям и представляя на чей-либо суд свою работу. В год 175-летия со дня рождения и 105-й годовщины смерти этого замечательного человека, военного, юриста, историка с полным основанием можно утверждать, что он выдержал самый строгий и непредвзятый суд истории.

²⁸ Сенатор А.Н. Мицкевич передал: 52 картины, 13 мраморных скульптур, 18 предметов из фарфора, кости и бронзы. Профессор Московского университета И.А. Шляпкин передал 89 предметов: рукописи, печатные издания, монеты и картины.

²⁹ Без упаковки были предметы этнографии, фарфора, серебра, стекла, бронзы, монеты, которые, вероятно, ввели в экспозиции.

³⁰ История музея, воссозданная по архивным материалам, Псковским губернским ведомостям в статье З.П. Федоровой, см.: Псков. 1997. № 7 [Электронный ресурс: <https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/psk07.html?ysclid=lsbjt11a8g391059324>].

³¹ При самом активном участии председателя Клуба краеведов М.М. Медникова.

МОРЯК, ПУШКИНИСТ, ПЕДАГОГ

*К столетию со дня рождения М.М. Баринова.
Повесть о М.М. Баринове и его теории «материальной
силы искусства в формировании боевого духа на войне»*

Рассказ о Марке Михайловиче Баринове начнем с его детства, поскольку именно в нем заложены ответы на вопросы о его характере и о его интересах. Марк Баринов, родившийся 6 января 1925 года в городе Баку, во всём был сын непростого своего времени.

Отец его — Михаил Васильевич Баринов родился в 1888 году, в Саратовской губернии в многодетной рабочей семье. В 1889 году семья переехала в город Баку. В 1910 году он окончил механический факультет Бакинского технического училища. Участвовал в революционной деятельности. В 1914 году М.В. Баринов переезжает в Потти, где работает заведующим ремесленным училищем, и там же знакомится со своей будущей женой Зинаидой Лехницкой, одной из дочерей директора Потийского мореходного училища, дворянина польского происхождения. Марк Михайлович иногда шутил, что в его генах идет классовая борьба...

После гражданской войны инженер-нефтяник М.В. Баринов участвует в создании нефтяной промышленности. В декабре 1933 года он стал начальником Главного управления нефтяной промышленности и членом Коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР.

Мать Баринова, обладавшая прекрасным меццо-сопрано, по окончании бакинской консерватории стала ведущей солисткой бакинской оперы. После переезда в столицу Зинаида Феофановна вошла в труппу Большого театра СССР. Оперная певица, в репертуаре которой была и партия графини из «Пиковой дамы», несомненно, оказала на своего сына большое культурно-воспитательное влияние. Позже, уже перед началом войны, старшеклассник Баринов посещал театральную студию уникального детского педагога Валерии Нольде¹. Студия своим репер-

¹ Валерия Михайловна Нольде (1911–1990) — племянница и литературный секретарь В.В. Вересаева. В 1942 году окончила Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. В 1948 году защитила кандидатскую диссертацию о творчестве Вересаева. Многие годы она с успехом вела театральные школьные студии.

туаром тяготела к пушкинской теме: Валерия Михайловна привлекала к работе в студии своего дядю, писателя-пушкиниста Викентия Викентьевича Вересаева, который иногда проводил занятия со студийцами².

Счастливое детство двенадцатилетнего Баринова закончилось поздним вечером 17 сентября 1937 года, когда его отца Михаила Васильевича арестовали и вскоре расстреляли. Ему было всего 49 лет...

Через неделю арестовали и мать Баринова, которую отправили в печально известный женский Карагандинский лагерь. Зинаида Феофановна восемь лет провела в Карлаге, затем еще десять лет в ссылке и только в 1956 году смогла вернуться в Москву. Отец Баринова в 1964 году был реабилитирован посмертно...

Заботы над осиротевшим Марком взяли на себя сестры матери. Летом 1941 года он окончил девятый класс средней школы № 29. Осенью его, как и других школьников, отправили рыть окопы под Москвой. Их отряд попал под бомбежку. Баринов получил контузию, от которой потом долго лечился³.

В декабре 1942 года М. Баринов поступил в Выборгское интендантское военно-морское училище, эвакуированное в Москву. Училище с трехлетним сроком обучения предназначалось для подготовки офицеров, назначаемых на должности начальников интендантских служб на кораблях и начальников отделений материально-технического обеспечения (МТО) в береговых частях. В сентябре 1944 года училище было возвращено в Выборг. Вскоре после возвращения в училище появилась своя типография и фундаментальная библиотека с неплохим фондом художественной литературы.

Что касается Марка Баринова, то поступил он в училище на базе девяти классов, без вступительных экзаменов. В тот год в училище было набрано две роты курсантов, разделенных на шесть групп. Во главе каждой учебной группы стоял старшина, назначаемый из курсантов. Старшиной 301-й группы первой роты был назначен М. Баринов.

Несмотря на очевидные трудности организации обучения курсантов в условиях военного времени, удивляет достаточно хороший его уро-

² Некоторые подробности о работе студии ученики М.М. Баринова узнали от Евгения Андреевича Зайончковского, бывшего студийца, мужа Валерии Нольде, в дальнейшем — директора музея В.В. Вересаева на Николиной Горе. Из неопубликованного письма И.Ю. Юрьевой от 09.11.2023 года (в архиве автора).

³ Там же.

вень. Кроме специальных тыловых дисциплин — шкиперское, топливное, вещевое и продовольственное снабжение, финансы, товароведение, банно-прачечное обслуживание, в училище преподавали дисциплины общего профиля: иностранный язык, техническую химию, основы политекономики, организацию партийно-политической работы в ВМФ, автотранспортное дело (с получением водительских прав шофера 3-го класса). В училище была прекрасно организована учебная дисциплина «Морская практика» — основа становления моряка, где курсанты учились вязать морские узлы, осваивали такелаж, изучали морской флажный семафор, греблю на шлюпках и хождение под парусом. Итогом подготовки будущих офицеров по этой дисциплине было получение ими удостоверения на право управления маломерным судном под парусом и веслами.

Во время обучения курсант Баринов был членом команды училища по гребно-парусному спорту, в качестве правого бакового гребца. Хорошо организованная морская практика возбудила в Баринове романтическое отношение и любовь к морю, к парусу; впоследствии из этого выросло увлечение яхтами, которое он пронес через всю свою жизнь.

31 августа 1945 года в Выборгском интендантском училище ВМФ состоялся первый послевоенный выпуск. Большая часть молодых офицеров, выпущенных из училища, была направлена на Тихоокеанский флот и в Амурскую флотилию, где еще продолжались бои с Японией, а флот по части кадров, особенно первичных офицерских должностей, имел большой некомплект. лейтенант интендантской службы М.М. Баринов был назначен на Тихоокеанский флот на должность начальника финансовой части 123-го Военно-морского госпиталя, дислоцированного в Советской Гавани⁴.

Вскоре М. Баринов был назначен заместителем командира по снабжению 137-й отдельной роты тыла 7-го флота. За годы, проведенные на Тихоокеанском флоте, у Баринова случилось еще несколько перемещений по службе, но это были всё первичные должности младшего офицерского состава; похоже, что такая служебная карьера особого удовлетворения творческой натуре Баринова не приносила. А вот Советская Гавань в период навигации очень красива — и удобна для хождения на шлюпках под веслами и парусом, чем офицер М. Баринов с увлечением и занимался.

⁴ После окончания Великой Отечественной войны Тихоокеанский флот административно был разделен на два флота. В Советской Гавани, куда для хождения службы прибыл М.М. Баринов, был образован 7-й флот.

В Советской Гавани Баринов женился на Ольге Николаевне Царевой, в браке с которой в 1948 году родилась дочь Ольга, а в 1950-м — сын Михаил. В середине 1950-х годов брак распался.

В 1951 году Баринов окончил вечернюю школу и получил аттестат о среднем образовании. Ко времени службы на Тихоокеанском флоте относится и первая проба пера М. Баринова. Во флотской газете «На страже Родины» в 1949 году появляется его первая небольшая заметка.

В конце 1953 года капитан интендантской службы М. Баринов был переведен на Балтику. Он был назначен начальником административно-хозяйственной части 657-го склада жидкого топлива 4-го флота⁵. В декабре 1956 года за безупречную службу Баринов был награжден орденом Красной Звезды.

В Балтийске состоялось знаменательное назначение Баринова на должность начальника шкиперско-хозяйственного отдела береговой базы 36-й дивизии торпедных катеров. В эти годы Баринов стал активно заниматься парусным спортом — гонками на яхтах в качестве яхтенного капитана.

Четыре с половиной года службы на Балтике были для М.М. Баринова очень насыщенными в творческом плане. В 1957 году он пишет приключенческую повесть о военных разведчиках «Вилла «Эдит», опубликованную в газете «Калининградский комсомолец». В 1958 году Калининградское книжное издательство издает повесть Баринова отдельной книгой тиражом 30 тысяч экземпляров. В том же году Калининградский драмтеатр ставит по книге Баринова спектакль, который более 300 раз с аншлагами шел на сцене десять сезонов. В 1970 году постановка была восстановлена, а в 2022-м драмтеатр снова обратился к теме этого спектакля. Премьера возрожденного спектакля под новым названием «Прусские ночи, или Вилла «Эдит» состоялась 7 мая 2022 года, и снова — аншлаг!

В 1958 году М.М. Баринов составляет сборник «Моряки-катерники Краснознаменной Балтики». В том же году Рижское издательство «Латгосиздат» издает этот хорошо иллюстрированный сборник тиражом 3 000 экземпляров.

В сборник были включены публикации военного времени из флотских многотиражек о подвигах катерников 1-го гвардейского дивизио-

⁵ В то время Балтийский флот тоже был разделен на два: 4-й, базирующийся в Балтийске, и 6-й, в Таллине.

на 1-й Краснознаменной ордена Нахимова бригады торпедных катеров Краснознаменного Балтийского флота, в рядах которой сражались одиннадцать Героев Советского Союза. Также в сборник были включены обработанные М. Бариновым рассказы участников этих событий, прославленных мастеров торпедных ударов, потопивших и повредивших за годы войны более 120 кораблей и транспортов врага.

С августа 1958 года завершающий этап службы М.М. Баринова проходил в отделе МТО узла связи Главного штаба ВМФ, расположенного в Горках-Рогачевских.

В 1962 году в издательстве «Физкультура и спорт» М.М. Баринов опубликовал небольшую книгу «Песня о парусе». В новеллах о парусном спорте он популярно рассказывает об устройстве яхты, искусстве управления парусным судном, о дальних спортивных плаваниях, о парусных гонках.

В том же 1962 году М.М. Баринов стал членом Союза писателей СССР.

В феврале 1965 года старший помощник начальника МТО узла связи ВМФ майор интендантской службы М.М. Баринов был уволен в запас по выслуге лет, имея 20 календарной и 25 лет льготной выслуги, с правом ношения формы одежды⁶.

Осенью того же года сорокалетний отставной майор М. Баринов окончил вечернее отделение литературного института имени Горького. Стал журналистом — «литработником» по договорам в центральных периодических изданиях.

В 1972 году вышла книга «Сообщает гидрометцентр». В этой небольшой книге опытный яхтенный капитан М. Баринов в доступной форме изложил современное на тот момент научное теоретическое и практическое содержание прогноза погоды как элемента большой академической фундаментальной науки. Сделано это было обстоятельно и достоверно. Особо ему удалось разделы, касающиеся начала космического этапа развития метеорологической службы, обозначенного запуском первого в СССР метеорологического спутника «Космос-122», а также возникновения нового научного направления в области краткосрочного прогноза погоды, получившего название численной теории климата.

⁶ Центральный архив Военно-морского флота (ЦА ВМФ) (Гатчина). Ф. 1098. Оп. 7886. Д. 1. Л. 127.

Оставило заметный след творчество М.М. Баринова-драматурга. В семидесятые годы XX века он написал несколько сценариев радиоспектаклей для Всесоюзного радио. Среди них выделяются два радиоспектакля: первый — «Цунами», написанный, очевидно, под впечатлением рассказов свидетелей разрушительного Северо-Курильского цунами, возникшего 4 ноября 1952 года. Волной высотой 18 метров цунами стерло с лица земли город Северо-Курильск и унесло жизни около 24 тысяч человек. В этот момент Баринов занимал должность начальника хозяйственного отделения административно-хозяйственного отдела управления тыла 7-го флота и наверняка привлекался к участию в спасательных операциях на Курилах и Камчатке.

Второй — радиоспектакль 1973 года «Красный корсар». Место действия — Баку. Время действия — март 1921 года. Сценарий посвящен восстановлению бакинских промыслов. Свою немалую лепту в это достижение внес и отец Марка Баринова Михаил Васильевич, поднимавший бакинские нефтяные промыслы в качестве главного инженера «Азнефти». Этот радиоспектакль воспринимается как исполнение Марком Михайловичем сыновнего долга по реабилитации честного имени отца.

Радиоспектакли по этим пьесам не раз транслировались в радиоэфире на протяжении 1970–1980-х годов. Не так давно радиопостановки Всесоюзного радио по произведениям Марка Баринова были возобновлены в формате подкаста «Старое радио»⁷.

Что касается личной жизни М.М. Баринова, то в 1976 году он женился на Светлане Григорьевне Малиновской. В этом браке родились дочь Юлия (1978) и сын Григорий (1980).

М.М. Баринов проявил себя как уникальный педагог. Так иногда бывает: когда в какую-то предметную область по зову сердца и велению души попадает сторонний человек, он «незамысленным» взглядом видит всё несколько по-другому — новее, лучше. Так случилось и с Бариновым, когда он пришел в начале 1970-х годов в Центральный дом работников искусств (ЦДРИ) в Москве, где создал клуб старшекласников «Встреча с будущим» и бесценно руководил им.

Клуб создавался как дискуссионный. На заседания в ЦДРИ для бесед со школьниками М.М. Баринов приглашал интересных людей, ге-

⁷ Запись предоставлена аудиореставратором, автором интернет-проекта, коллекционером Н. Кружковым. См.: Старое радио: сайт [Электронный ресурс: <http://staroeradio.ru/>]; Советское радио. Гостелерадиофонд: Youtube-канал [Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/@gtrfradio>].

роев своих публикаций: ученых, творческих работников. Но этим его работа с подростками не ограничивалась.

Яхтенный капитан, мастер спорта по парусу М.М. Баринов в 1970-х годах совершал с учениками шлюпочные походы из Москвы в Новгород, занимался изучением судов древних новгородцев. В 1980-х годах он организовал экспедицию «Высокая вода» для исследования средневековых водных путей Северо-Запада. Первая такая экспедиция началась в марте 1982 года в пушкинском Михайловском: М.М. Баринов и его ученики прошли на шестивесельном яле вверх по Сороти до водораздела с рекой Полистью, обнаружили систему старинных каналов и другие следы водного пути древних новгородцев.

Осенью 1974 года от редакции журнала «Огонек» Баринов был командирован в Михайловское. По итогам поездки он опубликовал большой очерк о Заповеднике, где впервые в печати назвал Семена Степановича Гейченко «Домовым» пушкинского Михайловского⁸.

С того момента зародилась дружба двух незаурядных людей, участников Великой Отечественной войны, понимающих, что такое великое и что такое суетное! Они слали друг другу уважительные то смешные, то грустные письма, где Семен Степанович именовал Марка Михайловича то «дедушка Марка», то «геноссе Баринофф», а то и пронзительно — «благодетель мой и печальник по пушкинской земле»⁹.

Свое звание «благодетель» Баринов сполна оправдывал. Каждое лето с 1976 года приезжал в Михайловское со своими воспитанниками из клуба «Встреча с будущим». Так было положено начало движению «доброхотов» в Пушкинском Заповеднике. Московские школьники-доброхоты чистили от валежника заповедные леса и парки, работали дружинниками. А еще участвовали в реставрационно-восстановительных работах: в 1979 году строили Михайловскую часовню на Еловой аллее, в 1980 году восстанавливали грот в Михайловском парке.

«Нужен будет газик или автобус, а еще поперечная пила, два молотка, клещи, гвозди, 10 штыковых лопат, 3–5 ломов», — заранее писал Баринов Семену Степановичу Гейченко и просил оставить всё это где-нибудь на хозяйственном дворе, «...чтобы нам людей из-за

⁸ Баринов М. «Храни селенье, лес и дикий садик мой...» // Огонек. 1976. № 43. С. 18–21.

⁹ Андреева И. В Святых Горах мое сердце... // Псковская правда. 27.02.2006. С. 5.

праздничных столов не выковыривать...»¹⁰ И оформлялся на эти дни в музейный штат... шофером III класса для подвоза материалов и вывоза мусора.

Из всех добрых дел, сделанных М.М. Бариновым в Заповеднике, самым значимым и впечатляющим является подъем на колокольню Успенского собора Святогорского монастыря 14 колоколов, в том числе большого двухтонного колокола, который на флотский манер он окрестил «Флагманом».

Колокола эти Гейченко много лет собирал по всей округе, хранил на временной звоннице у своего дома в Михайловском и намеревался «вернуть голос» Святогорскому монастырю.

Профессиональные реставраторы не брались за подъем колоколов на монастырскую колокольню. Как известно, Святогорский монастырь стоит на высоком искусственном насыпном холме, по его крутым склонам сложно поднять строительную технику.

Баринов на основе своего опыта моряка-яхтсмена предложил Гейченко уникальный проект подъема колоколов вручную, без затрат со стороны Заповедника, без привлечения работников Заповедника и даже без изменения режима посещения туристами Святогорского монастыря с могилой Пушкина. Все работы М.М. Баринов предлагал осуществить силами своего клуба старшеклассников за три выходных дня в начале мая. Решительный Семен Степанович Гейченко дал «добро», хотя понимал при этом, что идет на значительный риск! Его согласие показывает то безграничное доверие, которое он питал к Баринову.

В конце апреля 1978 года Баринов привез в Заповедник из московского Северного речного порта ручную лебедку, грузоподъемностью в три тонны, объемную бухту металлического троса и такелажный инструмент. В одиночку провел необходимую предварительную подготовку: нарубил тросы, заплел огоны, собрал струбицы, изготовил деревянные полозья. «Буксирным самоходом», заведя тросами лебедку саму на себя вокруг стволов крупных деревьев, росших на холме, поднял ее на высокий холм к площадке у колокольни. Незаметное, но верное движение неподъемной лебедки вверх силами одного человека производило неизгладимое впечатление на работников Заповедника, а когда лебедка оказалась на вершине холма, хранители монастыря сочли это за чудо.

¹⁰ *Андреева И.* В Святых Горах мое сердце... С. 5.

Безвозмездно, в рекордно короткий срок — за три дня, с 30 апреля по 2 мая 1978 года — Баринов с группой учеников выполнил все работы по подъему колоколов: сначала 14 колоколов, общим весом около трех тонн, подняли на вершину холма, к основанию храма, а затем на колокольню.

Вот как писал об этом Семен Степанович Гейченко в письме к Баринову: «3 июня (Пушкинский праздник поэзии. — **Авт.**) впервые загудели колокола пушкинского Святогорья. Звон шел под музыку военного оркестра, исполнявшего «Славься» М.И. Глинки. Урра Баринову!»¹¹

Теперь, когда Святогорский монастырь возвращен Русской Православной Церкви, поднятые М.М. Бариновым колокола звонят каждый день на церковных службах.

Продолжая журналистскую деятельность, М.М. Баринов в 1982 году был командирован редакцией журнала «Огонек» к академику Д.С. Лихачеву. Большое интервью с ним об охране исторических памятников¹² послужило началом их сотрудничества в этой сфере, а для Д.С. Лихачева стало началом его всесоюзной известности. «Огонек» был самым популярным журналом того времени, выходил тиражом до двух миллионов экземпляров, и яркие и интересные интервью М.М. Баринова открывали его читателям имена незаурядных современников. Биограф Д.С. Лихачева справедливо отмечает, что после интервью с ним Марка Баринова в «Огоньке» в 1982 году «о Лихачеве узнали миллионы, он стал получать сотни писем со всей страны, от людей самого разного возраста, образования и общественного положения»¹³. В этом интервью шла речь и о пушкинских местах, причем не только о Михайловском, но и о местах детства Пушкина в Подмосковье (усадьбы Захарово и Вяземы). М.М. Баринов считал необходимым создание там Пушкинского музея-заповедника, поддерживал народный музей, созданный в Вяземах энтузиастами-краеведами, и привлекал в эти места школьников, организовывал там детские Пушкинские праздники. Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина в Захарове и Вяземах, на создании которого настаивал М.М. Баринов, был организован позже и сегодня является одним из ведущих культурных центров Московского региона.

¹¹ Андреева И. В Святых Горах мое сердце...

¹² Лихачев Д.С. Память истории священна: интервью / М. Баринов // Огонек. 1982. № 29. С. 18–20.

¹³ Зубок В. Д.С. Лихачев в общественной жизни России конца XX века. СПб., 2001. С. 41.

В 1983 году Барина по рекомендации Александра Зиновьевича Крейна пригласили стать директором Государственного музея А.С. Пушкина в Москве¹⁴. На его сомнения со ссылкой на отсутствие специального образования и музейного опыта — как-то легко и резонно возразили, что «...10 лет дружбы с Гейченко — это три музейных университета». И Барин принял предложение, о чем писал потом Семену Степановичу, будто бы даже удивляясь смелости собственного решения: «Воли никакой, денег гораздо меньше, чем зарабатывал в журналистике, неприятностей себе на голову — выше крыши, но я встал под это знамя...»¹⁵

И даже будучи директором московского музея А.С. Пушкина он продолжал приезжать в Святые Горы. Последняя такая поездка состоялась в октябре 1983 года, когда были наложены так называемые «марки» на подвесах языков колоколов.

О непродолжительной деятельности М.М. Барина на посту директора московского музея А.С. Пушкина сказать что-то определенное весьма трудно. Главным его делом стал проект реставрации дома Пушкина на Арбате¹⁶.

В отношении «большого» музея А.С. Пушкина в Москве со многими филиалами у М.М. Барина были обширные замыслы. Он считал важной задачей музеефикацию московских адресов, связанных с Пушкиным и его окружением. К настоящему времени музей создан лишь в одном из них — это дом дяди Пушкина Василия Львовича на Басманной.

К сожалению, 13 декабря 1984 года М.М. Барин скоропостижно скончался в возрасте 59 лет. Такой был внешне крепкий человек, а всю жизнь мучился от астмы. Она и спровоцировала его преждевременный уход.

После кремации часть его праха была развеяна в Михайловском над озером Кучане. На поселковом кладбище в Пушкинских Горах, рядом с Покровской церковью устроен кенотаф с захороненной урной его праха. Стараниями Заповедника поставлен небольшой памятник

¹⁴ Приказ начальника главного управления культуры города Москвы № 103-к от 11.07.1983.

¹⁵ *Андреева И.* В Святых Горах мое сердце...

¹⁶ *Лихачев Д.С.* Марк Михайлович Барин // Русское возрождение. № 77–78. С. 176–178.

обелиск в виде паруса, символизирующий и смысл жизни, и символ творчества Марка Михайловича Барина: Моряка, Пушкиниста, Педагога.

В 1990 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла посмертным изданием книга М.М. Барина «Да здравствует вечный двигатель!» — о воспитании подростков. Книга по оставшимся рукописям подготовлена к печати его вдовой С.Г. Малиновской.

В 2006 году в Научно-культурном центре Пушкинского Заповедника была устроена выставка памяти «капитана доброхотов» Марка Барина. Выставку составили документы и фотографии из его семейного архива, предоставленные его вдовой Светланой Григорьевной, и материалы из личных архивов его учеников.

В выставочных витринах были представлены уникальные фотографии и публикации, отчасти сенсационные для своего времени. Кроме того, выставили и подлинники писем Гейченко и Барина друг к другу. Значительная часть экспозиции была посвящена клубу «Встреча с будущим», работе доброхотов в Михайловском, походам по древним водным путям и дискуссиям М.М. Барина со школьниками о счастье и смысле жизни.

В 2025 году исполняется 100 лет со дня рождения «капитана доброхотов» М.М. Барина. Этому предстоящему юбилею и посвящается сей скромный труд.

ПРОФЕССОР ЭНТОМОЛОГИИ Н.А. ХОЛОДКОВСКИЙ
КАК МУЗЕЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК,
ЛАУРЕАТ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМИИ

Николай Александрович Холодковский — один из представителей плеяды талантливейших ученых своего времени, выдающийся ученый-энтомолог, заслуженный профессор и академик Императорской Военно-медицинской академии, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, основоположник отечественной лесной энтомологии, и это далеко не полный список заслуг и титулов профессора Холодковского.

Всю сознательную жизнь Николай Александрович испытывал интерес не только лишь к науке, но и к искусству. С юношеских лет он был увлечен литературой, его особой страстью была поэзия. Холодковский — талантливый переводчик и поэт, педагог и наставник, ни одной свободной минуты жизни он не тратил впустую. Всё свое время он уделял научной работе или литературному творчеству. По воспоминанием его ученика Е.Н. Павловского¹, «единственное желание Н.А. — это имѣть возможность жить въ совершенно культурныхъ условіяхъ и спокойно заниматься горячо любимой имѣ наукой, ибо таковое занятие у него неразрывно связано съ самымъ существованіемъ. Извѣстный афоризмъ — не жизнь для науки, а наука для жизни — къ Н.А. не приложимъ. Для него наука — это жизнь»².

Вместе с тем, Холодковский проявил себя и как талантливый музейный деятель своего времени. К его достижениям относится органи-

¹ Евгений Никанорович Павловский (1884–1965) — русский и советский ученый-зоолог, энтомолог, создатель советской школы паразитологии, генерал-лейтенант медицинской службы (1943), заслуженный деятель науки РСФСР (1935), академик Академии наук СССР (1939) и Академии медицинских наук СССР (1944), почетный член Академии наук Таджикской ССР (1951), профессор Военно-медицинской академии, начальник кафедры биологии и паразитологии ВМА (1921–1965), директор Зоологического института АН СССР (1942–1962), Президент Всесоюзного энтомологического общества (1931–1965), президент Географического общества СССР (1952–1964).

² Павловский Е.Н. Николай Александрович Холодковский. Къ 60-лѣтію дня рожденія // Природа. 1918. № 4–6. С. 323–330.

*Портрет Н.А. Холодковского (1858–1921).
Из фондов Зоологического кабинета
Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова*

зация нескольких естественно-научных музеев в стенах петербургских учебных заведений, а также, на протяжении многих лет, руководство и значительная реорганизация Музея зоологии в стенах своей alma mater — Императорской Военно-медицинской академии³.

Родился Николай Александрович 19 февраля (3 марта по новому стилю) 1858 года в Иркутске, в семье врача. Однако уже в 1860 году семья Холодковских переезжает в Петербург.

Семье было тяжело выезжать за город на лето, поэтому дети знакомились с природой в саду Коммерческого училища на Чернышевском переулке и во дворе своего дома, где юный Николай ловил своих первых жуков. Вероятно, именно в этом возрасте у него и закладывается интерес к природе. Родители, заметив увлеченность сына, подарили ему книгу «Собиратель насекомых»⁴ с цветными иллюстрациями и набор для коллекционирования насекомых⁵.

С 1867 по 1875 год Николай Александрович обучался в Петербургской первой гимназии, а после ее окончания поступил в Императорскую Медико-хирургическую академию, как на том настаивала мать. Однако Холодковский не проявлял особого интереса к медицине с момента поступления в академию, а по-настоящему живой интерес проявляется у него лишь на втором курсе — к лекциям по зоологии и сравнительной анатомии, которые читал профессор, выдающийся ученый своего времени, Эдуард Карлович Брандт⁶.

В 1880 году Холодковский окончил Медико-хирургическую академию в степени лекаря⁷. Спустя несколько месяцев он успешно сдал экзамены на степень кандидата естественных наук в Санкт-Петербургском университете, и в 1881 году получил должность ассистента кафедры

³ Ныне Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова МО РФ.

⁴ Маленький собиратель насекомых, или Описание и изображение дневных, сумеречных и ночных бабочек / пер. с нем. СПб., 1860. [4], IV, IV, 96 с., 16 л. цвет. ил.

⁵ *Павловский Е.Н.* Памяти Николая Александровича Холодковского // Природа. 1921. № 10–12. С. 58–71.

⁶ Эдуард Карлович Брандт (1839–1891) — профессор зоологии и сравнительной анатомии в Военно-медицинской академии. Президент Русского энтомологического общества (1880–1889).

⁷ Лекарь — врач, медик, первая ученая степень (классная степень, соответствующая 10-му классу Табели о рангах), получаемая студентами врачебного искусства, официальное название врача в Российской империи.

зоологии и сравнительной анатомии Медико-хирургической академии по рекомендации профессора Брандта.

Необходимо отметить, что Холодковский не ограничивался преподаванием только в Военно-медицинской Академии и Лесном институте, где в 1885 году был избран доцентом по курсу зоологии. В 1886/87 учебном году он читал лекции по зоологии позвоночных на Высших женских курсах, а в 1888/89 учебном году читал курсы «О воздуходышащих суставчатых животных», «Введение в зоологию» и «Сравнительную эмбриологию» на должности приват-доцента в Санкт-Петербургском университете⁸.

В 1886 году он успешно защищает диссертацию на тему «Мужской половой аппарат чешуекрылых» на степень магистра зоологии и сравнительной анатомии, а 1 декабря 1891 года, на базе физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, — докторскую диссертацию по теме «Эмбриональное развитие прусака (*Phyllodromia germanica*)».

В том же году, после смерти своего учителя и наставника Эдуарда Карловича Брандта, тогда заведующего кафедрой зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии, Холодковский становится преемником почившего учителя как руководитель кафедры и зоологического музея.

Увлеченность музейным делом и осознание важности феномена музея в образовательном и научном процессе закладывается еще в студенческие годы, когда в 1880 году Николаю Александровичу представилась возможность сопровождать профессора Брандта в Сен-Ва-Ла-Уг в Нормандии, где они изучали и анатомировали морских животных, готовили экспонаты для академического музея. Можно сказать, что научный путь Николая Александровича определила сфера интересов его наставника⁹.

⁸ *Ерзиков Д.Д., Остаевский Я.В.* Библиографическое и документальное наследие Н.А. Холодковского как основание научной концепции экспозиции «кабинет профессора Н.А. Холодковского» // Актуальные проблемы биологии и медицинской паразитологии. Сборник материалов XLVIII межвузовской студенческой конференции, посвященной 137-летию со дня рождения академика Е.Н. Павловского. СПб., 2021. С. 5–10.

⁹ В последующие годы музей активно пополняет свои коллекции гельминтологическими, зоологическими и сравнительно-анатомическими материалами, часть из которых Холодковский создал еще во время учебы.

В результате кипучей деятельности Николая Александровича в стенах Лесного университета созданы сразу несколько профильных учебных музеев — энтомологический, два зоологических и музей, посвященный позвоночным животным¹⁰.

Важно отметить историю возникновения Зоологического музея в стенах Императорской Военно-медицинской академии — музея, с которым Холодковский был неразрывно связан на протяжении всей жизни. Основание музея относится к 1808 году¹¹, когда командованием академии было принято решение о приобретении крупной коллекции ботанических и минералогических препаратов видного русского ученого своего времени Э.И. Эйхвальда¹².

Впоследствии коллекции обогащаются личными собраниями других профессоров, а во второй половине XIX века расширяется в особенности ее зоологическая часть, так как всё большее внимание медицинской науки уделяется изучению животных для лечения человека. В XIX веке крупные коллекции нескольких разделов музея были значительно обогащены трудами многих отечественных ученых и значительно расширены под личным управлением Холодковского, что позволило ему провести масштабную энциклопедическую работу по систематизации живых существ, особенно в области гельминтологии, и опубликовать результаты многолетней научной деятельности¹³.

Музею и его роли Николай Александрович придавал большое значение, выделяя прежде всего две его главные функции: педагогическую и научно-исследовательскую¹⁴. Вследствие проделанной им работы в последующие годы удалось значительно расширить собрание музея

¹⁰ Павловский Е.Н. Николай Александрович Холодковский. Къ 60-лѣтію дня рожденія. С. 323–330.

¹¹ Холодковский Н.А. Очерк истории кафедры зоологии и сравнительной анатомии императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии (1808–1897). СПб., 1897.

¹² Эдуард Иванович Эйхвальд (1795–1876) — выдающийся естествоиспытатель, профессор Петербургского горного института, член-корреспондент Российской АН (с 1826 года).

¹³ В свет выходит первый выпуск «Объяснительного каталога Коллекции паразитарных червей Зоологического кабинета Императорской военно-медицинской академии» (Н.А. Холодковский). СПб., 1912. 96 с.

¹⁴ Павловский Е.Н. Николай Александрович Холодковский. Къ 60-лѣтію дня рожденія. С. 323–330.

*Профессор Н.А. Холодковский и слушатель академии в Зоологическом музее.
Из фондов Зоологического кабинета
Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова*

— путем как приобретения новых предметов или обмена, так и создания новых оригинальных экспонатов в лабораториях академии силами сотрудников, курсантов и научных экспедиций.

В тот период пересматривается подход к экспонированию и перемещению музейных предметов. Часть зоологических препаратов, хранящихся в спирту, пришла в негодность из-за постоянного перемещения между музеем и учебными кабинетами для показа студентам. Поэтому было решено хранить наиболее ценные предметы в фондах, без возможности их транспортировки, что повысило роль музея в учебном процессе. Теперь студенты приходят в музей, а не экспонаты доставляются к ним.

Важно отметить необычайную продуктивность музейной работы Холодковского. В 1892 году коллекция гельминтологических препаратов кафедры состояла из 62 экземпляров в спирту. Благодаря активному участию Николая Александровича к 1911 году количество спиртовых препаратов превысило тысячу. Немаловажно и то, что профессор Холодковский в 1897 году провел обширную работу по систематизации и инвентаризации фондов музея, что послужило новым этапом в развитии музея с момента его создания. Николай Александрович не только заметно расширил научную и педагогическую деятельность возглавляемой им кафедры и музея, но и сделал их доступными для всех заинтересованных наук.

В том же году Холодковский публикует «Очерк истории кафедры зоологии и сравнительной анатомии императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии (1808–1897)»¹⁵, ценнейший источник по истории как самой кафедры, так и зоологического музея.

Касааясь литературного дарования Николая Александровича, необходимо отметить, что увлечение искусством слова началось еще в годы его обучения в гимназии. Уже в 16 лет юный Николай начинает свой первый перевод «Фауста» Гете, который затем станет его главным литературным трудом. Работа продолжалась в течение трех лет и в 1878 году увенчалась изданием перевода в собрании сочинений Гете¹⁶.

¹⁵ *Холодковский Н.А.* Очерк истории кафедры зоологии и сравнительной анатомии императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии (1808–1897) // СПб., 1897. С. 5–10.

¹⁶ См.: Фауст / пер. Н. Холодковского // Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей, изданных под редакцией Н.В. Гербеля. В 10 т. Т. 2. СПб, 1878. 427 с.

Холодковский знал семь языков, среди которых освоенные еще в юношеские годы латинский, греческий, французский и немецкий, а уже позже к ним присоединились английский, итальянский и шведский. На протяжении всей жизни он занимается переводами европейских авторов (Шекспир, Шиллер, Гете, Байрон, Гейне...). Помимо прочего ему принадлежит и перевод поэмы Эразма Дарвина «Храм Природы». Николай Александрович являлся деятельным сторонником теории Чарльза Дарвина.

Однако главнейшим его переводом становится «Фауст». С шестнадцатилетнего возраста им были созданы не менее дюжины авторских переводов. В 1914 году в свет выходит его 11-е издание «Фауста» с обширным комментарием и примечаниями¹⁷. За скромным названием скрывается монументальный труд всей жизни, представляющий собой исследование «Фауста» — анализ возникновения и развития сюжета и самого произведения, критический обзор соответствующей литературы и авторские взгляды на идею.

Именно за перевод 1914 года 19 октября 1917 года Николай Александрович Холодковский награждается полной Пушкинской премией. Наиболее полно раскрывает обстоятельства этого события выдержка из отчета, прочитанного на заседании Академии наук: «Перевод как первой, так и второй частей «Фауста» принадлежит къ числу наилучшихъ. Широкое научное образование дало возможность нашему переводчику проникнуть въ глубину содержания «Фауста», можетъ быть, болѣе, чѣмъ всякому другому. Вотъ почему онъ является едва ли не самымъ надежнымъ руководителемъ для всѣхъ тѣхъ, кто, не имѣя возможности читать великое произведение въ подлинникѣ, принуждены довольствоваться переводомъ. Переводчикъ такъ хорошо освоился съ трагедіей, такъ вчитался въ нее, такъ проникся ея содержаниемъ, что никогда не искажаетъ мысли автора и ея оттѣнковъ, даже тогда, когда дѣлаетъ нѣкоторыя добавленія съ своей стороны... Переводчикъ такъ владѣетъ стихомъ, такъ умѣетъ проникнуться поэтическимъ настроеніемъ подлинника, что читатель съ живѣйшимъ удовольствіемъ воспринимаетъ содержание трагедіи и ея подробности. А нѣкоторыя мѣста переданы прямо превосходно»¹⁸.

¹⁷ См.: Гете И.В. Фауст / пер. и прим. Н. Холодковского. В 2 т. Пг., 1914.

¹⁸ О награждении Н.А. Холодковского полной Пушкинской премией за перевод «Фауста» Гете. Из отчета о 22-м присуждении премии имени А.С. Пушкина, читанного в публичном заседании Российской Академии наук 19 октября

Мер. (мелко) Кашь дваръ вѣста тресаритъ,
 И барисъ а есерадъ;
 Кусамъ царину мекант,
 И дѣмъ съ прудетъ.
 Давитъ вѣсти вѣрнѣмъ,
~~И дѣмъ не прудетъ;~~
 А мѣмъ — похити прудетъ;
~~И дѣмъ не прудетъ;~~ ^{приниматель и}
~~И дѣмъ не прудетъ;~~ ^{приниматель и} удвѣмъ!

Кашь (приним.) А мѣмъ — похити прудетъ;
~~И дѣмъ не прудетъ;~~ ^{приниматель и} удвѣмъ!

Франц. Bis, bravo, bis. Приемъ мѣмъ!

Буденъ. Кусамъ буденъ мѣмъ а вѣрнѣмъ дѣмъ!

Брехеръ. Не носотъ носотъ мѣмъ и носотъ вѣсти мѣмъ.
Амфигурисъ. Да здравствуетъ вѣмъ! Да здравствуетъ
 вѣмъ!

Мер. ^{съ} Мѣмъ ^{приниматель} вѣмъ ^{приниматель} вѣмъ,
 Кашь вѣмъ вѣмъ вѣмъ вѣмъ вѣмъ.

Вѣмъ. Охотъ! Мѣмъ эта мѣмъ мѣмъ вѣмъ!

Мер. Кашь вѣмъ вѣмъ вѣмъ вѣмъ,
 А мѣмъ ~~приниматель~~ вѣмъ вѣмъ вѣмъ вѣмъ.
 Своѣ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ вѣмъ.

Вѣмъ. Сюда мѣмъ! Вѣмъ вѣмъ мѣмъ!

Фр. За мѣмъ мѣмъ мѣмъ вѣмъ вѣмъ,
 Мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ вѣмъ.
 Мѣмъ о вѣмъ в мѣмъ мѣмъ,
 Не мѣмъ мѣмъ мѣмъ в мѣмъ мѣмъ.

Мѣмъ. ^(мелко) Мѣмъ мѣмъ мѣмъ вѣмъ, мѣмъ мѣмъ.

М. Дѣмъ мѣмъ мѣмъ вѣмъ.

Фр. Не мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ? ^{Не мѣмъ вѣмъ мѣмъ?}
 Не мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ.

Две фотографические копии с рукописи перевода «Фауста» Гете,
 Из фондов Зоологического кабинета

44

Фр. И думай, как же беда, если на миг

Мать поживает с нами здесь!

О, мать, красавица, душа моя,

Когда она к нам гуляла в гостином?

М. Да, друг мой: самому забавно мне было,

Когда она со мной по роще гуляла...

Фр. Прощай, Алёнушка!

М. Садко брат? Втори, буду я в отъезд!

Когда Шварца вперёд самовар

Мужичку со щипцами, вел сам попросил вас

Узнать, что для докторские разрешения?

Что толкуют в эти часы?

На улице всё в калитку ушли,

Сидит мать у окна, встать не может!

Фр. Во всё обдумай, как же тебе!

Мужик отыскал в аптеке препараты!

О, думай, как же тебе!

Вспомни в крайней, мать, куда отведи,

Кристиану или криво и повои

Ступай по камням, как ты вондери,

Сторожил, ждало к бедной бедной.

А в аптеке, мать, ты же помни,

Над кровью храни, друг, если она,

Во время дачи не остави

Во свой бедней себе застави.

Что ждешь, мать, не вай, не вай, вы!

Что ждешь, мать, не вай, не вай,

И в аптеке не вай?

Е, и факты с, и поуби!

Мать, о да, вай, вай, вай!

19 августа 1876 г.
Холодковский

выполненного Н.А. Холодковским 19 августа 1876 года.
Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова

*Н.А. Холодковский. Гербарий моей дочери. Петроград, 1922.
Из фондов Зоологического кабинета
Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова*

В свои последние годы Николай Александрович не оставляет литературное творчество, пишет собственные стихи, создает переводы, однако большая часть из них так и не была опубликована, практически все они были утеряны.

Единственным изданием поэзии Холодковского является сборник «Гербарий моей дочери», изданный почти сразу после его смерти близкими друзьями и соратниками. Сборник лирической поэзии адресован дочери — Наталье Николаевне и является своеобразным путеводителем по миру растений.

2 апреля 1921 года, после продолжительной и тяжелой болезни, Николай Александрович Холодковский скончался в возрасте 64 лет.

В заключение хочется особо отметить, что Николай Александрович был не только выдающимся ученым, поэтом и переводчиком, педагогом, воспитавшим плеяду талантливых учеников, но и активным музейным деятелем, внесшим значительный вклад в развитие науки и культуры своего времени. Организованные им музеи стали важными научными и образовательными центрами для медицинского и биологического образования.

Благодаря его усилиям музеи стали местом, где изучались и экспонировались редкие образцы флоры и фауны со всех уголков мира, проводились научные исследования и занятия студентов. Холодковский был не только создателем, но и активным участником их развития. Он лично пополнял коллекции, проводил лекции и семинары, способствуя распространению знаний о природе и науке о ней.

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ МАТОРИН:
ОТ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ
ДО АКАДЕМИИ НАУК**

17 августа 2023 года исполнилось 125 лет со дня рождения Николая Михайловича Маторина.

Выдающийся советский ученый-этнограф Н.М. Маторин (1898–1936) прожил всего 38 лет. Его жизнь оборвалась трагически: он был репрессирован после убийства С.М. Кирова и расстрелян еще до печально известного 1937 года. (В 1958 году приговор был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР за отсутствием состава преступления¹.)

Во многом расправа произошла из-за бурной партийной карьеры Н.М. Маторина. Вступив в партию еще в марте 1919 года, молодой коммунист активно включился в работу. Уже в июле 1922 года он становится секретарем Г.Е. Зиновьева — председателя Петросовета и исполкома Коминтерна (ИККИ), в прошлом видного соратника В.И. Ленина. Такая тесная связь с одним из «организаторов» покушения на Кирова никогда не забывалась ответственными за «чистоту рядов» органами.

Тем не менее, в 30-е годы Н.М. Маторин, как крупный специалист по истории народных верований и мировых религий, занимал высокие должности директора старейшего в стране Музея антропологии и этнографии (МАЭ), Института антропологии и этнографии (ИАЭ) Академии наук СССР, ответственного редактора журнала «Советская этнография».

Таких вершин в науке Николай Михайлович достиг благодаря не только природным способностям, но и воспитанию в семье, воспитанию и образованию в Царскосельской гимназии. Но он сформировался отнюдь не в «ученого сухаря», а представлял собой натуру романтическую, лирическую и возвышенную, обладающую, несомненно, литературным даром. Сам Маторин определял свою профессию как «лектор, преподаватель, литератор»². Развитию таланта, безусловно,

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 200434. Л. 7.

² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 252943/3. Л. 3.

способствовало само Царское Село с его «пушкинской» атмосферой, Николаевская гимназия, из стен которой вышел не один поэт, в том числе Николай Гумилев. Да и мать Н.М. Маторина была связана кровными узами с современниками А.С. Пушкина — с которым те так или иначе пересекались.

Семья

Зинаида Николаевна Маторина (1874–1939) происходила из крупного потомственного дворянского рода Хвостовых. Ее дед — Арсений Николаевич Хвостов участвовал в Отечественной войне 1812 года, в Бородинском сражении, состоял адъютантом при фельдмаршале князе М.И. Голенищеве-Кутузове.

Отец, Николай Арсеньевич Хвостов — титулярный советник, крупный помещик, в юности служил юнкером и корнетом в Лейб-кирасирском и Киевском гусарском полках, с 1843 по 1851 год был предводителем тверского дворянства. Вторым браком он был женат на Зинаиде Романовне (урожденной Римской-Корсаковой), связанной родственными узами с Юсуповыми. Она и стала матерью Зинаиды Николаевны, которая выросла в усадьбе отца Первитино под Лихославлем Тверской губернии.

Там же у нее после брака с М.В. Маториным родились четверо старших детей. Всего у четы Маториных было семеро детей, самый старший — Николай³.

Сейчас бывшая усадьба Хвостовых, сильно пострадавшая от пожара еще в 1912 году, находится в полуразрушенном состоянии⁴.

С представителями знатных родов Хвостовых, Римских-Корсаковых и Юсуповых, с которыми Зинаида Николаевна была связана кровными узами, сталкивался в свое время А.С. Пушкин.

С 1801 по 1803 год родители будущего поэта Сергей Львович и Надежда Осиповна снимали комнаты во флигеле московского дворца князя Николая Борисовича Юсупова в Большом Харитоньевском переулке. В дворцовом саду гулял маленький Саша со своей няней Ариной Родионовной. По преданию, если так можно назвать достаточно

³ Маторины // Музей Николаевской гимназии: сайт [Электронный ресурс: <https://mng.cttit.ru>].

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 252943/3. Л. 9.

неправдоподобную историю, именно здесь он увидел механического кота, привезенного князем из Голландии и ставшего в будущем прототипом «кота ученого».

Если говорить о Хвостовых, на память приходят язвительные эпиграммы Пушкина на видного представителя знатного рода — графа Дмитрия Ивановича Хвостова, которого Александр Сергеевич считал не выдающимся поэтом, как было принято в высших кругах, а графоманом.

Не обошел своим вниманием поэт Римских-Корсаковых, ухаживая за Александрой Александровной, воспетой, по утверждению Петра Вяземского, в «Евгении Онегине». Здесь нелишне вспомнить и композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова, создавшего ни много ни мало 31 музыкальное произведение на пушкинские стихи, в первую очередь знаменитую оперу «Сказ о царе Салтане».

Отец Н.М. Маторина — Михаил Васильевич (1870–1926), уроженец Богородицка Тульской губернии — был потомком известного литейщика Ивана Моторина, который вместе с сыном Михаилом отлил в 1730 году знаменитый Царь-колокол. После окончания Городского училища служил полковым писарем в Новгородской губернии, позже был переведен в штаб Петербургского военного округа.

До 1912 года семья Маториных проживала в Петербурге, по месту службы отца в здании Главного штаба на Дворцовой площади. К этому времени Михаил Васильевич — человек талантливый и целеустремленный — сдал экзамены за шесть классов гимназии, дослужился до штабс-капитана, ему было пожаловано звание потомственного почетного гражданина. К тому же он в совершенстве овладел бухгалтерским делом и был переведен на должность Главного казначея Дворцового правления в Царском Селе, где получил просторный дом с садом, конюшней, прачечной и прочими служебными помещениями на Малой улице⁵. (После Октябрьской революции М.В. Маторин служил бухгалтером в Отделе музеев⁶.)

По соседству, на углу с Набережной улицей, располагалась Императорская Николаевская Царскосельская гимназия, куда и поступил юный Николай Маторин.

⁵ Маторины // Музей Николаевской гимназии: сайт [Электронный ресурс: <https://mng.cttit.ru>].

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 252943/3. Л. 9.

Императорская Николаевская Царскосельская гимназия

После переезда в 1843 году Царскосельского лицея в Санкт-Петербург в Царском Селе было открыто женское духовное училище, а в 1865 году женская Мариинская гимназия. Состоятельные горожане посылали своих сыновей учиться в Петербург, остальные довольствовались начальным образованием своих сыновей. В 1866 году появилась просьба Общественного собрания купцов и мещан городов Царское Село, Павловска и Гатчины об открытии семиклассной мужской гимназии. Ее решили разместить в здании, которое возводилось в «русском стиле» под богадельню по проекту Ипполита Антоновича Монигетти.

В мае 1870 года было получено разрешение на открытие в Царском Селе казенной мужской гимназии с присвоением ей наименования Николаевской⁷.

Средства на содержание отпускались Министерством народного просвещения, но значительную сумму составляли ежегодные дополнительные пособия от города, купцов и мещан и домовладельцев. Плата за обучение составляла 75 рублей. Для предоставления возможности поступления из гимназии в университет статус гимназии был определен как классическая. Преподавались русский, латинский, французский и греческий языки, логика, история, математика, физика, география.

Торжественное открытие гимназии состоялось 8 сентября 1870 года в присутствии Александра II с наследником и великими князьями.

Директором гимназии с 4 июля 1870 года был назначен статский советник, инспектор 5-й Санкт-Петербургской гимназии Иван Иванович Пискарев.

С 17 августа 1881 года, когда ее Высочайший покровитель великий князь Александр Александрович вззошел на престол, гимназия стала именоваться «Императорская Николаевская Царскосельская гимназия».

С 1896 по 1906 год директором гимназии был замечательный поэт Иннокентий Федорович Анненский. Во многом к его заслугам нужно отнести высочайший уровень воспитания и образования в вверенном его попечению заведении⁸.

⁷ Здание Императорской Николаевской Царскосельской гимназии // Музей Николаевской гимназии: сайт [Электронный ресурс: <https://mng.cttit.ru>].

⁸ История Царскосельской Императорской Николаевской гимназии // К. Филькенштейн: сайт [Электронный ресурс: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_hist.htm].

Хотя в 1843 году Царскосельский лицей переехал в Петербург, Николаевскую гимназию наравне с Александровским лицеем можно на полном основании считать преемницей прославленного учебного знаменитого заведения. Из стен гимназии также было выпущено целое созвездие будущих выдающихся деятелей науки и искусства.

В июне 2003 года, во многом благодаря усилиям сотрудников Историко-литературного музея города Пушкина, на здании гимназии появилась мемориальная доска:

«В этом здании бывшей Николаевской мужской классической гимназии в 1896–1905 годах жил и работал выдающийся русский поэт и педагог Иннокентий Федорович Анненский. Здесь учились поэты Н. Гумилев, Н. Оцуп, Г. Раевский (Оцуп), В. Кривич, Д. Кленовский, Вс. Рождественский, искусствовед Н. Пунин, стратонавт А. Васенко, географы В. Визе, М. Павлов, врачи М. Глазунов, П. Светлов, композитор В. Дешевов, деятели театра и кино: Н. Акимов, В. Горданов, И. Гольдберг, Ю. Свиринов, О. Иванов, Н. Ефимов, Р. Мирвис»⁹.

При И.Ф. Анненском, 26 и 27 мая 1899 года, в Царском Селе состоялось празднование столетия со дня рождения А.С. Пушкина, в котором самое деятельное участие принимали ученики и преподаватели гимназии.

После Октябрьской революции, в 1918 году, гимназия была реорганизована в Первую Детскосельскую единую трудовую школу.

К сожалению, на мемориальной доске не нашлось места для имени Николая Михайловича Маторина, окончившего гимназию с серебряной медалью.

Ему было не суждено получить высшее образование, он только прослушал курс на историко-филологическом факультете Петроградского университета. Но именно глубокие и всесторонние знания, полученные в Царскосельской гимназии, раннее увлечение историей Древнего мира, вопросами происхождения народов и верований, сформированное классическим образованием, позволили Н.М. Маторину стать выдающимся ученым. Он владел немецким, французским, латинским, греческим языками¹⁰.

⁹ История Царскосельской Императорской Николаевской гимназии // К. Филькенштейн: сайт [Электронный ресурс: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_hist.html].

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 252943/3. Л. 3.

На партийной работе

Продолжить учебу в университете, где Николай «думал всецело посвятить себя научной работе»¹¹, помешала Первая мировая война. После кратковременной подготовки в Павловском военном училище (с апреля по июнь 1917 года) в течение месяца он воевал рядовым на фронте в Галиции, пока не дало о себе знать слабое сердце. Солдат Маторин на полгода угодил в лазарет¹².

После демобилизации осенью 1918 года он работал лектором и инструктором в Детскосельском уездном отделе народного образования. В 1919 году, во время наступления Юденича на Петроград, служил в политорганах Красной армии.

В 1920–1922 годах Н.М. Маторин на советской и партийной работе в Гдове, в Луге, где сотрудничал в газете «Лужский вестник». В Гдове женился на Лидии Петровне Ильинской.

В 1922 году Н.М. Маторин становится секретарем Г.Е. Зиновьева. В 1923–1925 годах Н.М. Маторин занимает должности заместителя заведующего в агитационно-пропагандистском отделе Петроградского губернского комитета РКП(б), научного сотрудника в НИИ марксизма, а также ответственного секретаря Ленинградского Рабочего общества смычки (РОС) города и деревни. На последнем посту Маторин начинает серьезно интересоваться народной религиозностью, культурой, укладом и бытом деревни, вопросами краеведения и фольклора.

В этот период он также активно занимался преподавательской деятельностью, к которой приобщился еще в гимназии, давая уроки, чтобы помочь своей большой семье в военное время. Н.М. Маторин читает общественные дисциплины и прикладные курсы («Исторический материализм», «Основы ленинизма», «Агитпропробота», «Работа в деревне») в петроградских вузах¹³.

«Ссылка»

После XIV съезда ВКП(б) (декабрь 1925 года), где зиновьевская оппозиция потерпела поражение, Маторин, как многие деятели ленинградской парторганизации, был отправлен «на периферию».

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 252943/3. Л. 10.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С. 150.

5 февраля 1926 года Николай Михайлович направляется на низовую работу в органы народного образования Псковской области, где продолжал заниматься краеведением и начал писать «Историю Себежского края». Одновременно он занимается литературным творчеством. Воспитанники местного детского дома на вечерах читали его лирические стихи.

Также в органах образования Н.М. Маторин работал в Казани, куда с семьей был переведен в сентябре 1927 года, в Татарском обкоме партии занимался антирелигиозной работой.

В декабре 1927 года за фракционную деятельность Маторин неожиданно был исключен из партии, но в августе 1928 года Центральной контрольной комиссией ВКП(б) благополучно восстановлен по личному заявлению. В Казани Николай Михайлович много и плодотворно работает: опубликовал до сорока статей в газете «Красная Татария» по истории, этнографии, борьбе с «религиозными пережитками», пишет книгу «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество — ислам — православие — сектантство».

Маторин работал в Казани год, до сентября 1928 года. Несмотря на кратковременность пребывания в Казани, этот период можно выделить как важнейший этап становления ученого-этнографа, будущего организатора и руководителя науки. В Казани — одном из старейших и признанных центров отечественной науки — были сильны традиции этнографии, заложенные профессором Бруно Фридриховичем Адлером, выдающимся географом, этнографом, археологом, антропологом, музееведом.

Взлет и трагический финал

В 1928 году Н.М. Маторин вернулся в Ленинград, где преподавал в Ленинградском государственном университете в качестве доцента этнографического отделения географического факультета ЛГУ, читая курсы современного состояния религиозных верований в СССР.

С 1929 года ученый был назначен председателем Ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников.

В январе 1930 года Н.М. Маторин назначается заместителем председателя Комиссии по изучению племенного состава народов России (КИПС), через месяц преобразованной в Институт по изучению народностей СССР (ИПИИ). Во главе Института был поставлен выдающийся филолог, языковед Николай Яковлевич Марр, его заместителем

— Н.М. Маторин. В ИПИН он руководил полевыми исследованиями православия, сектантства и язычества в Поволжье.

В октябре 1930 года Маторин был избран на должность директора Музея антропологии и этнографии (МАЭ).

После того, как в 1933 году МАЭ был объединен с ИПИН, созданный Институт антропологии и этнографии (ИАЭ) возглавил снова Николай Михайлович¹⁴.

После убийства Кирова 1 декабря 1934 года Маторин был исключен парткомом Академии наук из ВКП(б) как «активный оппозиционер в прошлом, не порвавший идейных связей с контрреволюционной зиновьевской оппозицией в последние годы». В ночь на 3 января 1935 года он был арестован и в феврале осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал срок под Ташкентом, работая даже в условиях лагеря. Через год, в феврале 1936 года, этапирован в Ленинград, на новое следствие по делу «контрреволюционной зиновьевской группы», якобы осуществившей убийство С.М. Кирова. 11 октября 1936 года приговорен к высшей мере наказания. Был расстрелян сразу же после оглашения приговора. В жернова репрессий попали жена Лидия Петровна (Ильинская) и три брата Маторина¹⁵.

По понятным причинам в СССР долгие годы это имя замалчивалось. Труды Маторина в свое время были изъяты из библиотек и уничтожены. Первые упоминания о Н.М. Маторине стали появляться после долгого перерыва только в 60-е годы. Подробная же биография, написанная крупным российским этнографом и востоковедом Александром Михайловичем Решетовым, вышла лишь в 2003 году в сборнике «Репрессированные этнографы»¹⁶.

Музейная деятельность

В статье Решетова освещается и музейная деятельность ученого. Под его руководством на новую высоту поднялась научно-исследовательская и экспозиционная работа МАЭ.

¹⁴ Маторин Николай Михайлович // Изучение религии в России в XVIII — первой половине XX века. Библиографический указатель. СПб., 2020. С. 291–294.

¹⁵ Решетов А.М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. С. 179–180.

¹⁶ Там же. С. 146–227.

Повышенное внимание Н.М. Маторин уделял организации экспозиций антирелигиозного характера. С 1929 года он возглавлял Ленинградский областной совет Союза воинствующих безбожников (СВБ), с июля 1930 года состоял членом Исполнительного бюро Центрального совета СВБ СССР. При его непосредственном участии создавались антирелигиозная выставка в Зимнем дворце (1930) и во многом основанная на ней экспозиция Музея истории религии, открытого в Казанском соборе (1932).

На первом Всероссийском музейном съезде (1–3 декабря 1930 года) Н.М. Маторин, избранный в президиум съезда, выступил с приветствием от Центрального совета СВБ и докладом «Научная работа в антирелигиозных музеях». Надо признать, что на съезде он показал себя не с лучшей стороны. Хотя можно сказать, что время показало себя. В угоду властям, причем часто исходя из искренних убеждений, яростно обличали неудобных, а несколько позже сами обличители становились жертвами.

На съезде 32-летний Маторин обрушил свой гнев на Бруно Адлера, годящегося ему в отцы и лично знакомого по Казани, за публикацию статьи «Современное состояние науки о человеке в СССР» в немецком журнале. Оратор призывал заклеить позором «предательский поступок» Адлера и принять постановление об исключении его из состава делегатов съезда.

Бруно Адлер будет убит по ложному обвинению через 12 лет, а его «обличитель» на шесть лет раньше. Логика репрессий остается неизменной.

Очевидно, что Н.М. Маторин никак не мог оставаться в стороне от организации и работы Государственного антирелигиозного музея (бывший Исаакиевский собор) (ГАМ), открытого 12 апреля 1931 года (на полтора года раньше Музея истории религии).

Между тем об этом в вышеуказанной биографии ученого, в других (уже, к счастью, далеко не единичных) источниках — печатных и электронных — не говорится ни слова.

Но из материалов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) следует, что тесные отношения с Н.М. Маториным связывали первого директора ГАМа Льва Николаевича Финна.

На директорском посту Л.Н. Финн — фигура явно случайная. Тем не менее он возглавлял ГАМ на протяжении двух лет.

В феврале 1935 года на Финна было подано заявление о том, будто он в личном разговоре назвал Маторина своим «другом-приятелем» и «непартийно» отзывался о состоянии Ленинградской организации в 1925–1926 годах: «большая ее часть, будучи обманута Зиновьевым, была в оппозиции».

При разборе этого дела Финн был на короткое время исключен из партии и даже на несколько дней арестован.

Финн, как и другие бывшие коллеги Н.М. Маторина по бывшей работе, принялся отчаянно отрекаться от «друга-приятеля» и яростно обличать, даже разоблачать того.

В заявлении от 5 сентября 1936 года в Комиссию партийного контроля по Ленинградской области Финн указывал: «Причиной моего исключения явилось поданное заявление. Считая решение Кировского райкома ВКП(б) неправильным, основанным на ложном представлении об отношениях к Маторину и «маторинщине» в Областном совете СВБ, а также то, что я был активным участником разоблачения «маторинщины», прошу пересмотреть мое дело и в рядах партии восстановить... Факты моего участия в разоблачении «маторинщины» я смогу дать при вызове меня»¹⁷.

В повторном заявлении от 8 декабря 1936 года в Комиссию партийного контроля по Ленинградской области Финн указывал:

«В середине 1935 года меня попросили в партийном отделе НКВД помочь в разоблачении «маторинщины» и Леноблсовете СВБ. С этой целью ими я был направлен на работу в Облсовет СВБ. Именно мною и был передан в партийный отдел НКВД большой материал о контрреволюционной деятельности целой группы «маторинцев»...¹⁸

В ГАМе также были «выявлены» «ставленники» Маторина — Георгий Сергеевич Артемьев и Николай Владимирович Федорович, которые, как и Финн, уже после него занимали директорскую должность в ГАМ¹⁹.

Получается, что как минимум три директора ГАМа являлись протеже («ставленниками») Маторина.

Обращают на себя внимание не только взаимоотношения с музейными сотрудниками, которым «благоволил» Н.М. Маторин, но и практика полевых экспедиций, активно внедряемая им в научные исследо-

¹⁷ Ф. Р-1728. Д. 130333. Л. 18.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 130333. Л. 25–26.

¹⁹ Там же. Л. 59.

вания религиозных верований (при этом он сам неоднократно выезжал на места).

Одна из главных и ценных работ Маторина «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь» основана на сведениях, которые он сам собирал как полевой этнограф.

Методология подобной экспедиции, предпринятой ГАМом в начале 1940 года в Новгородский район, во многом опиралась на маторинские разработки²⁰.

Знакомство с архивными документами позволяет однозначно сделать вывод об участии Н.М. Маторина в создании и становлении Государственного антирелигиозного музея (бывший Исаакиевский собор). Этот вопрос, как и музейная деятельность Н.М. Маторина в целом, несомненно, требует дальнейшего изучения.

²⁰ Ф. Р-24. Оп. 10. Д. 566. Л. 1–5.

*Николай Михайлович Маторин. Начало 1930-х годов.
Иллюстрация: Решетов А.М. Трагедия личности:
Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы.
Вып. 2 / сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С. 175*

*Михаил Васильевич Маторин.
Музей Николаевской гимназии. Из архива потомков Н.М. Маторина.
Фотографии любезно предоставлены МНГ Е.В. Логвиновой (СПб)*

*Здание Императорской Николаевской Царскосельской гимназии.
Музей Николаевской гимназии*

*Архитектор Ипполит Антонович Монигетти.
Музей Николаевской гимназии*

*Директор Иннокентий Федорович Анненский.
Музей Николаевской гимназии*

*Семья Маториных. 1912 год. Николай в форме гимназиста.
Музей Николаевской гимназии. Из архива потомков Н.М. Маторина.
Фотографии любезно предоставлены МНГ Е.В. Логвиновой (СПб)*

*Выпускник Николаевской гимназии Николай Маторин.
Музей Николаевской гимназии. Из архива потомков Н.М. Маторина.
Фотографии любезно предоставлены МНГ Е.В. Логвиновой (СПб)*

*Н.М. Маторин с женой Лидией Петровной. 1920-е годы.
Иллюстрация: Решетов А.М. Трагедия личности:
Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы.
Вып. 2 / сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С. 149*

*Н.М. Маторин в экспедиции. Конец 1920-х годов.
Иллюстрация: Решетов А.М. Трагедия личности:
Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы.
Вып. 2 / сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С. 154*

*Экспозиция Государственного антирелигиозного музея
(бывший Исаакиевский собор). Маятник Фуко. 1930-е годы.
ГМП «Исаакиевский собор»*

*Экспозиция Государственного антирелигиозного музея
(бывший Исаакиевский собор). 1930-е годы.
ГМП «Исаакиевский собор»*

*Экспозиция Государственного антирелигиозного музея
(бывший Исаакиевский собор). 1930-е годы.
ГМП «Исаакиевский собор»*

СОЗДАВАЯ ЗАНОВО.
ТАИСИЯ МИХАЙЛОВНА ПАРЫГИНА
(ДМИТРИЕВА, ЖАРКОВА) — ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР
ВЕЛИКОЛУКСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

XXVII Февральские музейные чтения посвящены памяти Семена Степановича Гейченко, легендарного хранителя Пушкинского Заповедника. Очевидно, что его талант, кипучая энергия, пример привели в нашу профессию многих людей. И многие музейные сотрудники в своей работе равнялись на него.

Современницей Семена Степановича Гейченко была и первый директор Великолукского областного краеведческого музея Таисия Михайловна Парыгина (Дмитриева, Жаркова). Именно ей в послевоенный период было суждено не возродить, а создать заново музей в разрушенном до основания городе.

Великие Луки были освобождены от немецко-фашистских захватчиков в январе 1943 года. Но так как линия фронта еще целый год местами проходила всего в 8–10 км от города, сразу после освобождения началось восстановление самых значимых объектов, затем — возведение жилого фонда, предприятий, школ... И только в 1950 году приступили к созданию Великолукского областного краеведческого музея. О начале возрождения музейного дела в Великих Луках Таисия Михайловна писала так: «Пришла пора подумать, как сохранить оставшиеся исторические памятники, изучить далекое прошлое края, собрать материалы о героических и трудовых подвигах великолучан в минувшей войне и послевоенном строительстве. Решать эти задачи в комплексе мог только музей»¹.

Таисии Парыгиной тогда исполнилось 28 лет². Опыта музейной работы у нее не было: до назначения директором она работала мето-

¹ Жаркова Т.М. Областной краеведческий: воспоминания директора Великолукского краеведческого музея с 1950 по 1960 год // Краеведческий музей. Страницы истории. Великие Луки, 2014. С. 36.

² Государственный архив Псковской области. Великолукское отделение (ВЛО ГАПО). Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

дистом по культурно-просветительской работе методического кабинета областного управления культуры. Но 5 октября 1950 года, получив назначение, Таисия Парыгина с энтузиазмом приступила к выполнению своих новых обязанностей. Сегодня, оценивая сделанное сотрудниками музея в тот период, мы понимаем, что деятельность Таисии Михайловны определила суть и содержание музея, его развитие на многие годы вперед. Первому директору всё пришлось делать с нуля, потому что от краеведческого музея, организованного в Великих Луках в 1919 году, не осталось ничего. Таисии Парыгиной предстояло одновременно решить множество самых разных задач: организационных, финансовых, административных, производственных и т. д. Конечно, она сталкивалась с проблемами, но упорно двигалась вперед.

С первого дня Таисия Михайловна приступила к поиску сотрудников. Она вспоминала, что сделать это было очень сложно: «Музеи тем и отличаются от других культурно-просветительных учреждений, что ведущее место в их деятельности занимает научно-исследовательская и собирательская работа. Понятно, что человек, принятый на должность научного работника, должен... соответствовать своему статусу. Требования высокие, а зарплата очень низкая. Поэтому в первые три года была частая сменяемость кадров»^{3 4}. И всё же через несколько лет директор сумела найти сотрудников, увлеченных музейным делом и понимавших всю важность этой работы. Да, им нужно было очень многое знать и уметь, напряженно трудиться, очень часто выезжать в многодневные командировки, но они перенимали опыт коллег⁵ и «постепенно осваивали сложное музейное дело»⁶. Вместе с ними училась и Таисия Михайловна.

Т.М. Парыгина наравне с научными сотрудниками вела интенсивную научно-исследовательскую работу. Основными центрами исследований являлись государственные архивы в Москве и Ленинграде⁷, областные архивы в Великих Луках, Смоленске, Калининe, Пскове, партийные архивы, архив МВД. Изучались книжные фонды Государственной

³ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

⁴ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолуцкого краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 36.

⁵ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 20. Л. 14.

⁶ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолуцкого краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 37.

⁷ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

библиотеки СССР имени В.И. Ленина и Российской публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина; за консультациями обращались в Институт языка и мышления имени Н.Я. Марра⁸.

Следует заметить, что в короткие сроки собрать, проанализировать, систематизировать все исторические источники сотрудники музея не успевали. Директор музея в этой ситуации проявила себя как умелый организатор, ею было принято решение привлечь к краеведческой работе преподавателей пединститута, учителей школ, сотрудников обкома комсомола и других учреждений. Примером такой совместной работы стало изучение революционного движения в крае преподавателями кафедры истории Великолукского пединститута и сотрудниками музея.

Значительную роль в изучении прошлого сыграли также совместные археологические исследования, которые с 1950 года проводили краеведческий музей и Западно-Двинский отряд Славянской экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством Ядвиги Вацлавовны Станкевич⁹. Основной задачей археологического отряда являлось обследование территории области, составление подробной карты памятников археологии и их изучение. Материалы экспедиций после научной обработки и реставрации поступили в музей. В наших фондах сегодня хранится 2 544 предмета археологии, часть артефактов эпохи неолита и раннего железного века представлены в экспозиции.

Необходимо подчеркнуть, что все фондовые коллекции Великолукского краеведческого музея начали формироваться при непосредственном участии директора. Так, например, Таисия Михайловна возглавляла работу по установлению и налаживанию связей с организациями и предприятиями области. За перепиской следовали многочисленные выезды в Нелидово, Бежаницы, Западную Двину, Идрицу и другие города и поселки. Только в 1956 году были установлены контакты с 56 предприятиями и учреждениями области¹⁰.

А коллекция личных вещей и документов, принадлежавших рядовым и офицерам Великой Отечественной войны, значительно пополнилась после знакомства с участниками освобождения Великих Лук от

⁸ Жаркова Т.М. Областной краеведческий: воспоминания директора Великолукского краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 37.

⁹ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 45. Л. 1.

немецко-фашистских захватчиков. В 1959 году Т.М. Парыгина сумела наладить переписку музея с командиром 257-й стрелковой дивизии Героем Советского Союза Анатолием Александровичем Дьяконовым¹¹ и в 1960 году встретиться с ним в Москве¹². Вскоре была установлена многолетняя тесная связь не только с командиром, но и с его бойцами — участниками Великолукской наступательной операции.

Таисия Михайловна вспоминала, что для пополнения фондов сотрудники музея использовали любую возможность. Вот одна из историй, рассказанных ею: «Не забывали нас и охотники. Однажды они принесли в музей убитую сову. Думали, что с ней делать, уж очень красивая птица. Я набралась смелости сделать чучело. Литература по этому вопросу у нас была, а практического опыта никакого. Трудно было... [Но] чучело получилось... Препарировать птицу «токующий глухарь» было уже легче»¹³. Эстафету подхватили другие сотрудники: заведующая отделом природы Н.И. Егорова вместе с мужем изготовили чучела медведя и медвежонка¹⁴.

Вернемся к трудностям и проблемам, которые встречались в работе директора. С одной из них Т.М. Парыгиной справиться так и не удалось. В Годовом отчете о производственной деятельности за 1951 год эта проблема была сформулирована так: «Помещение для хранения фондов отсутствует и перспектив... не предвидится»¹⁵. Проблема со временем не разрешалась, а усугублялась. Каждый год в музейных отчетах, справках, актах отмечалось, что «помещение для фондов отсутствует»¹⁶, что «исполком городского совета после сноса здания... представил для фондов неотапливаемое помещение, совершенно непригодное для хранения памятников культуры»¹⁷, что комиссия считает «дальнейшее использование здания под краеведческий музей недопустимым»¹⁸ и т. д. Много лет спустя Таисия Михайловна подчеркивала, что у музея «по существу не было до 1956 года... стен». Она писала:

¹¹ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.

¹² Там же. Д. 68.

¹³ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолукского краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 39.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 6.

¹⁷ Там же. Д. 30. Л. 19.

¹⁸ Там же. Д. 70. Л. 13.

«Мы кочевали по берегу Ловати из одного негодного здания в другое... Первое здание вскоре снесли под строительство. Музей переехал в полусарайное помещение бывшей столовой... и его тоже снесли. Нас поместили в полуподвал маленького здания на площади Ленина... Затем выехали с первого этажа строители. Здание подлежало капитальному ремонту. На время ремонта часть экспонатов поместили в подвал дома... на проспекте Ленина. Но там случилась авария. Это было страшнейшим бедствием. Стоя по колено в ледяной воде на цементном полу, мы спасали экспонаты...

В чьи двери мы только не стучали... начиная от городских властей до Совета министров РСФСР. Ведь чтобы сохранить музейные реликвии, экспонатам необходимо помещение, в котором можно было бы поддерживать определенную температуру и влажность воздуха. Здание было (как выяснили неоднократно комиссии) без гидроизоляции с повышенной влажностью, да притом с печным отоплением. Нам обещали то одно, то другое здание...»¹⁹

В таких условиях, перебираясь из строения в строение, перевоза музейные предметы из сарая на чердак, из чердака в проходной коридор и т. д., сотрудники музея под руководством Т.М. Парыгиной уже в 1951 году подготовили две первые выставки: «Участие великолукчан в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «Восстановление и развитие промышленности Великолукской области в послевоенной сталинской пятилетке». В 1956 году музей переехал в здание на площади Ленина, где была построена краеведческая экспозиция²⁰. До этого момента многочисленные выставки устраивались в драматическом театре, в кинотеатрах «Победа» и «Родина», в клубе строителей, в воинской части, в пединституте, школах города²¹ и на других площадках.

На острую нехватку помещений много лет обращали внимание и посетители музея. Например, 6 января 1957 года один из них (подпись неразборчива) в Книге отзывов и предложений заметил: «Музей хорош, но слишком тесен»²². 20 января студенты Магаданского округа написали: «Нам очень понравился этот маленький музей»²³. 9 июня

¹⁹ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолукского краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 41–42.

²⁰ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 26. Л. 4; Д. 31. Л. 7.

²² Книга отзывов и предложений. 1956–1957 годы. Л. 14 об.

²³ Там же. Л. 15.

машинист депо Левитанус не удержался от такой оценки: «Мне очень понравились экспонаты музея, особенно отдел Великой Отечественной войны. Но помещение, в котором он находится, очень убогое, неудобное для осмотра»²⁴. В 1958 году один из великолучан (подпись неразборчива), побывав в музее, выразил свои чувства: «9 января мы с другом Тимохой посетили Великолукский музей. Музей оформлен очень хорошо. Нам очень понравилась храбрая деятельность наших отцов и дедов. Только жаль, что для такого большого заведения отпущен такой маленький дом. Думаем, что в скором будущем построят новый дом, похожий на настоящий музей. А вообще дело идет хорошо. У нас в музее очень интересно»²⁵. Старший преподаватель Псковского пединститута кандидат исторических наук Т. Проскурякова подчеркивала: «Посещение музея оставляет хорошее впечатление: удивительную изобретательность проявили сотрудники в использовании вовсе неподходящего и крошечного помещения музея. Экспозиция тщательно оформлена, хорошо продумана; видно, как кропотливо собирались имеющиеся фонды»²⁶.

Великолучане и гости города полюбили «этот маленький музей», они высоко ценили экспозицию и выставки, работу экскурсоводов. Посетители выделяли особое, «чуткое и внимательное отношение» к ним Таисии Михайловны. 27 ноября 1951 года пионеры 5«А» класса средней школы № 8 отмечали: «Директор музея с большим чувством патриота рассказала о героях, о партизанах, защищавших наш город и область. Своим докладом она вселила ребятам чувство любви к нашей области и Родине...»²⁷ 25 июля 1957 года группа учителей истории Великолукской области писала: «Благодарим работников музея и его директора Дмитриеву Т.М. за исключительный энтузиазм и душу, которую они вкладывают в дело собирания, оформления и популяризацию материала!»²⁸

Таисия Михайловна жила музейной работой и стремилась построить музей, в котором отразились бы и история города, и судьбы людей, эту историю создававших. Она пыталась как можно больше рассказать о выдающихся уроженцах края, которые служили ориентиром для

²⁴ Книга отзывов и предложений. 1957 год. Л. 13.

²⁵ Книга отзывов и предложений. 1958 год. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Тетрадь отзывов и предложений Великолукского областного краеведческого музея. 1951–1952 годы. Л. 13 об.–14.

²⁸ Книга отзывов и предложений. 1957 год. Л. 18 об.

своих земляков. Со временем ее начинания вылились в новые проекты, в музеи, которые спустя много лет открывались в Великих Луках и Великолуцком районе.

В 1950-е годы Т.М. Парыгина познакомилась с доктором математических наук, академиком Академии наук СССР, Героем Социалистического Труда Пелагеей Яковлевной Кочиной. Вскоре в музей начали поступать личные вещи первой в России женщины-математика Софьи Васильевны Ковалевской, рукопись ее романа «Нигилистка», а также книги из ее библиотеки²⁹. Тогда же Академия наук СССР по заказу музея изготовила 70 фотографий о жизни и деятельности С.В. Ковалевской. Сотрудниками краеведческого музея в Полибинском детском доме были оформлены мемориальная комната и экспозиция, посвященные математике³⁰. «П.Я. Кочина приезжала в Великие Луки, побывала в Полибине. Сбылась ее мечта. Теперь там есть мемориальный музей С.В. Ковалевской...»³¹ — вспоминала Таисия Михайловна.

В 1960 году директор музея пыталась наладить переписку и с дважды Героем Социалистического Труда директором Математического института им. В.А. Стеклова Академии наук СССР Иваном Матвеевичем Виноградовым³². В тот период ее письма не нашли отклика, но спустя много лет стараниями ее преемницы, сотрудницы, а затем директора краеведческого музея, Нины Ивановны Егоровой был «построен дом, где [сегодня] размещается Мемориальный дом-музей академика И.М. Виноградова, она же привезла в этот музей первые экспонаты из Москвы»³³.

Т.М. Парыгина (Дмитриева) подчеркивала: «Музейное дело сложное, очень интересное, благородное. В этом убедил меня 21 год музейной работы»³⁴. И не случайно даже после ухода на пенсию, в начале 1980-х годов, она приняла участие в создании музея Трудовой и боевой славы Великолуцкого сельскохозяйственного института (ныне ВГСХА), затем — в организации музея истории Сиверстской (ныне Успенской) во-

²⁹ ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 20. Л. 4; Д. 73. Л. 5, 9–10.

³⁰ Там же. Д. 49. Л. 5, 9.

³¹ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолуцкого краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 38.

³² ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.

³³ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолуцкого краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 44.

³⁴ Там же. С. 45.

лости Великолуцкого района, помогала организовывать общественный музей медицины.

Таисия Михайловна Парыгина свои воспоминания завершила такими словами: «Счастлива тем, что работой в музее могла оставить навсегда память о лучших людях многих поколений нашей малой родины, России, ее богатой истории»³⁵. Мы полагаем, что в ряду лучших людей города стоит и скромная фигура первого директора Великолуцкого областного краеведческого музея.

Источники и литература

Государственный архив Псковской области. Великолуцкое отделение (ВЛО ГАПО). Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 5.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 12.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 20.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 26.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 30.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 31.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 45.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 46.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 49.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 63.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 68.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 70.

ВЛО ГАПО. Ф. В-2349. Оп. 1. Д. 73.

Тетрадь отзывов и предложений Великолуцкого областного краеведческого музея. 1951–1952 годы // Архив Краеведческого музея города Великие Луки.

Книга отзывов и предложений. 1956–1957 годы // Архив Краеведческого музея города Великие Луки.

Книга отзывов и предложений. 1957 год // Архив Краеведческого музея города Великие Луки.

Книга отзывов и предложений. 1958 год // Архив Краеведческого музея города Великие Луки.

Жаркова Т.М. Областной краеведческий: воспоминания директора Великолуцкого краеведческого музея с 1950 по 1960 год // Краеведческий музей. Страницы истории: материалы историко-культурных чтений, посвященных 95-летию Краеведческого музея города Великие Луки / под ред. Т.П. Случаевой, С.П. Ткачевой и др. Великие Луки, 2014. С. 36–45.

³⁵ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолуцкого краеведческого музея с 1950 по 1960 год. С. 45.

*Тaisia Михайловна Парыгина.
1950–1960-е годы.
Великолукский краеведческий музей.
Материалы по истории музея.
ВКМ IV-1*

*Сотрудники Великолукского краеведческого музея.
Великие Луки. Площадь Ленина. 1950–1960-е годы.
В первом ряду слева направо: Н.И. Егорова, В.Н. Дмитриева,
Т.М. Парыгина (Дмитриева, Жаркова).
Великолукский краеведческий музей. Материалы по истории музея. ВКМ IV-1*

*Таисия Михайловна Парыгина.
1970–1980-е годы.
Великолукский краеведческий
музей. Материалы по истории музея.
ВКМ IV-1*

*Таисия Михайловна Парыгина.
1990-е годы.
Великолукский краеведческий
музей. Материалы по истории
музея. ВКМ IV-1*

*Здание Великолукского краеведческого музея.
Великие Луки. Площадь Ленина. 2002 год.
Великолукский краеведческий музей. Материалы по истории музея. ВКМ IV-1*

Александр Кондратеня

ЭКСПОЗИЦИЯ «ТИМЕ И СЕЛО ЗАХИНО» В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ГОРОДА ОПОЧКИ

Поводом создания экспозиции «Тиме и село Захино» послужил приезд в октябре 2009 года Сергея Николаевича Левандовского — внука Альберта Альбертовича Тиме, одного из владельцев турбинного завода в селе Захино, старшего научного сотрудника Русского музея Санкт-Петербурга, и Елизаветы Наумовны Кашиной — родственницы потомков по линии А.А. Тиме. Гости посетили краеведческий музей в Опочке, осмотрели остатки бывшей усадьбы и завода в Захине, поклонились могилам предков, похороненных на погосте Утреток.

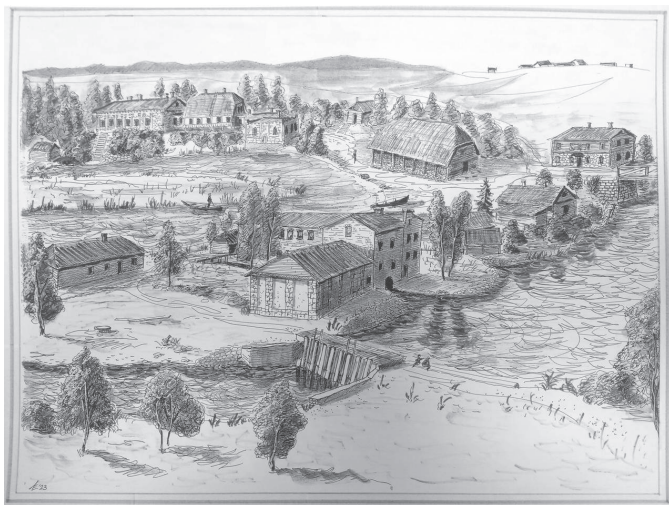
Елизавета Наумовна передала в музей альбом Бориса Альбертовича Тиме (сына Альберта Альбертовича). В альбоме находится более 120 оригинальных фотографий, посвященных семейству Тиме и селу

*С.Н. Левандовский и А.В. Кондратеня в краеведческом музее.
Опочка. Октябрь 2009 года. Из фотоархива автора*

*Экспозиция, посвященная селу Захино и братьям Тиме.
Опочецкий краеведческий музей. 25 января 2024 года. Фото автора*

*Е. Левин. Вид села Захино.
Октябрь 2023 года. Фото автора*

Захино. Сергей Николаевич Левандовский передал в подарок музею брошюру о турбиностроительном заводе, выпущенную в 1912 году, а также копии (42 штуки) нескольких интересных фотографий, посвященных роду Тиме.

Подарки потомков А.А. Тиме и стали основой экспозиции «Тиме и село Захино» в краеведческом музее города Опочки.

Экспозиция состоит из родословного древа рода Тиме; трех информационных стендов с копиями фотографий села Захино, турбиностроительного завода и других построек, плана усадьбы, семейных фотографий семейства Тиме; и двух витрин. В витринах представлены: оригинальный документ об окончании Л.А. Тиме Опочечкой советской трудовой школы имени А.С. Пушкина II ступени за 1925 год; оригинал рекламного листка турбиностроительного завода А. Тиме за 1926 год; оригинал брошюры «Турбиностроительный завод А. Тиме. Г. Опочка, Псковская губерния» (Остров, 1912); книга В.А. Тиме «Оптимизация технико-экономических параметров гидротурбин» (Л., 1976) с автографом автора от 11 декабря 1976 года; воспоминания Л.А. Тиме с приложениями, напечатанные в Санкт-Петербурге в 1998 году, с дарственной надписью краеведческому музею города Опочки, сделанной 19 июля 2002 года, от потомков Тиме; книга «Художники и Ленинградский металлургический завод» (Л., 1985) с дарственной надписью краеведческому музею города Опочки от 28 июня 2014 года от Альберта Владимировича Тиме, в которой помещены портреты А.А. Тиме (1922) и В.А. Тиме (1940-е). Автор портретов архитектор Л.В. Руднев.

В 2023 году экспозиция пополнилась графической картиной «Вид села Захино» (музей получил ее в дар от автора картины — Е.Б. Левина, прямого потомка Эдуарда Тиме), а также новыми оригинальными фотографиями, касающимися села Захино и Тиме, из переданного потомками Селюгиных в краеведческий музей фотоальбома «Род Селюгиных».

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЭКСПОЗИЦИИ
«ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ПЕТРОВА»
В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «БОЛЬШИЕ ВЯЗЕМЫ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ СПОДВИЖНИКУ ПЕТРА I, БОЯРИНУ,
КНЯЗЮ БОРИСУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ГОЛИЦЫНУ

Князья Голицыны владели усадьбой Вяземы с 1694 по 1917 год. Первым владельцем из них является князь Борис Алексеевич Голицын (1694–1917), воспитатель (дядька) Петра I, а в ранние годы правления Петра I один из его главных вельмож, являвшийся правой рукой царя и исполнявший должность судьи Приказа Казанского дворца до самого его закрытия. Ко двору он был приближен еще во время правления царя Алексея Михайловича, при котором был возведен в чин стольника. Князь Борис Алексеевич Голицын был назначен воспитателем (дядькой) к малолетнему царевичу Федору Алексеевичу, а при его царствовании был определен в спальники и получил чин кравчего, который был одним из высших придворных чинов. В воспитатели малолетнего царевича Петра князь Борис Алексеевич Голицын был определен по инициативе своей матери, царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, которая ценила его за образованность и ум. Князь Борис Алексеевич Голицын знал несколько иностранных языков, включая латынь, которую в то время мало кто знал — латынь воспринималась как враждебный язык, связанный с католичеством.

Усадьбу Вяземы Петр I подарил своему сподвижнику за особые заслуги.

У царя Федора Алексеевича детей не было, и после его смерти в 1682 году престол должны были унаследовать его братья, царевичи Иван Алексеевич и Петр Алексеевич. Иван Алексеевич был инвалидом с детства и неспособен к царствованию, Петр был малолетним, и кроме того, он рожден от второй жены царя Алексея Михайловича Натальи Кирилловны Нарышкиной, которая первоначально официально царицей не считалась. Царевич Иван Алексеевич был рожден от Марии Ильиничны Милославской, которая официально царицей была. При выборе царя образовались две партии — так называемые партия Ивана и партия Петра. К последней принадлежал князь Борис Алексеевич Голицын.

Кроме того, Петр I был благодарен своему воспитателю за поддержку при стрелецких волнениях 1689 года, когда начальник Стрелецкого приказа Федор Шаковитый организовал поход на Преображенский дворец, в котором Петр I жил. Князь Борис Алексеевич Голицын встретил стрельцов и отговорил от заговора, но предупредил Петра I о возможной опасности и посоветовал ему удалиться в Троице-Сергиев монастырь. Туда же он отправился сам вслед за Петром I и управлял царской резиденцией. По делу о заговоре было организовано следствие, которое проводил князь Борис Алексеевич Голицын.

В дальнейшем князь Борис Алексеевич Голицын участвовал во всех начинаниях Петра I — в Кожуховских маневрах, когда командовал третьей ротой, а также в Первом Азовском походе, в котором командовал низовой конницей. При строительстве кораблей для Второго Азовского похода князь Борис Алексеевич Голицын инспектировал верфи в Воронеже и на Среднем Дону. Когда началось строительство флота, Петр I организовал кораблестроительные «кумпанства», одно из которых возглавил князь Борис Алексеевич Голицын. В 1699 году князь Борис Алексеевич Голицын принял участие в посольстве к турецкому султану. Посольство было организовано на кораблях «Благое начало», «Безбоязнь» и «Соединение», построенных на Среднем Дону.

Князь Борис Алексеевич Голицын также руководил строительством канала между Волгой и Доном, которое окончилось неудачей. Одной из причин неудачи было то, что князь Борис Алексеевич Голицын был противником постройки канала и саботировал его. Строительство канала Петр I закрыл и сосредоточил внимание на подготовке к войне со Швецией. При подготовке к Полтавской битве князь Борис Алексеевич Голицын комплектовал драгунские полки и вел дела с калмыцким ханом Аюкой, который предоставлял войско для битвы.

В усадьбе Вяземы князь Борис Алексеевич Голицын восстановил церковь, простоявшую сто лет без службы, а также заказал для нее иконы у царских изографов и резной деревянный иконостас. Церковь была переосвящена. Она была построена при Борисе Годунове и первоначально называлась в честь Живоначальной Троицы, но в Смутное время она была осквернена. При князе Борисе Алексеевиче Голицыне она получила название Преображения Господня. Кроме того, он построил каменный дворец, который при правнучке князя Бориса Алексеевича Голицына, князе Николае Михайловиче Голицыне, был обращен в Конный двор.

В апреле 1713 года князь Борис Алексеевич Голицын удалился в монастырь Флорищева Пустынь, находящийся рядом с городом Гороховец Владимирской губернии. В иночестве он принял имя Боголепа (такое же имя при пострижении в монахи принял и Борис Годунов). В апреле того же года он скончался и был похоронен рядом с алтарем Успенского собора монастыря Флорищева Пустынь.

Биография князя Бориса Алексеевича Голицына отражена в экспозиции «Птенцы гнезда Петрова», открытой на мансардном этаже Конного двора. Сбор материалов для составления концепции экспозиции начался в 2004 году в ходе подготовки к ежегодной конференции «Хозяева и гости усадьбы Вяземы» (Голицынские чтения). При подготовке статей использовались материалы, хранящиеся в Государственной Публичной исторической библиотеке, а также в Отделе письменных источников Государственного исторического музея и в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Живописный портрет князя Бориса Алексеевича Голицына является копией портрета, хранящегося в фондах Гатчинского дворца-музея и, предположительно, ранее входившего в состав экспозиции музея-усадьбы «Дубровицы», существовавшего в 1920-х годах и закрытого в 1930-х. Бюст князя Бориса Алексеевича Голицына выполнен скульптором А. Козининым.

Работа по комплектованию экспозиции началась в 2017 году. Из фондов музея-заповедника «Вяземы» были отобраны гравюра «Избрание на царство Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича», «Триумф на взятие Азова», а также живописная работа современного художника «Полтавская битва». Для отражения истории деятельности князя Бориса Алексеевича Голицына по восстановлению усадебной церкви использованы материалы архива Музея истории архитектуры имени А.В. Щусева. Рядом экспонируются копии икон работы царских изографов — «Енох и Мелхиседек», «Богоматерь на троне» и «Царь Иосиф и Преподобный Иаков». Оригиналы икон, предположительно, хранились в музее «Новодевичий монастырь». Фотография церкви Знамения Пресвятой Богородицы в усадьбе «Дубровицы» взята из монографии П.С. Шереметева «Вяземь», изданной в 1916 году. В экспозиции также представлена копия титульного листа и первой страницы учебника латинской грамматики голландского просветителя Генриха Вильгельма Лудольфа. Кроме того, из фондов музея-заповедника «Вяземы» в экспозицию была помещена табакерка, подаренная Петру I во время Великого Посольства. Из фондов музея «Вяземы» был также предоставлен ряд

печатных изданий, в частности, «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова и издание 60-х годов XIX века неоконченной повести А.С. Пушкина «Арап Петра Великого». Учебник хранится в Музее книги при Российской Государственной библиотеке. Копия плана Новодвинской крепости была заказана в музее-заповеднике «Коломенское» — оригинал хранится в домике Петра I, привезенном в 1932 году из Архангельска и восстановленного под руководством П.Д. Барановского.

Фрагменты белокаменной короны с центральной главы церкви Преображения Господня до начала работ по экспозиции «Птенцы гнезда Петрова» хранились в подвале храма. Первоначально в экспозиции было представлено три фрагмента короны. В настоящее время корона собрана полностью и находится рядом с оградой Преображенской церкви на территории Конного двора.

Экспозиция будет расширена по мере дальнейшего изучения биографии князя Б.А. Голицына. Очередной этап исследований — изучение деятельности князя Бориса Алексеевича Голицына по созданию российского флота.

**ПУБЛИКАЦИИ С.С. ГЕЙЧЕНКО
В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ»
ЗА 1980-Е ГОДЫ**

Журнал «Русский язык за рубежом» издается с 1967 года и хорошо известен русистам во всём мире.

1980-е годы отмечены выходом номеров, приуроченных к памятным пушкинским датам, с публикациями директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко. В третьем номере за 1987 год (год 150-летия со дня смерти поэта) в разделе «Учебный Пушкин» помещен небольшой текст, посвященный Михайловскому. В первом номере за 1989 год (год празднования 190-летия со дня рождения А.С. Пушкина) в разделе «Рассказы о советских людях» публикуются «Рассказы о Пушкиногорье. Отрывки из книг», которые предваряет информация о награждении С.С. Гейченко медалью Пушкина «за большой вклад в русскую и советскую культуру, за сохранение и увековечение наследия Пушкина». Также в этом номере помещена обстоятельная статья С. Соколовой «Хранитель Пушкиногорья».

Исторические изменения конца XX века находят отражение в названиях министерств, которым подчиняется Институт русского языка имени А.С. Пушкина, выпускающий уникальный филологический журнал. В шапке третьего номера 1987 года стоит «Министерство высшего и среднего специального образования СССР», в первом номере за 1989 год значится «Государственный комитет СССР по народному образованию». Исторические процессы оказали влияние и на характер подачи материала.

Отметим важную особенность, связанную с редакционными задачами издания. Целевая аудитория журнала — преподаватели-русисты, работающие с иностранной аудиторией, и студенты-иностранцы. Поэтому журнал ориентирован на формирование навыков чтения, аудирования и говорения у людей, овладевающих русским языком. С учетом этих методических задач в текстах статей учебного раздела стоят ударения, тематика публикаций подкрепляется богатыми для того времени иллюстрациями, вводится раздел «Комментарий», в котором дается объяснение отдельным словам и понятиям. Также в

редакционную практику изданий вошла прорывная для 1980-х технология — сопровождение опубликованных статей аудиоматериалами. Оба номера, о которых идет речь, содержат пластинки, записанные на Московском опытном заводе «Грамзапись» (фирма «Мелодия»). В журнале за 1987 год на двух пластинках находим рассказ уже тогда легендарного Ираклия Андроникова «Музей Пушкина». Третья пластинка содержит песни на стихи А.С. Пушкина: «Певец» (автор музыки А. Рубинштейн, исполняет И. Архипова, Н. Рассудова — фортепиано); «Ночь» (автор музыки А. Рубинштейн, исполняет В. Левко, М. Мунтян — фортепиано); «К фонтану Бахчисарайского дворца» (автор музыки А. Гурилев, исполняет К. Плужников, М. Мишук — фортепиано); «В крови горит огонь желанья», «Я помню чудное мгновенье» (автор музыки М. Глинка, исполняет Н. Герасимова, И. Жуков — фортепиано). В выпуске журнала за 1989 год также находятся три тонких темно-голубых пластинки: на двух — записи песен популярных на то время групп («Кино», «Браво» и других), а на третьей пластинке — «Рассказы о Пушкиногорье» С.С. Гейченко в исполнении Эммануила Виторгана.

Остановимся на каждой публикации отдельно.

В третьем номере за 1987 год рассказ о Пушкинском Заповеднике С.С. Гейченко занимает две страницы. Он сопровождается гравюрой А.С. Пушкина и фотографиями Пушкиногорья с подписями «Михайловское. Радуга», «Михайловское. На встречу с Пушкиным». В связи с тем, что номер посвящен дню памяти поэта, выбран фрагмент публикации, в котором отмечена дата — 10 февраля.

«Сего́дня 10 фев́раля в 14 часо́в 45 мину́т уда́рит ко́локол ста́ри́нного Святогóрского собо́ра и настúпит миг поминóвения вели́кого гéния земл́и Алекса́ндра Серге́евича Пу́шкина. Так быва́ет ка́ждый год в э́тот фев́ральский ско́рбный де́нь. Полто́ра ве́ка мину́ло, как нет на земл́е Пу́шкина. Но есть его живото́рный дух — его по́эзия»¹, — так начина́ется небольшо́я заметка С.С. Гейченко.

В этой публикации отмечены и важность темы памяти для культуры, и история восстановления дома Пушкина в Михайловском — таким образом, чтобы можно было ощутить эффект присутствия в нем поэта. Приведем фрагмент статьи: «Восстана́вливая дом по́эта,

¹ Гейченко С.С. «Сегодня 10 февраля...» // Русский язык за рубежом. 1987. № 3. С. 9.

я и мои товарищи стремились передать эффект присутствия в нем живого Пушкина — человека, хозяина, поэта. Когда люди уходят из жизни, после них остаются вещи — свидетели их жизни и дел; вещи бывают двух родов — рассказывающие о том, как человек ел, пил, спал (диваны, стулья, кровати, столы, кресла, посуда...), и вещи другого рода, свидетельствующие о том, о чем он думал, что делал, как трудился, мучился, любил, страдал (рукописи, документы, книги, картины, личные вещи...)»².

С методической точки зрения, этот фрагмент насыщен необходимой для разговорной практики лексикой, но она вводится в контексте важной музейной задачи — формирования атмосферы литературной усадьбы, которая должна эмоционально повлиять на каждого, кто приходит в Михайловское. Завершается статья С.С. Гейченко стихотворением А.С. Пушкина «Два чувства дивно близки нам». Три слова из этой публикации вынесены в раздел «Комментарии», ориентированный прежде всего на иностранную аудиторию: «Святогорский собор (монастырь)», «Пушкиногорье», «Псковщина (Псковская область)»³.

Статья С.С. Гейченко в журнале за 1989 год «Рассказы о Пушкиногорье. Отрывки из книг» содержит фрагменты изданий «У лукоморья» (Л., 1977) и «Пушкиногорье» («Роман-газета». 1987. № 1). Публикация снабжена богатым иллюстративным материалом: фотографиями книг директора Пушкинского Заповедника «Alexander Pushkin museum park» и «В стране, где Сороть голубая...». Также здесь размещена фотография обложки альманаха «Пушкинский край» и подпись: «Альманах «Пушкинский праздник» выпускается к торжествам, посвященным дню рождения поэта». Этот раздел журнала ориентирован на русскоязычную аудиторию и аудиторию, владеющую русским языком на уровне носителей, поэтому в основном тексте знак ударения поставлен только в одном случае: «Пушкинская повárня» — в слове, которое ушло в пассивный лексический запас.

Статья начинается с размышлений С.С. Гейченко о том, как можно восстановить дом в Михайловском, о котором осталось мало сведений в воспоминаниях современников: «...Восстанавливая Михайловский дом, я много думал о жилище Пушкина, старался представить себе, как оно устроивалось и как выглядело. Ведь сам Пушкин и его

² Гейченко С.С. «Сегодня 10 февраля...» С. 9.

³ Там же. С. 34.

друзья, бывавшие у него в деревне, так были скупы на рассказы об этом доме!»⁴

В публикации представлен путь возможной реконструкции музейного пространства, связанного с историей приезда и обустройства поэта в Михайловском. Здесь находим и размышления о том, что Пушкин с лицейских лет привык жить в одной комнате, где он чувствовал себя «собранней и крепче», и описание его жизни после отъезда родителей из Михайловского. Атмосфера усадебного бытия воссоздается на основе сохранившихся сведений о кулинарных привычках и традициях Михайловского и Тригорского. Читатели пушкинского номера узнают, что «Пушкин не был привередлив. Он любил изысканное, но охотно ел и простое. Часто предпочитал второе. Любил печеный картофель, клюкву с сахаром, моченые яблоки, бруснику, варенья, домашний суп и кашу»⁵.

Еще один фрагмент публикации С.С. Гейченко в этом номере журнала посвящен приезду поэта в Михайловское в 1835 году, когда будет написана элегия «Вновь я посетил...»: «Поэт напоминает нам, что в жизни каждого человека некоторые истины раскрываются дважды: первый раз — когда он молод, и вторично — когда накопил мудрость и жизненный опыт»⁶. В финале статьи рассказывается история гербария, собранного в Михайловском Натальей Николаевной Пушкиной и детьми Машей, Гришей, Натой и Ташей во время приезда в семейную усадьбу уже после гибели А.С. Пушкина. Этот гербарий — драгоценная реликвия музея поэта в словацком городе Бродзьяны.

В раздел «Комментарии» из этой статьи помещаются имя В.А. Жуковского, указание на факт биографии А.С. Пушкина — «там, на юге...», и девять понятий: «тракти́р», «светёлка», «гу́льбище», «дворовые», «сто́лбик с кúклоу чугúнной», «чёрная тетра́дь», «(сидеть) калачо́м (калáчи́ком)», «ма́сленица, рождество́, свято́е воскресенье», «камельо́к». Завершает публикацию «Маленькая сказка о старом дереве» С.С. Гейченко 1988 года, имитирующая разложенные машинописные страницы.

Статьи в журнале «Русский язык за рубежом» 1980-х годов — это не только иллюстрация включения в научно-образовательный контекст музейной пушкинистики, но и демонстрация профессионального диа-

⁴ Гейченко С. Рассказы о Пушкиногорье. Отрывки из книг // Русский язык за рубежом. 1989. № 1. С. 112.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же. С. 114.

лога двух деятельных современников — ректора Института русского языка имени А.С. Пушкина В.Г. Костомарова (1930–2020) и директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко (1903–1993). Ведущий филологический журнал, ориентированный на формирование представлений о русском языке и культуре у зарубежной аудитории, в памятные пушкинские даты публикует материалы о Михайловском и его хранителях. Эти публикации воссоздают дух и атмосферу пушкинских мест, красоту Пушкиногорья и наполняют любовью — любовью к пушкинскому миру.

Марина Яскевич, Эва Колларова

**ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ»
К ЮБИЛЕЮ А.С. ПУШКИНА**

В год пушкинского юбилея множество печатных и интернет-изданий посвящает этому событию свои страницы. Цель этой статьи — рассказать о том, какое важное место занимает обращение к личности и творчеству великого русского поэта в международном журнале «Русский язык в центре Европы», уникальном издании на русском языке, выходящем за рубежами России. Журнал издается в столице Словакии Братиславе. Его первый номер вышел в 1999 году во время проведения Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). С тех пор почти четверть века, вне зависимости от происходящих в мире событий, изменяющегося отношения к России и попыток отменить ее культуру ежегодно появляется и попадает в руки читателей свежий выпуск журнала.

Учредителем печатного издания является Ассоциация русистов Словакии (ARS) — организация, объединяющая русистов страны, преподавателей университетов, учителей русского языка и литературы всех видов школ, переводчиков, работников сферы науки и культуры. Одной из главных миссий этой организации и учрежденного ею журнала является укрепление позиций русской филологии и русской культуры в мире.

В состав редколлегии и число авторов статей журнала входят представители Словакии, России, Беларуси, Болгарии, Германии, Австрии, Ирландии, Чехии, Испании и других стран мира. Бессменным главным редактором является президент Ассоциации русистов Словакии профессор Эва Колларова. Во многом благодаря ее подвижнической деятельности «Русский язык в центре Европы» признан как авторитетная международная научно-методическая площадка для обсуждения актуальных проблем лингвокультурологии, методики преподавания русского языка и литературы, литературоведения, знакомства с новостями русской культуры. Особое внимание в издании всегда уделялось вопросам культуроведческого направления иноязычного образования и методики обучения иностранцев русскому языку и русской литературе, базирующегося на принципе «Изучаем язык через культуру и культуру через язык». Среди желанных гостей, интервью с которыми в разные годы публиковались

на страницах журнала, были Евгений Евтушенко, Алексей Варламов, Дмитрий Бак.

Перелистывая выпуски разных лет, мы находим неоднократные обращения авторов статей к творчеству и событиям жизни Александра Сергеевича Пушкина. Благодаря этим работам зарубежный читатель журнала — учитель, аспирант, студент — может лучше понять, почему русский человек находит у Пушкина ответы на многие вопросы бытия, почему и двести лет спустя мы вслед за Аполлоном Григорьевым говорим: «А Пушкин — наше всё»!

В качестве одного из примеров упомянем статью профессора Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина Людмилы Борисовны Трушиной «Уроки Пушкина», опубликованную в номере журнала за 2008 год. Автор делится с читателями мыслями о том, как при написании учебника «Русский язык для международного туристического бизнеса», профессионально-ориентированного учебника русского языка для иностранцев, в теме о путешествиях логической отправной точкой явилось значение и описание путешествий в жизни и творчестве великого русского поэта. А ведь действительно, Александра Сергеевича можно назвать страстным путешественником!

В «Станционном смотрителе» мы читаем: «В течение 20 лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям», а в письме к П.В. Нащокину в феврале 1833 года Пушкин признается: «Путешествие нужно мне нравственно и физически». Когда в 1954 году советскими географами была создана карта путешествий поэта, оказалось, что длина пушкинских маршрутов составила более 34 тысяч верст — это 36 тысяч километров, почти длина экватора! Сегодня на интернет-сайте Русского географического общества есть раздел, посвященный Пушкину как одному из самых известных российских путешественников XIX века. Пушкин действительно наше всё!

В номере журнала за 2022 год словацкий автор педагог Милош Казик в статье «Русская культура на уроках родного языка» говорит о необходимости диалога культур, словацкой и русской, не только при изучении русского языка как иностранного, но и на уроках словацкого языка и литературы. При этом обращение к личности Пушкина и его творческому наследию рассматривается автором как важнейшее средство, с помощью которого развиваются познавательные компетенции учащихся, их эстетико-этические чувства и отношение не только к русской, но и к собственной национальной словацкой культуре. Словацкий поэт Ла-

дислав Новомесский, сооснователь художественного высшего образования в Словакии, писал: «Творчество Пушкина оказало коренное влияние на формирование словацкого литературного языка и первых основных произведений, написанных на этом языке. Пушкин научил Сладковича и его сверстников-поэтов понимать красоту и творческую силу народа и его культуры. Непосредственно из произведений Пушкина внесен в словацкую литературу принцип гуманизма, который является основой нашего литературного развития». Вспомним, как поэт Александр Сладкович в стихотворении «Духу Пушкина», написанном в 1847 году в связи с десятилетием гибели поэта, обращается к нему: «О, Пушкин, брат души моей! Твой гений юность вдохновила...» Это пример того, что значит Пушкин для мировой культуры.

В свежем номере журнала «Русский язык в центре Европы» пушкинской теме посвящено несколько публикаций: «Читая вслух: к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина» Валерия Прозорова (Россия); «МИР» и Пушкин» Елены Еременко (Германия); «Разговор о важном. Михайловское накануне юбилея» Георгия Василевича (Россия), Эвы Колларовой (Словакия), Марины Яскевич (Россия).

Открывает журнал статья профессора Саратовского государственного университета Валерия Владимировича Прозорова «Читая вслух: к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина». Поводом к ее написанию стал проект «Пушкинская мозаика», объединивший студентов Саратовского университета — будущих педагогов, филологов, журналистов — и их преподавателей. Каждый из участников проекта готовит выступление, чтение вслух любого выбранного им пушкинского текста, и дает к нему комментарий, объясняющий мотивы выбора. Результаты конкурса будут опубликованы на университетском сайте ко Дню русского языка — Дню рождения поэта.

Размышляя об идее «Пушкинской мозаики», автор убежденно говорит о том, что «улавливать сокровенные смыслы поэтического слова нам дано, только вслушиваясь в это слово, произнося его вслух и пробуя различить, почувствовать и уразуметь звучащую явленность». Для изучающих русский язык иностранцев чтение вслух, выразительное чтение — «это верное, непосредственно эмоциональное проникновение в иную культуру мысли и чувства», «попытка проникновения в текстовую глубину и ширь».

Сам автор, как участник «Пушкинской мозаики», для чтения вслух выбрал два совершенно разных произведения, как он пишет — «на кон-

трасте». Первое — это записанный Пушкиным анекдот, посвященный великому государственному деятелю России Екатерининской эпохи Григорию Александровичу Потемкину. Этот текст мало знаком студентам. А второе — всем известное и одновременно одно из самых загадочных стихотворений в пушкинском наследии «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (21 августа 1836 года).

Очевидно, что поиск подходов к выразительному чтению таких разных текстов Пушкина, к их воспроизведению вслух потребовал значительных усилий. Автор приводит чрезвычайно интересное описание творческого процесса, который позволил ему воспроизвести вслух каждое из произведений поэта так, чтобы уловить скрытые смыслы пушкинского слова и передать их слушателям.

Еще одна статья нового выпуска журнала называется «МИР» и Пушкин». Автор Елена Еременко, преподаватель-русист из Германии, описывает издательский проект, реализованный в честь Пушкинского юбилея одной из старейших русскоязычных организаций Германии — Мюнхенским обществом MIR/«МИР». Изданный в Мюнхене календарь «Сказки Пушкина» уникален тем, что вместе с текстами сказок на русском языке в нем с любовью представлена связанная с ними пушкиниана во всей своей многогранности. Действительно, Пушкин живет не только в созданных им произведениях, но и в их переводах на иностранные языки, и в музыке и живописи вдохновленных его творчеством композиторов и художников.

Представленные в календаре тексты сказок на русском языке сопровождаются переводами на немецкий язык, сделанными русистами Германии. Издание иллюстрировано работами художников, чьи имена составляют славу русской живописи. О каждой упомянутой в календаре персоне приводится редкая информация. Читатель узнает, что, например, Иван Билибин — выпускник художественной школы в Мюнхене, а Иван Голиков — учредитель Артели древней живописи Палеха. «Сказка о Царе Салтане» отсылает к имени Римского-Корсакова, к истории постановки его оперы в театре Саввы Мамонтова и к связанным с этой постановкой работам Врубеля. Благодаря Пушкину мюнхенский календарь становится своеобразным проводником в мир русской культуры для всех любящих и изучающих русский язык в Германии.

Год 225-летнего юбилея со дня рождения Поэта — знаковый для михайловской пушкинианы. Исполняется 200 лет со времени приезда Пушкина в михайловскую ссылку и 125 лет с тех пор, когда благодаря

всенародной любви к поэту и благородной инициативе российской общественности было положено начало созданию в Михайловском музея. Не случайно одной из центральных в новом выпуске журнала стала статья под названием «Разговор о важном. Михайловское накануне юбилея». Авторы — гость журнала, директор Михайловского Георгий Николаевич Василевич, главный редактор журнала «Русский язык в центре Европы» Эва Колларова (Словакия) и член редакционной коллегии Марина Ивановна Яскевич в жанре беседы обсуждают историю, сегодняшний день и значение для русского языка, русской и мировой культуры уникального музейного комплекса — Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник). Михайловское называют поэтической родиной Александра Сергеевича Пушкина, ведь именно здесь в годы своего пребывания в родовом имении матери молодой Пушкин стал великим русским поэтом.

Как начинался музей? Как строилось Семеном Степановичем Гейченко с соратниками это удивительное место? Каковы сегодняшние музейные будни и праздники? Что из созданного за три последних десятилетия служения Михайловскому видится самым сложным и важным его директору? Кто они, преданные Михайловскому «почти четыреста человек единомышленников», и что лежит в основе гармоничного звучания этого огромного оркестра? Почему место, в котором родился современный русский язык, кажется идеальным для его изучения? Почему мы вправе утверждать, что «Михайловское — место проверки и воспитания чувств; это пространство, без которого нет полноты чувства Родины. Здесь каждый человек способен заново открыть себя, свои возможности. Это, если хотите, — родина всех, кому близок русский язык, кто слышит в русской поэзии ее божественное начало»? Получить ответы на эти и многие другие вопросы, полюбоваться иллюстрирующими статью замечательными фотографиями Пушкинского Заповедника, узнать, что ждет гостей в юбилейные дни, сможет международная читательская аудитория журнала.

С 2022 года журнал «Русский язык в центре Европы», следующий принципу «Изучение языка через культуру, культуры через язык», представлен в Научной электронной библиотеке ELIBRARY и включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Архив макетов журнала размещен на сайте Ассоциации русистов Словакии по адресу: <http://www.arsk.sk/casopisy/>.

Елена Сабурова

**В ДИАЛОГЕ С ПУШКИНЫМ
СКВОЗЬ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО:
ПУШКИНСКИЕ ПРОЕКТЫ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА**

Друзья мои, прекрасен наш союз!

А.С. Пушкин

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно...»
Я, Елена Вячеславовна Сабурова, потомок А.С. Пушкина в шестом поколении по линии старшего сына А.С. Пушкина — Александра Александровича.

Работаю в библиотечной системе Объединения культурных центров Центрального округа города Москвы¹ и параллельно веду с партнерами международные проекты «В диалоге с Пушкиным сквозь время и пространство».

«Когда душа с душою говорит...»

Для меня Александр Сергеевич — это не просто мой прапра... прадед, но и некая путеводная звезда, чародей русского языка и камертон русской души, родник чистой и созидательной энергии. Человек вне времени и пространства.

Моя активная международная проектная деятельность, связанная с именем Александра Сергеевича, началась в 2023 году, и связана она с событиями, происходящими сейчас в мире. В 2023 году я прошла тропой А.С. Пушкина, собирая свой генный код, посетила ряд регионов: Калмыкию, Армению, Татарстан, Белоруссию... Интересно, что благословение на свою деятельность от своего великого предка я получила именно здесь, побывав в сентябре 2022 года в Михайловском. Моя миссия сегодня — быть проводником пушкинского рода, объединяющая и сплачивающая людей вокруг имени А.С. Пушкина во благо всего человечества.

Пушкинские проекты направлены на популяризацию русского языка и литературы, укрепление духовно-нравственных ценностей,

¹ ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЦАО».

развитие и поддержку талантливых детей по всему миру. Обмен опытом через призму произведений А.С. Пушкина становится особенно актуальным в наши дни, когда нужно сохранить русский дух и русскую культуру во всём мире.

В рамках проектов пройдут мастер-классы по литературному творчеству, конкурсы чтецов, передвижные выставки, театральный марафон, фестиваль «День русского языка», Пушкинские елки и многое другое.

Здесь я хочу остановиться на главных направлениях моей международной деятельности.

Часть пушкинских проектов проходит совместно с Государственной Думой, Фондом «Русский мир» и Ростовским общественным движением в поддержку одаренных детей и талантливой молодежи «Синергия талантов».

В рамках проекта «Международная коммуникативная платформа популяризации русского языка и литературы «Диалог с Пушкиным» в 2023 году состоялось открытие двух международных выставок — «ПушкинАрт» и «Мой русский алфавит» в Государственной Думе.

На конкурс пришло более тысячи работ из 30 стран мира: Алжир, Армения, Беларусь, Великобритания, Донецкая Народная Республика, Египет, Замбия, Иордания, Ирландия, Казахстан, Камерун, Катар, Кыргызстан, Ливан, Мексика, Молдова, Монголия, Палестина, Польша, Приднестровье, Россия, Сербия, Сирия, Таджикистан, Тунис, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Хорватия, Эстония, Южная Осетия.

По результатам конкурса экспертным советом было представлено в Москве по 50 лучших работ.

Сейчас эти работы участвуют в передвижных выставках в Москве по библиотечным площадкам Центрального округа. Язык слова и язык творчества очень тесно связаны. Через Пушкина, через его творчество мы зажигаем и раскрываем сердца людей, наполняя их любовью и красотой.

В декабре 2023 года в усадьбе «Лопасня-Зачатьевское» прошла Пушкинская елка, которая была украшена рукотворными елочными игрушками, сделанными детьми из разных стран мира по произведениям А.С. Пушкина.

Усадьба «Лопасня-Зачатьевское» тесно связана с именами потомков А.С. Пушкина, которые были здесь частыми и желанными гостями на протяжении многих десятилетий. На ее территории находится некрополь потомков А.С. Пушкина. Здесь покоятся старший

сын поэта Александр Александрович Пушкин, его супруга Софья Александровна.

8 февраля в усадьбе прошел конкурс художественного слова среди старшекласников. В течение нескольких часов школьники состязались в прочтении любимых произведений Пушкина и произведений о Пушкине.

Я очень люблю Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, где обучаются студенты из многих стран мира, и тесно с ним сотрудничаю. В ноябре 2023 года в рамках научно-практической конференции в институте имени А.С. Пушкина прошел круглый стол «Пушкин и Африка», где я принимала участие.

Отдельно хочу остановиться на моей деятельности, связанной с Ассоциацией «Содружество образовательных организаций имени А.С. Пушкина и педагогов».

В сентябре 2023 года исполнилось 190 лет со дня пребывания А.С. Пушкина в Казани. В память об этих знаменательных событиях, вошедших в летопись города, в Казани прошел Международный форум педагогических работников и управленческих кадров образовательных организаций имени А.С. Пушкина.

В июне 2023 года на базе Лицея № 9 имени А.С. Пушкина Зеленодольского муниципального района Республики Татарстан была образована Ассоциация «Содружество образовательных организаций имени А.С. Пушкина и педагогов». Она создана в целях популяризации изучения русского языка и литературы в образовательных организациях Российской Федерации, странах СНГ и мира, поддержки образовательной и социокультурной деятельности обучающихся и педагогов, продвижения инновационных идей, учитывающих специфику учебных заведений имени А.С. Пушкина, сохранения и укрепления российских и общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Я как потомок А.С. Пушкина являюсь руководителем Попечительского совета Ассоциации. Руководитель Ассоциации Алия Юнусовна Шагаева — директор Лицея № 9 имени А.С. Пушкина в Республике Татарстан.

В состав Ассоциации сейчас входит 52 высшие и средние образовательные организации из России, стран СНГ и мира.

В юбилейном году нами предусмотрены следующие Пушкинские проекты: «Онегинские чтения» — конкурс научно-исследовательских и творческих работ по произведениям А.С. Пушкина, арт-конкурс

«Есть у каждого свой Пушкин», театральный фестиваль «Болдинская осень», Пушкинские елки, единый диктант «Пишем «Мир» по А.С. Пушкину» в рамках БРИКС и многое другое.

В январе этого года в Лицее прошел Пушкинский бал по «Пиковой даме» — в 2023 году исполнилось 190 лет с момента написания этой повести.

В декабре 2023 года приказом Министерства просвещения РФ наша площадка признана федеральной инновационной площадкой. Наследие А.С. Пушкина выступает как основа модели формирования, сохранения и укрепления российских традиционных духовно-нравственных ценностей в общеобразовательной организации. Пока эта модель будет опробована на семи площадках.

Эльмира Мухтярова

**УЧАСТИЕ ВОЛОНТЕРСКИХ ДОБРОХОТСКИХ ОТРЯДОВ
«ДРУЗЬЯ ПУШКИНОГОРЬЯ»
В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОУСТРОЙСТВЕ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
В РАМКАХ ДОБРОХОТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
«ДЛЯ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ»**

Пушкиногорье — такое место, в котором душа поэтически настраивается на высокое и благородное, учится миру, тишине, покою, ладу.
Счастье, великое наше счастье, что до сих пор можно вслед за предками, за Пушкиным, за своими друзьями приехать в Пушкиногорье.

Георгий Василевич

Доброхотский отряд «Друзья Пушкиногорья» Лицея № 78 имени А.С. Пушкина города Набережные Челны Республики Татарстан на протяжении 33 лет ежегодно принимает активное участие во Всероссийском движении пушкинских доброхотов.

Свою доброхотскую деятельность педагоги и учащиеся нашего лицея начали в 1990 году, когда был создан классический лицей имени А.С. Пушкина в Набережных Челнах. Организовали это благородное дело энтузиасты — первый директор лицея Роза Касимовна Шушкевич, заместитель директора Ольга Николаевна Горячева и учитель физкультуры Павел Григорьевич Столбов.

Их начинание подхвачено нами, учителями, позднее ставшими руководителями отряда. За эти годы сотни лицеистов получили ту самую «пушкинскую прививку», о которой говорил Степан Семенович Гейченко.

В течение трех недель доброты Набережных Челнов оказывают безвозмездную экологическую помощь музею-заповеднику, посещают экскурсии в усадьбах Петровское, Тригорское, Михайловское, Бугрово, где знакомятся с содержанием экспозиций и собирают интересный фактический материал по пушкинской тематике для написания научно-исследовательских, проектных работ. Эти работы ребята

представляют на Всероссийском открытом конкурсе исследовательских работ и проектов «Пушкинские чтения», который ежегодно проводится в нашем лицее в дни весенних каникул. Интеллектуально-образовательная ценность добротства налицо.

Добрототский отряд в лицее формируется задолго до летних каникул. Добрототами ребята становятся по собственному желанию, но одного желания недостаточно, нужно в полной мере прочувствовать, что значит быть добрототом. Для этого уже на линейке 1 сентября каждый год добрототский отряд рассказывает всем лицеистам о целях и итогах поездки, делится своими впечатлениями и эмоциями с каждым, начиная с пятиклассника и заканчивая присутствующими родителями. Таким образом, зная об этой традиции и видя конкретных сверстников-добрототов, дети начинают задумываться о своем участии в волонтерском движении на пушкинской земле.

К началу года добрототы выпускают стенгазеты с фотографиями, иллюстрирующими их жизнь в Пушкиногорье. К их подготовке ребята подходят творчески.

Еще раз, более подробно отряд выступает на линейках, рассказывая о работе, которую необходимо выполнять в Заповеднике, о качествах характера, без которых нельзя обойтись в этой поездке. При этом ребята составляют выступление сами, руководствуясь своим представлением о том, что и как нужно донести своим сверстникам.

Звание добротота обязывает к соответствующему поведению, образу жизни и гражданской позиции. Неслучайно в последние годы список будущих добрототов формируется теми их сверстниками, которые уже побывали в Заповеднике и познали на своем опыте всё то главное, из чего складывается образ настоящего добротота. Проводится собеседование самими ребятами, после чего желающий стать добрототом получает или не получает рекомендацию в отряд будущих добрототов.

Задача, которая стоит перед добрототами, — сберечь для будущих поколений уголок своей земли, научиться жить, не нарушая гармонии и красоты во всём, что нас окружает. Это верный путь сделать так, чтобы своими руками дети возвращали красоту и порядок на родную землю, творили добро пусть даже в маленьком ее уголке. Как меняются лица ребят, их взгляд на мир, когда они возвращаются из добрототской поездки: глаза светятся добром, желанием и дальше делать что-нибудь полезное и, конечно, вернуться еще раз в эти благословенные места...

Вот несколько строк из дневника доброхота:

«Проливной дождь сопровождал нашу работу, но мы всё-таки справились со своими обязанностями — помогли местному мельнику почистить валуны около водяной мельницы. Как мы рады!»

«К 9 часам нужно на работу (пунктуальность никто не отменял)».

«Работая на озере, ненароком подслушиваешь слова экскурсоводов. Один из них рассказывал о нас так: «Эти дети приезжают к нам каждый год и помогают нашему Заповеднику, мы называем их доброхотами». Это было очень приятно».

«Общаясь с людьми, вы параллельно облагораживаете Заповедник. Да, звучит скучно... Но когда видишь результаты своей работы, слышишь похвалу туристов, проходящих мимо, желание что-то делать появляется само, и время летит намного быстрее».

«Мы пришли к выводу, что все изменились в лучшую сторону благодаря этому доброхотскому сезону. А завтра последний день пребывания в Пушкиногорье. Но мы всё еще пытаемся глотнуть воздух этих мест в последний раз».

«Попрощавшись с Михайловским, олды с болью в сердце наблюдали за тем, как родные места удаляются в окне».

«Получивший «пушкинскую прививку» однажды уже никогда не сможет забыть ни пушкинских мест, ни атмосферы, царившей в лагере. Пушкиногорье — это место, где каждый человек отдает и принимает, где любой может попросить помощь и ему не откажут».

«Если бы у меня была возможность, я бы возвращалась сюда каждый год. Это место заставляет тебя задумываться и переосмысливать какие-то вещи. Ты становишься мудрее в каких-то моментах, а на какие-то вещи смотришь проще».

«Лично для меня Пушкиногорье — это трехнедельная прокачка твоего собственного Я. Думаю, это было лучшее время в моей жизни. Спасибо всем и каждому за него».

«Прекрасная природа Пушкиногорья покорила меня больше всего. Надеюсь, что каждому выпадет шанс побывать в этом месте, поработать в Заповеднике, дружно попеть песни под гитару около костра, посетить интересные экскурсии по пушкинским местам».

«Пушкиногорье меняет людей. Если вы думаете, что одной поездки туда хватит, то глубоко ошибаетесь. С первого дня моей жизни на природе, в Пушкинском Заповеднике, я поняла, что обязательно сюда вернуться. Я никогда раньше не жила в палатке, не спала в спальном мешке, не ела

еды, приготовленной на костре... никогда не была доброхотом. Теперь я являюсь одним из них!!! Это так важно для меня!»

«Никогда не забуду эти захватывающие дух места, работу на земле нашего великого соотечественника, постоянные разговоры, закаты и песни у костра. Мы все изменились за это время, и все в лучшую сторону, ведь эти места обладают особой магической силой».

«Самая приятная работа — труд во благо Заповедника. Самые красивые закаты — в Тригорском. А самое доброе утро начинается не с кофе, а с шага по росе».

«Живя и работая на природе, воспетой Пушкиным, мы видим вокруг себя красоту. В душу приходят умиротворение и покой. За это время каждый доброхот успел получить особую «пушкинскую прививку», благодаря которой хочется вновь возвратиться сюда».

«Мне хочется возвращаться сюда снова и снова, чтобы получить всё то, ради чего я уже приезжал сюда когда-то впервые... уверен в том, что я еще обязательно посетю эти прекрасные места в Псковской области под названием Пушкинские Горы. Спасибо!»

Ребята, получившие после посвящения значок доброхотского движения, расценивают его как награду за свой труд, за те положительные качества, которые они проявили, находясь на территории Заповедника. С гордостью они носят значки и в лицее.

«Командный дух здесь — это нечто большее, чем совместная работа, это — сплоченность мыслей и действий».

«Все помогали друг другу выполнять тяжелую работу. Мы очень сдружились с ребятами, они стали для меня людьми с большой буквы, готовыми помочь и прийти на помощь, простить какие-то вещи».

«Благодарю всех, кто был рядом на протяжении всей поездки. Вы стали для меня такими родными, я вас всех очень полюбила».

«Спасибо за жизненный опыт, который вы помогли мне приобрести, он неоценим».

«Если вы хотите найти настоящих друзей, которые, по словам некоторых боссов, останутся с вами на всю жизнь, езжайте и еще раз езжайте!!!!»

«Я раз и навсегда поняла, что в Пушкиногорье не ездят плохие люди. Никогда не видела такой отдачи со стороны своих знакомых. Ты просто идешь за водой, а возвращаешься в компании ребят, ведущих увлекательную беседу. Даже чистка черного ведра превращается в нечто большее, когда ребята, которые сегодня не дежурят,

подходят к тебе со словами: «Подвинься-ка, сейчас быстро вместе дочистим».

«Такое ощущение, что все доброхоты и наши боссы сплотились в одну большую семью».

«Слаженность работы впечатлит любого».

«Я сделаю всё, что в моих силах и даже больше».

Значимая для подростков потребность в принадлежности к какой-то группе, разделяющей их интересы, говорящей на их языке, удовлетворяется самым положительным путем через доброхотство.

«Как же мы радовались любым мелочам! В Пушкиногорье произошла некая переоценка ценностей». Так ребята отметили еще одно значимое преобразование в их мышлении и взгляде на мир, произошедшее во время доброхотского похода.

«Сейчас я понимаю, что мелкие проблемы в виде комаров, зеленого друга и холодненькой воды — это ничто. Ничто по сравнению с теми яркими эмоциями, полученными за всё время пребывания в Пушкиногорье».

«Плохая погода нипочем нашим доброхотам, закаленным телом, закаленным духом!»

«С хмурого неба падают редкие тяжелые капли. Уютно...»

«Каждый день у нас считается ясным и прекрасным. Лично для меня навсегда исчезло понятие «плохая погода». Здесь я поняла, что в любом явлении природы есть свои прелести».

«Ох, баня! Сколько же сладости, наслаждения и неги в этом слове! Для доброхотов — в особенности».

«Протоптанная посреди высокой травы тропинка ведет нас к родному костру и палаткам. Начинается послебаный отдых. Спутники того отдыха — чай, сухари и блаженство».

«Приятно было поздравлять наших именинников, дежурные сделали для нас праздничный торт из печенья, варенья, сгущенки и скитлса. Кажется, что вкуснее я ничего не пробовал».

Нравственные и культурные ценности личности, которые в наше время среди подростков являются ценностями не первого порядка, безусловно, формируются в поездке в Пушкиногорье. Эстетические чувства, видение прекрасного в мелочах и в большом проявляют ребята на земле великого поэта России.

«Из-за более-менее солнечной погоды и влажного воздуха образовалась радуга, которая полностью находилась на территории

лагеря, и мы видели, как ее край упирается в дорожку в метре от палатки боссов».

«В половину десятого вечера мы пошли на Савкину горку!!! Так красиво!»

«На Савкиной горке мы попели песни и провели «свечку», глядя на прекрасный вид с горы. Красотой и умиротворением закончился наш день».

«Поразил спектакль московского режиссера «Борис Годунов» на свежем воздухе. Представление запомнилось всем великолепной задумкой и проникновенной игрой молодых актеров».

«Доброхоты искусно прочли произведения великого поэта. К ним же присоединились наши друзья из Зеленограда. Выступающие ребята покорили сердца каждого из присутствующих в зале».

«Михайловское поразило нас своей многовековой историей, и мы, конечно, прониклись красотой этой местности».

«Посетили мастер-класс, посвященный няне Александра Сергеевича, и посмотрели концерт народного ансамбля. Тепло стало на душе...»

Доброхотство можно рассматривать и как направление патриотического воспитания. Мы живем на территории Татарстана, где в годы Великой Отечественной войны непосредственно боев не происходило. Детям действительно трудно представить, что там, где их дом, когда-то землю топтали сапоги врагов. Поэтому рассказ экскурсоводов о времени оккупации Пушкиногорского района фашистами, о том, какой урон культуре и исторической памяти нашего народа нанесли бомбежки, прохождение по линии немецких укреплений, момент, когда все как один склонили головы около мемориального камня — памятника Неизвестному советскому солдату-освободителю — всё это оставило неизгладимое впечатление в памяти доброхотов.

Десятиклассник написал: «Многие и не задумывались о том, что завтра их привычная жизнь может закончиться, что всё сгорит в огне фашистских захватчиков».

В колонии литераторов экскурсия была посвящена легендарному директору Пушкинского Заповедника Семену Степановичу Гейченко. Девушка, окончившая девять классов, написала обращение к своим сверстникам в дневнике доброхотов: «Я настоятельно рекомендую выделить несколько минут своего времени, зайти в интернет и прочитать о Гейченко. Я была поражена, насколько сильно у этого человека раз-

вито чувство патриотизма. Когда я смотрела фильм, слышала его голос, углублялась в его мысли, в каждом сказанном им слове, предложении, я чувствовала любовь. Любовь к родному языку, к Родине, к своим соотечественникам, к родным просторам, к произведениям, в которых так ярко отражена обыденная жизнь, ее плюсы и минусы. Мысль о том, что, живя в Михайловском, он не может даже посмотреть на дом Пушкина, прикоснуться к нему, посмотреть на эту живописнейшую местность его глазами, не давала Семену Степановичу покоя. Думаю, этот факт у любого из читающих вызовет уважение».

Это ли не доказательство сильнейшего воздействия на чувство патриотизма личности человека, о котором дети узнают, став доброхотами? Доброхотство как направление патриотического воспитания, безусловно, значимо для лицеистов.

В какой-то мере национальная идентификация происходит и на этой земле.

«Я всей душой полюбила этот край, этих людей, эту обстановку, эту атмосферу».

«Там русский дух, там Русью пахнет», — здесь действительно живут искренние, добродушные люди — россияне».

«Все мы россияне, все мы — один народ. Поэтому любите друг друга, люди».

Значит, дошли до сердца доброхотов Набережных Челнов слова экскурсоводов, красота природы и гордость за родину! Эмоциональный интеллект — значимое качество для современного человека — формируется с помощью традиции доброхотства. А значит, есть надежда, что эти ребята не составят «общество потребителей».

Центральное новообразование подросткового возраста, самосознание — внутреннее ощущение себя индивидуальностью, размышления о самом себе, о других — находят почву для расцвета во время поездки в составе доброхотского отряда. Не за горами у ребят юность! Именно здесь некоторые начинают чувствовать ее приближение.

«Этот опыт позволил мне более подумать о себе и о том, какую позицию в обществе я занимаю и могу занять в будущем. Я извлек для себя много нового и важного».

«Я изменилась после Пушкиногорья: повзрослела, стала ответственной, более открытой. Сейчас я уже по-другому смотрю на природу нашей страны: там так красиво. Я не могу наглядеться. Про закаты вообще молчу. Я их так люблю!»

«Я, кажется, влюбилась. Влюбилась в это состояние, в это место и в этих людей».

«Сейчас мы сидим у костра и поем песни с ребятами. Спасибо за этот день!»

«Вечер, переходящий в ночь, запомнился знакомством нашего добротского отряда с такими же, как и мы, соседями из Зеленограда. Мы пели песни, пили чай и узнавали новое для себя из жизни, казалось бы, разных, но в тоже время одинаковых лагерей. Пробудились со сладким послевкусием вчерашних соседских посиделок».

«Доброты чистили ведра, рассуждали на интересные темы».

«В Пушкиногорье ездят достойные».

«Подъем в 4 утра... Отъезд? В глазах стоят слезы прошедших дней, олицетворяющих юность. Вот она, самая настоящая, здесь, у меня на глазах».

«Время, проведенное на природе, воспетой Пушкиным, изменило меня. Там я приобрел то, что помогает мне жить в гармонии с собой и оберегает меня от духовного уродства, то, что Семен Степанович Гейченко назвал «пушкинской прививкой».

«Будущим добротам я желаю в случае сомнений по поводу поездки откинуть их прочь и поехать. Вы ни на секунду не пожалеете. Это бесценный опыт и память. Это ваша счастливая юность».

Преодоление себя, своих слабостей, сложностей работы и нежелания что-то делать — этот опыт бесценен с точки зрения его значимости для подростка. Ребята в дневнике доброты признаются:

«Я измучен. Сейчас идем в лагерь, прошли только полдороги, приду и сразу спать... Если дойду...»

«Мокрая и грязная работа сбивала с толку».

«На часах 8.40 и нас распределяют по рабочим местам. Я с Алией побежали доделывать этот проблемный шиповник. Уфффф... час прошел. Этот шиповник был повержен».

«Первый день — первое черное ведро. Добро пожаловать, как говорится. И второй день... и третий... ведра больше не кажутся наказанием».

Часто дети, которые побывали в добротской поездке, снова стремятся попасть в число тех, кто едет в Заповедник работать. Или мечтают об этом. Почему? Ответов на этот вопрос будет много. В лице мы начали работу по написанию книги о традиции добротства, для которой нынешние доброты брали интервью у добротов прошлых

лет, закончивших лицей в разные годы. Приведем несколько их ответов на наш вопрос.

«Доброхотство открыло для нас людей с другой стороны, мы пережили множество незабываемых эмоций, прикоснулись к творчеству А.С. Пушкина и по-настоящему прониклись им. И вот уже прошло пять лет, а мы всё еще мечтаем вернуться туда, хотя бы разочек...»

«Петровское и Тригорское — «святые» для каждого Доброхота места, которые сделали его тем, кем он стал или станет в будущем».

«Будущим доброхотам я могу пожелать только ценить время, проведенное в Пушкиногорье, и если есть возможность поехать туда еще раз, то обязательно воспользоваться этим шансом».

«Размышляю о том, что будет после. Как там будут жить следующие доброхоты... мне остается только сидеть и думать о том, что через много лет, когда пенсии отменят совсем, постаревшие боссы будут сидеть у костра и, может быть, вспомнят этот наш доброхотский сезон...»

«Лицеисты! Не пропустите эту великолепную возможность. Пушкиногорская прививка изменит вашу жизнь!»

«Пожалуй, только человек, непосредственно побывавший там в качестве доброхота, может прочувствовать и осознать истинное наслаждение от работы, открыть настоящий смысл девиза «Для общей пользы».

«Не называйте нас «бывшими», мы все всегда вместе с вами, готовы помочь, «для общей пользы!!!»

Разве сегодня это не одна из важнейших задач: воспитать человека, стремящегося быть полезным Отечеству, другу или Заповеднику? Доброхотство это делает.

Отрадно, что для нынешних доброхотов важным является уважение к труду сотрудников Заповедника.

«Большая благодарность работникам Заповедника за то, что они поддерживают такую красоту и чистоту на территории, что любой желающий может пройтись по дорожкам, по которым ходил сам Пушкин, потрогать камень конюшни, в которую ставил свою лошадь великий поэт. Это очень большой труд! Поэтому мы с радостью брались за любую работу в помощь этим людям».

«За три недели я полюбила пушкинскую землю всем сердцем. Когда видишь, с какой любовью и самоотдачей работники Заповедника относятся к своему труду, с каким огоньком в глазах они рассказывают о каждом дереве, скамеечке, травинке, трудно не зажечься этим же огоньком и остаться равнодушным к Пушкиногорью».

Музеи и организации, принимающие доброхотов, готовы к сотрудничеству: есть видение и понимание не только собственных проблем, но и тех воспитательных задач, которые заложены в бескорыстном труде. Дорого то радушие, с которым встречают ребят-доброхотов в музеях-усадебках. Мы благодарны за это!

Анализируя высказывания доброхотов и собственные наблюдения в течение всего времени, когда наши лицеисты посещают Пушкинский Заповедник с благотворительными целями, мы делаем вывод: традиция добротства формирует нравственные ценности лицеистов. К ним относятся доброжелательность, стремление совершать добрые поступки, терпимость к недостаткам и ошибкам окружающих, способность просить прощения и прощать, стремление примирять ссорящихся, не отвечать злом на зло, уважение индивидуальности личности и мнения окружающих, честность, правдивость, справедливость, способность видеть свои недостатки, признавать ошибки; осознание, уточнение целей, желаний, трудностей и проблем.

Добротство значимо для воспитания ответственности, заботливости, чуткости к людям, послушания, трудолюбия, бережного отношения к труду другого, желания радовать своим трудом людей.

В заключение приведу слова почетного директора нашего лицея Любови Петровны Заплатиной: «Если ваш ребенок между поездкой в Турцию и в Пушкиногорье выбрал Пушкиногорье, значит, вы правильно воспитали своего ребенка».

«Работы у нас хватит на всех! Эта работа несравненно благотворно сказывается на сознании ребят», — писал Семен Степанович Гейченко и поддерживал добротский труд в Михайловском, завещая продолжать традицию. Мы, конечно, тоже будем ее продолжать!

МУЗЕЙ — К ЮБИЛЕЮ А.С. ПУШКИНА

О подготовке Оренбургского губернаторского музея к 225-летию со дня рождения великого поэта

Страницы истории Оренбургского края нашли отражение в творчестве великого русского поэта. Более того, как известно, для их более полного изучения в далеком 1833 году А.С. Пушкин посетил Оренбургскую губернию. Тогда целью его приезда в нашу отдаленную провинцию стал сбор материала и воспоминаний очевидцев о развернувшемся здесь в 1773–1775 годах Пугачевском бунте, занимавшем творческое воображение поэта. Петербург — Москва — Нижний Новгород — Казань — Симбирск — Оренбург — Уральск и обратно через Симбирск в Болдино — таков маршрут путешествия А.С. Пушкина осенью 1833 года. Больше недели находился он в Оренбургской губернии, а в самом Оренбурге пробыл неполных три дня — с 18 по 20 сентября.

Прошло уже практически два столетия, но тема приезда А. Пушкина в наш край по-прежнему остается одной из значимых и интереснейших страниц региональной истории. С целью сохранения исторической памяти об этом событии и популяризации литературного наследия поэта музей на протяжении многих лет проводит работу по созданию тематических выставок и организации различных мероприятий (экскурсии, лекции, литературные и музыкальные вечера). В прошлом году, в преддверии празднования 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина, коллективом музея был подготовлен и реализован проект «А. Пушкин и Оренбургский край». Он вошел в число победителей конкурса проектов фонда «История Отечества» 2023 года по поддержке выставочной и экспозиционной деятельности.

Его итогом стали открытие 8 ноября 2023 года в зале краеведческого музея города Бузулука одноименной историко-документальной выставки и разработка виртуального тура «Пушкин едет в Оренбург». Выставочная площадка была выбрана не случайно: Бузулук стал первым населенным пунктом в губернии на пути следования А.С. Пушкина в Оренбург.

Информационные планшеты с изобразительными материалами (акварельные рисунки, графические и живописные портреты

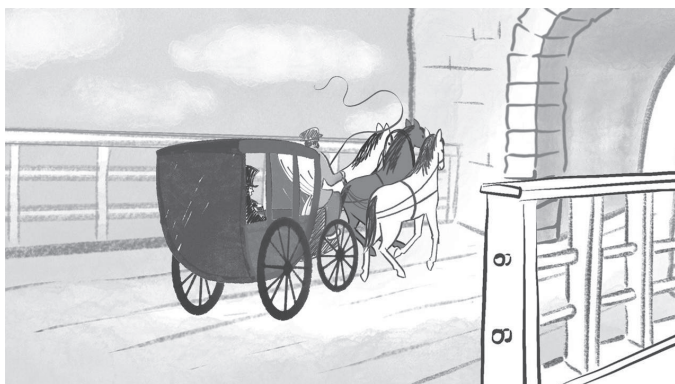
В.А. Перовского, В.И. Даля) из фондов музея и документами из российских архивов познакомили с историей оренбургского путешествия А. Пушкина, а представленные на выставке исторические реконструкции военной формы солдат русской армии, яицких казаков, муляжи пугачевских знамен напомнили о причинах и итоге Пугачевского бунта, который так интересовал Пушкина-историка. За время своего путешествия он собрал необходимые для работы архивные материалы, свидетельства очевидцев, рассказы и предания о Пугачеве. В дальнейшем из материалов о восстании сложилась «История Пугачева», опубликованная в 1834 году под названием «История Пугачевского бунта». А в 1836 году в журнале «Современник» была опубликована повесть «Капитанская дочка», ставшая своеобразным художественным «осмыслением» Пугачевского бунта.

Сюжет известной повести на выставке представили графические работы оренбургского художника А.Ф. Преснова, книжные издания на иностранных языках из собрания историко-литературного музея Оренбургского государственного аграрного университета, а также рабочие материалы со съемок фильма «Русский бунт», снятого в Оренбургской области в 1998–1999 годах по мотивам «Капитанской дочки» (сценарный план режиссера А. Прошкина, фотографии актеров фильма и кадры закулисных съемок, костюмы главных киногероев).

В декабре — январе выставка продолжила работу в историко-краеведческом музее Александровского района и в Беляевском районном историко-краеведческом музее. В этот юбилейный год определен план ее дальнейшей работы в других муниципальных музеях области, что позволяет расширить не только территориальные рамки проекта, но и увеличить количество посетителей. А это значит, что большее число жителей Оренбуржья еще раз вспомнит (или узнает) об удивительном факте нашей оренбургской истории.

Как отмечалось ранее, вторым мероприятием проекта стал виртуальный тур «Пушкин едет в Оренбург». Его презентация состоялась в конце 2023 года в зале Оренбургского губернаторского музея при участии воспитанников детской школы искусств имени А.С. Пушкина.

Виртуальный тур стал своего рода графическим путеводителем по пушкинским местам нашего края. Он сопровождается очень понятной и яркой инфографикой интересных моментов путешествия, населенных пунктов, через которые проезжал поэт, а также краткими сопроводительными текстами. При этом немаловажно, что при создании графических

Заставка и фрагменты виртуального тура

изображений дизайнеры использовали большей частью музейные экспонаты: карты, открытки XIX века, рисунки городских мест А.Ф. Чернышева, В.В. Дорофеева, акварельные рисунки народов нашего края, живописные картины и портреты В. Перовского, В. Даля, выполненные оренбургскими художниками. Особенностью виртуального тура является то, что графика дополнена современными фотографиями «пушкинских» мест и природных ландшафтов, которые наверняка наблюдал поэт, направляясь в Оренбург. Специально для этого в сентябре прошлого года сотрудники музея проехали по пушкинскому маршруту: Бузулук, Токкое, Сорочинск, Новосергиевка, Переволоцк, Татищево, Нижнеозерное и Оренбург. В ходе экспедиции и были сделаны интересные нас фотографии, вошедшие в виртуальный тур.

В этом году, отмеченном 225-летием со дня рождения А.С. Пушкина, в рамках общероссийской программы реставрации и реэкспозиции пушкинских музеев и музеев-заповедников РФ перед коллективом нашего музея стоят задачи по реэкспозиции стационарного зала «А.С. Пушкин в Оренбурге».

В 1994 году, когда после завершения реставрации музей открыл свои двери для посетителей, тема приезда А. Пушкина в Оренбургский край была представлена лишь небольшим комплексом в зале «Литература и искусство в Оренбургской губернии в XIX веке». В 2013 году состоялось открытие Пушкинского зала, который стал самостоятельной стационарной экспозицией. Здесь представлены экспонаты, рассказывающие о приезде Александра Сергеевича в Оренбург: портреты оренбургского военного губернатора В.А. Перовского и В.И. Даля, знакоmintвшего Пушкина с Оренбургом и сопровождавшего его в Берды, изображения городских мест, которые мог видеть поэт. Историческую значимость имеют архивные документы, подтверждающие факт пребывания А.С. Пушкина в нашем крае: «Дело об учреждении секретного политического надзора за образом жизни и поведением известного поэта во время пребывания в Оренбургской губернии» (оригинал в Объединенном государственном архиве Оренбургской области) и письмо жене Наталье Николаевне, написанное и отправленное из Оренбурга 19 сентября 1833 года; его оригинал хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге.

Конечно, особого внимания заслуживает раритет музейного собрания — одна из посмертных масок А.С. Пушкина первого отлива, а также памятные предметы к 100-летию поэта: юбилейные альбом и медали,

сберегательная касса с изображением А. Пушкина. Их не так много, как нам хотелось бы, но тем ценнее и значимее они для нашей истории. Фонды музея пополнились данными предметами благодаря активной деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии. В 1899 году, в год 100-летия со дня рождения Александра Сергеевича, члены комиссии, немало внимания уделявшие охране памятников старины и воссозданию краеведческого музея, деятельно включились в подготовку празднования этой знаменательной даты: в частности, ученые и краеведы проводили активную работу по сбору материалов, связанных с именем великого поэта.

В таком виде экспозиция существует и сегодня. Реэкспозиция, которая будет проведена в этом году, предполагает: приобретение нового выставочного оборудования (в том числе специальной витрины с индивидуальной подсветкой для представления посмертной маски А. Пушкина); оснащение зала повесочной системой; обновление и дополнение экспозиционного комплекса; заказ живописных тематических работ для экспозиции.

Часть запланированных работ уже проведена в 2023 году. В частности, оренбургским художником, членом Союза художников России В.Н. Ерышевым написаны две живописные работы (портрет А.С. Пушкина и сюжетная сцена встречи А. Пушкина и В. Перовского), сформирован дополненный новыми экспонатами тематико-экспозиционный план зала. Важнейшей и ключевой темой экспозиции по-прежнему остается тема приезда А.С. Пушкина в Оренбургскую губернию. Как отмечалось ранее, нынешняя экспозиция, за неимением экспонатов, освещает главным образом трехдневное пребывание поэта в Оренбурге. Учитывая это, в обновленном экспозиционном пространстве будет установлен проектор для демонстрации виртуального тура, о котором речь шла выше, поскольку тематика его «повествования» охватывает не только Оренбург, но и большинство населенных пунктов по маршруту поэта, что позволит посетителям музея совершить путешествие по «пушкинской» дороге.

Тема творческого наследия будет представлена книгами и сочинениями А.С. Пушкина, которые были изданы во второй половине XIX — начале XX века. Среди них особое место занимает экспонат музейной коллекции — шестой том сочинений «История Пугачевского бунта» с приложением хроники оренбургского исследователя П.И. Рычкова «Осада Оренбурга», бывшего очевидцем события. А. Пушкин

доверительно опирался в своей работе на это сочинение П. Рычкова, цитировал и пересказывал многие его страницы, а при издании «Истории Пугачевского бунта» опубликовал его целиком в качестве приложения: «Трудолюбивый Рычков, автор «Оренбургской Топографии» и многих других умных и полезных книг, оставил любопытную рукопись о сём времени. Я имел случай ею пользоваться...» Впервые будут представлены подлинные графические работы оренбургского художника, заслуженного художника Российской Федерации А.Ф. Преснова, созданные по мотивам повести «Капитанская дочка». Ксилографии автора покажут выразительные образы главных героев знаменитой повести и сцены произведения, известные каждому со школьной скамьи.

Экспозиция в Оренбургском губернаторском музее будет открыта в июне 2024 года, в рамках областных мероприятий по празднованию важной для русской культуры исторической даты. Она позволит оренбуржцам больше узнать об истории родного края и его значении в творчестве великого русского поэта А.С. Пушкина.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА ИСТОРИИ
БУХАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ (50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)**

8 ноября 1922 года на Бухарской земле был основан первый музей, который сейчас называется Бухарский государственный музей-заповедник. Он состоит из 18 филиалов и в настоящее время является одним из ведущих музейных центров Республики Узбекистан. Нынешний музей находится в бывшей резиденции бухарских правителей — крепости Арк, основанной в IV веке до н. э.

Отделы и филиалы музея создавались постепенно. Одним из первых отделов, созданных в Бухарском музее, был отдел истории, рассказывающий об истории и культуре Бухарского оазиса. Он имел разные названия и в архивных документах встречается как отдел дореволюционного прошлого. Сегодня он носит название «Научный отдел истории». В отделе на всём протяжении его существования осуществляли свою деятельность научные сотрудники разных национальностей. Большинство сотрудников, временно работавших в музее, были из российских и европейских городов. Каждый год после Второй мировой войны в музей приходили новые сотрудники. В разные годы отдел истории возглавляли: П.А. Гончарова (в конце 30-х годов XX века), Т.Ф. Гелах (в 1941–1942 годах)¹, С.И. Скиндер (с 30 января 1947 года), Р.Б. Канский (с декабря 1947 года)², Л.Я. Крутик (1949–1950 годы), Е.Т. Ким (1951–1953 годы), И.М. Рахманов (с 5 января по 23 апреля 1954 года)³ и т. д. В этом же отделе работали научные сотрудники: Абдурахмонов (в результате научной работы обогащает музейный фонд уникальным экспонатом — печатью-компасом XIX века⁴), Л.И. Ремпель (1940-е), Л.Я. Крутик

¹ *Джураев Ш.Г.* Из истории Бухарского музея. К 100-летию создания // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1. С. 76.

² *Джураев Ш.Г.* Сотрудник Бухарского музея Ростислав Борисович Канский // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1. С. 57.

³ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1954 год. Л. 16.

⁴ *Курбанов Г.* Печать-компас середины XIX века из Бухары // Общественные науки Узбекистана. 1983. № 4. С. 61.

(с 7 января 1946 по 15 сентября 1949 года)⁵, В.Н. Акман (1949–1950), Д.М. Далатказина (с 12 августа 1951 по 29 июня 1955 года)⁶ и другие.

С 1950-х годов была проведена значительная работа по систематизации музейной деятельности, в частности — создание экспозиции, выставки, организация мероприятий, изучение музейных экспонатов и т. д. Яркий след оставили два научных сотрудника отдела: Нарзулла Юлдашев и Дуке Хуан Ибаррече. Архивные документы рассказывают о стабильности работы отдела: научные сотрудники занимались научно-исследовательской работой, создавалась новая система работы.

Экспозиция отдела истории находилась там, где расположена и сегодня. Об этом свидетельствуют архивные документы и научные статьи, опубликованные в журналах⁷.

Для исполнения работ по графику с первого апреля 1950 года в музее была создана система ведения дневника. И именно с этого момента начинается проверка экспозиций и состояния экспонатов⁸. Это означало, что внимание к музею и музейным экспонатам увеличилось вдвое. С 19 июня 1950 года был освобожден от занимаемой должности, согласно своему заявлению, Л.Я. Крутик — заведующий отделом истории⁹. Временно по совместительству обязанности заведующего отделом возлагаются на В.З. Алтайского — заместителя директора по научной части Бухарского музея. В приеме-сдаче экспонатов участвовали Бакиров (заведующий фондами) и Сафо Бакаевич Каримов (научный сотрудник), который в мае был отправлен в командировку в Ташкент для получения консультации и изучения экспозиционной работы в музее искусства, истории, природы Академии наук Узбекской ССР и одновременно для изучения юбилейной выставки 25-летия Узбекистана¹⁰. С.Б. Каримов, принятый на работу в феврале 1950 года, проработал в музее один год. В целях улучшения научно-исследовательской, экспозиционной

⁵ Архив Бухарского музея-заповедника. Личные дела за 1948 год. С. 64.

⁶ *Jurayev SH.G, Khalikova N.E.* Archival documents of the Bukhara Museum a source for studying the activities of museum staff (on the example of Daniil Dalatkazina) // International Journal of Intellectual Cultural Heritage. Vol. 2 No. 2 (2022): IJICH. 109.

⁷ *Юлдашев Н.* Бухоро музейи // Фан ва турмуш. 1959. № 12. С. 32.

⁸ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1950 год. Л. 51–52. Приказ № 21.

⁹ Там же. Л. 62. Приказ № 38.

¹⁰ Там же. Л. 57. Приказ № 24.

и научно-просветительной работы ряд научных сотрудников были командированы в Самаркандский республиканский музей. Среди них: В.З. Алтайский, Г.А. Мустафин (заведующий отделом природы) и В.С. Перлов (заведующий отделом советского периода)¹¹.

В 1951 году на работу в музей пришли два научных сотрудника: Е.Т. Ким, заведующая (иногда и. о. директора музея)¹², и Д.М. Далатказина. Она окончила педагогический институт в Ташкенте, владела узбекским, русским и немецким языками. С 12 августа Д.М. Далатказина приступила к работе. В архиве сохранилось ее заявление о принятии на работу. В 1953 году Д.М. Далатказина была командирована в Самарканд¹³, затем, в этом же году, для улучшения экспозиции исторического отдела она была направлена в город Сталинабад (Душанбе), чтобы ознакомиться с особенностями фондовой работы и собрать экспедиционный материал. Спустя месяц Дания Мухаммеджановна стала членом комиссии приема-сдачи предметов между завфондами Н. Гадиевым и Ш.Д. Данияровым. В сентябре, после ухода заведующего отделом истории Е.Т. Ким (на основе заключения врачебной комиссии), Д.М. Далатказина временно возглавила отдел¹⁴. Однако из-за нехватки научного персонала и времени в приемах-сдачах, Далатказина была освобождена из комиссии фондового состава. Впоследствии она стала членом другой комиссии.

В конце года в отдел принимается Абаев как научный сотрудник, но он проработал всего лишь один месяц¹⁵.

В декабре 1950 года сотрудниками музея была подготовлена экспозиция под названием «Подготовка и проведение Великой социалистической революции в России и Туркестане»¹⁶, которая открылась в три часа дня 30 декабря. Ответственность за оформление и идейно-политическое содержание выставки несла созданная комиссия.

В январе 1953 года в музее проводилась инвентаризация экспонатов¹⁷. Возможно, такая же работа проводилась и в отделе истории, так

¹¹ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1950 год. Л. 63. Приказ № 40.

¹² Там же. Л. 64. Приказ № 69.

¹³ Там же. Л. 65. Приказ № 70.

¹⁴ Там же. Л. 159. Приказ № 146.

¹⁵ Там же. Приказ № 183 от 06.12.1953.

¹⁶ Там же. Приказ № 182 от 23.12.1953.

¹⁷ Там же. Л. 14. Приказ № 12.

как эта система существует до сих пор, разница в том, что сейчас инвентаризация проводится в феврале.

В 1954 году Д.М. Далатказина была командирована в Ташкент для участия в сессии по вопросам дореволюционной истории Средней Азии в Академии наук¹⁸. Однако эта командировка была отменена. В этом же году научного сотрудника отдела истории Абаева назначили экскурсоводом.

По данным архивных документов можно предположить, что научные сотрудники основное внимание и время уделяли приему-сдаче предметов. С 1954 года на должность заведующего отделом был назначен Н. Юлдашев (окончил Бухарский учительский институт, 1943–1945, педагогический институт имени Низами, 1950–1952)¹⁹. Основанием для приказа о назначении Н. Юлдашева стало направление обкома КП Узбекистана. Позднее Юлдашев был направлен в Тамдынский район для проведения агитационной работы, чтения лекций, проверки и оказания помощи. Вместе с другими сотрудниками музея он принимал участие в сборе урожая хлопка в Кермининском районе²⁰.

С 1955 года научные сотрудники составляли годовые планы работы. Интересно то, что каждый заведующий и научный сотрудник должен был составить свой индивидуальный план и план работы отдела. Отдел истории тоже выполнял эту работу. Заведующий отделом Н. Юлдашев для разработки и получения рецензии на тематико-экспозиционный план по экспозиции на тему «Ислам и его сущность» в Академии наук Узбекской ССР был командирован в музей истории народов Узбекистана. В это же время Далатказина занималась проверкой экспонатов, которые были предоставлены для съемки фильма «Крушение эмирата» и возвращены с Мосфильма²¹. Это было последнее участие Д.М. Далатказиной в музейном деле, так как впоследствии она по собственному желанию покинула музей²².

¹⁸ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1954 год. Приказ № 7 от 28.01.1954.

¹⁹ Там же. Приказ № 60 от 30.06.1954.

²⁰ Там же. Приказ № 103 от 30.10.1954.

²¹ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1955 год. Приказ № 39 от 02.06.1955.

²² *Джураев Ш.* Роль научного персонала в развитии музейного дела. Сбор уникальных артефактов (К 100-летию Бухарского государственного музея-заповедника) // InfoLIB. 2022. № 3 (31). С. 85–89.

В августе отдел истории был закрыт на ремонт, который продолжался до 19 октября, а экспонаты, выставленные в отделе, были переданы в фонд. После ремонта в отделе истории работали сотрудники: В.С. Перлов (заведующий отделом советского периода), А. Касымзада (экскурсовод, младший научный сотрудник) и Г. Нажметдинов (препаратор).

В музее работали представители разных национальностей, в том числе испанцы. Одним из них был Дуке Хуан Ибаррече, который родился 24 июня 1929 года в Испании. Будучи студентом исторического факультета МГУ, Ибаррече увлекся археологией. В 1955 году он окончил университет, был распределен в Узбекистан. Свою работу в Бухарском музее историк и археолог начал с 6 сентября 1955 года в качестве научного сотрудника в отделе истории (согласно путевке Министерства культуры). С 26 сентября по 5 ноября того же года директором музея Якубовым Дуке Хуан Ибаррече был направлен в археологическую экспедицию Института археологии²³.

В 1955 году Н. Юлдашев был назначен временно исполняющим обязанности директора. Тогда же он написал письмо начальнику областного управления культуры Хасанову о необходимости переписать КП — Книгу приема, или Главную инвентарную книгу. Музейный работник подчеркивал, что музейные инвентарные книги, в которые внесены ценные музейные экспонаты, являются основным государственным юридическим документом. По словам директора, инвентарные книги пришли в ветхое состояние и их дальнейшее использование невозможно²⁴. За переписывание десяти книг можно было получить 1 500 рублей. Количество книг указывает на то, что количество экспонатов постепенно увеличивалось. Сейчас сотрудники музея не используют эти книги: они хранятся в секторе учета экспонатов. Отрадно, что в настоящее время существует электронный вариант Книги приема, который могут использовать научные сотрудники музея.

До конца 50-х годов в составе сотрудников музея изменений не было. Нарзулла Юлдашев был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В 1956 году с фотографом музея он был направлен в командировку в Гиждуванский район

²³ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1955 год. Приказ № 95 от 24.09.1955.

²⁴ Архив Бухарского музея-заповедника. Личные дела за 1955 год. Л. 204.

для опроса бывших узников Зиндана²⁵. Полученные материалы использовались при создании нового филиала музея «Уголок Зиндана».

Научный сотрудник отдела истории Хуан Дуке принимал активное участие в различных экспедициях. Так, сроком на 60 дней он был прикомандирован на археологические раскопки в распоряжение Пайкентского отряда Узбекской археологической экспедиции АН УзССР²⁶. С 13 сентября вместе с другими музейными сотрудниками Хуан Дуке в качестве начальника отправляется на 33 дня в научную экспедицию по выявлению, изучению и учету археологических памятников Бухарской области. В конце года он был направлен в Ташкент для выполнения научной работы.

В последующие годы такие экспедиции и командировки продолжались. Например, заведующий отделом истории Н. Юлдашев был командирован в Шафрианский район для оказания практической помощи в подготовке и проведении всесоюзного фестиваля²⁷, потом в Пешкунский, Вабкентский и Каракульский районы. Научный сотрудник Хуан Дуке направлен в Москву на сессию отделения исторических наук СССР, основанием к этому стало письмо Института истории материальной культуры АН СССР от 8.02.1957г.²⁸ А в честь международного праздника Первого мая администрация музея объявляет им благодарность. Летом того же года научный сотрудник Дуке подарил 19 картин в фонд музея. Позже вместе с Рейхер (инспектор по охране памятников) он был направлен в город Карши для выявления участников революционного движения, обследования историко-археологических памятников, а также для получения экспонатов из Кашкадарьинского музея²⁹.

Среди архивных документов наше внимание привлек один приказ:
«В целях улучшения работы обязать зав. отделом Юлдашева произвести следующие работы:

- а) написать на все экспонаты этикетки;
- б) художественно оформить стенды;

²⁵ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1956 год. Приказ № 8 от 05.02.1956.

²⁶ Там же. Приказ № 29 от 28.04.1956.

²⁷ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1957 год. Приказ № 11 от 06.02.1957.

²⁸ Там же. Приказ № 23 от 15.03.1957.

²⁹ Там же. Приказ № 53 от 27.07.1957.

в) написать грамотно заголовок стенда «Присоединение Средней Азии к России»;

г) расширить витрины, показывающие положение бедняков;

д) написать тексты и сведения о «рекхона», «обхона» и «канахона» на узбекском и русском языке;

е) закончить оформление выставки «О происхождении религии Ислам»³⁰.

Из этого приказа следует, что никакая ситуация не оставалась вне внимания музейной администрации. На основании документа мы приходим к выводу, что исследования и экспедиции не должны были скрывать музейную работу, хотя эти сотрудники обычно были в командировках, научных экспедициях и т. д.

Заведующий отделом истории Н. Юлдашев был освобожден от занимаемой должности, но в книге приказов не указана причина. Теперь бывший заведующий был назначен младшим сотрудником отдела народного творчества (Ситораи Махи-Хасса)³¹. Заведующим отделом должен был стать заместитель директора по научной части Ю.М. Гласс, но он тоже был освобожден от должности и назначен научным сотрудником отдела советского периода. Открытым остается вопрос: кто назначен заведующим отделом?

Ответ обнаруживается в приказах. Приказ Бухарского областного управления культуры об изменении должности в музее был отменен, а заведующим отделом вновь был назначен Н. Юлдашев³², который сразу же был отправлен в Ташкент для подбора музейных экспонатов. Так он становится членом закупочной комиссии для приема экспонатов.

В следующем году Н. Юлдашев был командирован в Москву на месячный семинар для повышения квалификации³³, а потом в районы Бухарской области для собирательской работы и разыскивания бывших узников Зиндана (тюрьмы)³⁴. На основании письма горкома партии от 12 июня 1958 года Н. Юлдашев направлен в Ташкент на курсы переподготовки пропагандистов при УК КП Узбекистана сроком на один

³⁰ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1957 год. Приказ № 77 от 20.08.1957.

³¹ Там же. Приказ № 90 от 15.09.1957.

³² Там же. Приказ № 99 от 04.10.1957.

³³ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1958 год. Приказ № 4 от 26.01.1958.

³⁴ Там же. Приказ № 42–43 от 30.05.1958.

месяц³⁵. Научный сотрудник отдела Хуан Дукэ принимал участие в составе комиссии временной передачи экспонатов Пенджикентскому музею имени Рудаки³⁶.

В 1959 году их деятельность не очень ясна, так как в архивных документах некоторые приказы в книгах отсутствуют. Из архивных документов мы узнаем, что научный сотрудник вновь был отправлен в состав Махандарынского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР для участия в археологических раскопках (даже оплачен аванс в сумме 3 000 рублей)³⁷. Имя Н. Юлдашева редко встречается в приказах, но известно, что после командировки он освобожден от занимаемой должности на основании распоряжения президиума АН УзССР от 6.02.1960г. С 10 февраля заведующим отделом назначен Хуан Дукэ, который принимает экспонаты в присутствии членов комиссии.

В статье мы на основе архивных документов музея постарались осветить хотя бы небольшую часть деятельности научных сотрудников, работавших в отделе истории. Однако отсутствие отчетов, папок с личными документами, связанных с их научной деятельностью, никак не повлияло на проведение исследования. Продолжается поиск дополнительной информации в областном государственном архиве и других источниках. В заключение можно отметить, что, несмотря на тяжелое социально-экономическое положение в нашей стране в послевоенные годы, была проведена значительная работа по пропаганде культуры. Для ознакомления широкой публики с нашей историей сотрудниками музея организованы мероприятия и выставки. В результате научных экспедиций и командировок в другие страны фонды музея обогатились новыми экспонатами. Этих научных сотрудников, которые работали в отделе истории и внесли свой вклад в развитие музейного дела, правильнее было бы назвать настоящими музейными легендами.

³⁵ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1958 год. Приказ № 48 от 16.06.1958.

³⁶ Там же. Приказ № 78 от 20.09.1958.

³⁷ Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1959 год. Приказ № 103 от 27.10.1959.

Использованная литература

Jurayev S.H.G., Khalikova N.E. Archival documents of the Bukhara Museum a source for studying the activities of museum staff (on the example of Danii Dalatkazina) // International Journal of Intellectual Cultural Heritage. Vol. 2 No. 2 (2022): IJICH. 109.

Альмеев Р.В. Бухара — город-музей. Ташкент, 1999.

Архив Бухарского музея-заповедника. Книга приказов за 1951–1960 годы.

Архив Бухарского музея-заповедника. Личные дела за 1951–1960 годы.

Болтаев А. Бухоро музейи — тарихий ўлкашунослик маркази сифатида. Ташкент, 2019.

Джураев Ш.Г. Сотрудник Бухарского музея Ростислав Борисович Канский // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1. С. 57.

Джураев Ш. Роль научного персонала в развитии музейного дела. Сбор уникальных артефактов (К 100-летию Бухарского государственного музея-заповедника) // InfoLIB. 2022. № 3 (31). С. 85–89.

Джураев Ш.Г. Из истории Бухарского музея. К 100-летию создания // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1. С. 76.

Курбанов Г. Печать-компас середины XIX века из Бухары // Общественные науки Узбекистана. 1983. № 4. С. 61.

Садыкова Н.С. Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 173.

Юлдашев Н. Бухоро музейи // Фан ва турмуш. 1959. № 12. С. 32.

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»

Антонов Геннадий Николаевич — доктор технических наук, доцент, научный руководитель АО «Санкт-Петербургское морское бюро машиностроения «Малахит» (Гатчина).

Афанасьева Эльмира Маратовна — главный научный сотрудник, руководитель Пушкинских проектов Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва).

Бойцова Алена Евгеньевна — начальник службы просветительной и выставочной работы Пушкинского Заповедника.

Бурченков Константин Петрович — ведущий научный сотрудник музея-усадьбы «Тригорское» Пушкинского Заповедника.

Васильева Ольга Анатольевна — искусствовед (Псков).

Егоров Александр Александрович — старший научный сотрудник Древлехранилища Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков).

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, Почетный работник образования РФ, хранитель музея-усадьбы «Петровское» Пушкинского Заповедника.

Колларова Эва — PhD, профессор, президент Ассоциации русистов Словакии (Словакия).

Кондратеня Александр Владимирович — начальник краеведческого музея Опочецкого районного центра культуры (Опочка).

Крапошин Петр Валентинович — переводчик Всероссийского института научной и технической информации РАН (Москва).

Медвинский Дмитрий Юрьевич — старший научный сотрудник Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (Санкт-Петербург).

Мухтярова Эльмира Исаковна — заслуженный учитель Республики Татарстан, кандидат философских наук, заместитель директора по научно-методической работе Лицея № 78 имени А.С. Пушкина, руководитель добрототского отряда «Друзья Пушкиногорья» (Набережные Челны, Республика Татарстан).

Нетбаева Дина Амангалиевна — научный сотрудник Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (Оренбург).

Осташевский Ярослав Владиславович — специалист научного отдела Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (Санкт-Петербург).

Пинчук Сергей Павлович — научный сотрудник музея-усадьбы «Тригорское» Пушкинского Заповедника.

Пономарева Яна Александровна — хранитель музейных предметов (фонд «Документальная фотография») Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Постников Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Архангельское» (Москва).

Сабурова Елена Вячеславовна — главный библиотекарь Библиотеки № 1 имени А.С. Грибоедова (Москва).

Ступина Елена Алексеевна — ведущий научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника.

Ткачева Светлана Петровна — ученый секретарь Великолукского краеведческого музея (Великие Луки).

Филимонов Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков).

Джураев Шерали Гулямович — преподаватель кафедры общественных наук Бухарского государственного педагогического института (Бухара, Узбекистан).

Яскевич Марина Ивановна — кандидат физико-математических наук, доцент, член редколлегии журнала «Русский язык в центре Европы» (Москва).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО] 3

**«ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ»
Материалы XXVII Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2024 года)**

Любовь Козмина

КОГДА «НЕИЗВЕСТНЫЙ» СТАНОВИТСЯ
ИЗВЕСТНЫМ: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ
К ИКОНОГРАФИИ А.П. ГАННИБАЛА 4

Сергей Пинчук

К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ СТОЛОВОГО ПРИБОРА
ОТ ВРЕВСКИХ, ПОТОМКОВ ВУЛЬФОВ,
ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ
ОСИПОВЫХ И ВУЛЬФОВ В ТРИГОРСКОМ..... 22

Константин Бурченков

О ПРОДОЛЖЕНИИ РАБОТ ПО ВОССОЗДАНИЮ
ИНТЕРЬЕРА ЦЕРКВИ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА НА ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ..... 35

Андрей Постников

МОСКОВСКИЙ ДВОРЕЦ ЮСУПОВЫХ
КАК МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПУШКИНСКИЙ ОБЪЕКТ 53

Елена Ступина

ФОТОГРАФИИ А.М. и О.А. ДОНДУКОВЫХ-КОРСАКОВЫХ
ИЗ СОБРАНИЯ КАРПОВЫХ 71

Алена Бойцова

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ГОСЗАПОВЕДНИКА
«ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК». 1926–1929 ГОДЫ 95

Анатолий Филимонов

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА НА СТРАНИЦАХ
КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ
«ЗА РОДИНУ» (1942–1943 ГОДЫ) 108

Яна Пономарева

ПУШКИН В ФОТООБЪЕКТИВЕ:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ 116

Александр Егоров

ПУШКИН В ПАЛАТЕ РУССКОЙ СЛАВЫ
МУЗЕЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ.
ИВАН ЦВЕТАЕВ КАК ПУШКИНИАНЕЦ 135

Ольга Васильева

«ВСЯКИЙ ТАЛАНТ НЕИЗЪЯСНИМ».
Н.Ф. ОКУЛИЧ-КАЗАРИН.
К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ 149

Геннадий Антонов

МОРЯК, ПУШКИНИСТ, ПЕДАГОГ
К столетию со дня рождения М.М. Баринава.
Повесть о М.М. Баринове и его теории «материальной
силы искусства в формировании боевого духа на войне» 163

Ярослав Осташевский

ПРОФЕССОР ЭНТОМОЛОГИИ Н.А. ХОЛОДКОВСКИЙ
КАК МУЗЕЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК,
ЛАУРЕАТ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМИИ 174

Дмитрий Медвинский

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ МАТОРИН:
ОТ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ
ДО АКАДЕМИИ НАУК 186

Светлана Ткачева

СОЗДАВАЯ ЗАНОВО. ТАИСИЯ МИХАЙЛОВНА
ПАРЫГИНА (ДМИТРИЕВА, ЖАРКОВА) —

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ВЕЛИКОЛУКСКОГО
ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 208

Александр Кондратеня

ЭКСПОЗИЦИЯ «ТИМЕ И СЕЛО ЗАХИНО»
В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ГОРОДА ОПОЧКИ 218

Петр Крапошин

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЭКСПОЗИЦИИ
«ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ПЕТРОВА»
В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «БОЛЬШИЕ ВЯЗЕМЫ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ СПОДВИЖНИКУ ПЕТРА I,
БОЯРИНУ, КНЯЗЮ БОРИСУ АЛЕКСЕЕВИЧУ
ГОЛИЦЫНУ 221

Эльмира Афанасьева

ПУБЛИКАЦИИ С.С. ГЕЙЧЕНКО В ЖУРНАЛЕ
«РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ» ЗА 1980-Е ГОДЫ 225

Марина Яскевич, Эва Колларова

ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ»
К ЮБИЛЕЮ А.С. ПУШКИНА 230

Елена Сабурова

В ДИАЛОГЕ С ПУШКИНЫМ СКВОЗЬ ВРЕМЯ
И ПРОСТРАНСТВО: ПУШКИНСКИЕ ПРОЕКТЫ
ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА 235

Эльмира Мухтярова

УЧАСТИЕ ВОЛОНТЕРСКИХ ДОБРОХОТСКИХ
ОТРЯДОВ «ДРУЗЬЯ ПУШКИНОГОРЬЯ»
В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОУСТРОЙСТВЕ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
В РАМКАХ ДОБРОХОТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
«ДЛЯ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ» 239

Дина Нетбаева

МУЗЕЙ — К ЮБИЛЕЮ А.С. ПУШКИНА

О подготовке Оренбургского губернаторского музея

к 225-летию со дня рождения великого поэта 249

Шерали Джураев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА ИСТОРИИ

БУХАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ (50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)..... 255

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана» 264

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 101

«ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ»

МАТЕРИАЛЫ

XXVII Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко
(13–16 февраля 2024 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

На первой странице обложки:
Веранда дома А.С. Пушкина. 1963 год

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Россия, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
бульвар имени С.С. Гейченко, 1

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 19.04.2024.
Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Объем 17,0 печ. л.
Заказ № 419. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.